

Марина Дечко

Дочь алхимика

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Заговор против короны обернулся для ее отца смертью, а для нее самой — исключением из девичьего пансиона и обвинениями в измене Староросской империи.

Заговор против короны стал для него вызовом, в котором найти изменника — не самое сложное, ведь на кону стоит собственная жизнь и жизнь юной наследницы старого графа.

До первого петергофского бала остается всего неделя, и за этот срок чиновательник особого кабинета должен найти виновных, подтвердив или опровергнув обвинения против дочери алхимика. С этого дня они вместе должны раскрыть личность заговорщика, узнать, в носителе чьей древней крови проснулся дар некромантии, и предотвратить бунт на улицах Петергофа. И хотя времени остается всего неделя, общими усилиями господин Левшин и юная Ольга попробуют справиться с поставленной задачей.

Вот только не станут ли помехой пробуждающиеся у них так не к месту чувства?

-
- [Марина Дечко](#)
 -
 - [ПРОЛОГ,](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ,](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,](#)

- [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,](#)
 - [ЭПИЛОГ,](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Марина Дечко
ДОЧЬ АЛХИМИКА

ПРОЛОГ, в котором наследная графиня Ершова узнает границы своей выдержки

Такт есть одно из важнейших условий света.

*Жизнь в свете, дома и при дворе.
Петергоф, 1890 г.*

Почему-то раньше я не замечала, насколько мал кабинет управительницы пансиона. Да и она сама, съездившись под колючим взглядом маркиза Левшина, сейчас казалась какой-то серой, незначительной. А ведь мы ее боялись.

Статная дама с чуть более широким, чем положено среди высоких родов, разворотом плеч, Агата Михайловна Полякова держала девичий пансион в особой строгости. Видимо, потому и перечить ей было страшно: как наследнице одного из главных семейств Староросской империи ей достался дар целительства, с легкостью стиравший с рук провинившихся воспитанниц следы тонких розог. Впрочем, для особо отличившихся существовали не только розги — это я знала не понаслышке.

Теперь же госпожа Полякова сидела за высоким дубовым столом тихо, смирно даже, чем по-настоящему пугала меня. Она будто бы пыталась сильнее вжаться в густого винного цвета кожаное кресло, но то, скоро отдав запасы лишнего места хозяйке, больше подчиняться не желало, что заметно нервировало Агату Михайловну.

Как бы то ни было, в эту самую минуту я понимала ее. Ожидая встречи с визитером в приемной управительницы, я и подумать не могла, что встречу не с кем иным, как с последним маркизом из когда-то славного рода боевых огненных магов. Что же такого могло произойти, чтобы визит нанес именно он?

Постаравшись припомнить редкие слухи, которыми делились воспитанницы пансиона, я отыскала в памяти несколько крайне неприятных фактов о молодом маркизе Левшине. Говорили, что звание

его при цесаревиче было вовсе не адъютанта, а чиновника кабинета его императорского высочества. И что отошло это звание в руки великого министра не просто так...

Украдкой шептались, будто молодой цесаревич боится маркиза, ведь по силе с ним сравнится разве что некромант, но род Воробьевых угас и дар этот утрачен для империи. Если только воскресить, но как?..

Я сглотнула. Нервная дрожь пробежала по кончикам пальцев, отчего их пришлось тут же спрятать в белоснежной ткани шелковой юбки. И пусть жест этот не останется не замеченным Агатой Михайловной, но с ней я разберусь позже. Теперь же...

— Госпожа Ершова... — Управительница явно нервничала, отчего обращение ее, которого я доселе не слышала, вышло каким-то натянутым. За закрытыми дверями нас чаще называли по имени, и только в редких случаях, когда позволялось принимать гостей, — по фамилии. К слову, папенька, отдав меня в пансион совсем ребенком, навещать забыл тут же, и потому обращения к себе по фамилии я не помнила. — Его сиятельство маркиз Николай Георгиевич Левшин прибыл, чтобы...

— Оставьте нас! — Голос маркиза прогремел так звучно, что я от неожиданности вздрогнула. И, передумав доставать дрожащие пальцы из складок юбки, попыталась сконцентрироваться на дыхании. Если сосчитать вдохи-выдохи, тогда мыслей останется совсем мало и пальцы понемногу перестанут дрожать.

Звук удаляющихся шагов, за которым — скрип тяжелой двери. И почему-то мне кажется, что мое дыхание слишком частое, слишком...

— Вы знаете, по какой причине я прибыл?

Поднять глаза на маркиза Левшина по-прежнему было страшно. Но этикет требовал при разговоре глядеть собеседнику в лицо, а послушаться его я не могла никак. Особенно в святая святых госпожи Поляковой. Все же восьмой год обучения подходит к концу, и уже спустя неделю меня ждет выпуск. А там — петергофский бал, на котором я буду представлена свету как дебютантка.

Я втайне надеялась, что первый год станет для меня удачным, потому что возвращаться в дом отца нельзя. Никак нельзя...

— Нет, ваше сиятельство. — Осторожный взгляд, позволяющий заметить суровый профиль маркиза, в полуобороте застывшего у окна.

Даже в ярком дневном свете его волосы кажутся не просто черными — смоляными, опадая на плечи легкой волной. Стрижены ровно, будто бы под линейку, и в фигуре видна военная выправка.

Словно бы почувствовав мое любопытство, маркиз раздраженно пожал плечами, окинув меня с ног до головы колючим взглядом внимательных карих глаз. И несмотря на то, что глядел он от силы пару секунд, меня словно обдало кипятком. Случайность? Или все же магия огня, о которой не умолкая твердят в каждом салоне?

Я постаралась как можно скорее отвернуться, отметив, что внешность собеседника скорее отталкивающая, чем приятная. И ведь даже непонятно почему. Все же черты лица довольно правильные, кроме разве что легкой горбинки на носу, равняющей маркиза с хищной птицей. В остальном...

Скулы высоки, очерчены. Широкий подбородок с россыпью мелких шрамов у правого уха. А ведь он еще довольно молод, всего лет на десять старше меня. Только слухи о нем ходят нехорошие, дурные. Страшные даже. И снова приходится сглотнуть, потому как от тревожного предчувствия рот наполняется вязкой слюной.

— Ваш отец, четвертый граф Савелий Яковлевич Ершов, вчера поутру был задержан в Императорском институте Петергофа по подозрению в измене короне. Суда, который назначили на это утро, он не дождался: тело нашли накануне в камере, причина смерти — отравление. Вы должны прибыть в Петергоф для освидетельствования и... Ольга Савельевна?

Руки выскользнули из шелковых складок тонкой юбки, и уже в следующее мгновение я поняла, что моей выдержке пришел конец. Резкий выдох, граничащий со вскриком, — и ощущение реальности покинуло меня, позволив наконец оставить этот долгий день позади.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой случаются первые знакомства, ведутся неприятные разговоры и открываются скандальные тайны

*Мужчина всегда обязан помогать женщине,
находящейся в затруднении...*

*Жизнь в свете, дома и при дворе.
Петергоф, 1890 г.*

Голоса приближались быстро, в один миг взорвавшись вокруг меня резким гулом.

Правую ладонь крепко жгло, не позволяя снова уйти в беспамятство, и только в области головы царила спасительная прохлада, медленно возвращавшая в сознание.

Я зажмурилась. Может случиться, что все это — всего лишь сон. Дурной сон, о котором забываешь тут же, как открываешь глаза. Ну же, Оля!

Перед глазами плыло всего секунду, а потом очень четко обрисовалось лицо маркиза, низко склонившегося надо мной. Его ладонь держала мое запястье осторожно, почти бережно, и под кожу бежали колкие иглы. Я перевела взгляд на пальцы господина Левшина, обратив внимание на старый фамильный перстень, венчавший мизинец: так и есть — под кожей крошечными всполохами догорали последние искры, подсвечивая пурпурным крупный рубин. А ведь камень сейчас почти черный, что говорит о его использовании, — значит, артефакт. Я задержала дыхание. Артефактов такой силы едва ли сыщешь пару-тройку во всей империи, и вот один из них — передо мной.

На память тут же пришло массивное каменное сооружение, окаймляющее девичий пансион в Хвойном. Всем известно, что

закладка защитных пластин осуществлялась еще до основной постройки, что запрещало силовому всплеску рождать магический контур. Лишь госпоже Поляковой и нескольким воспитателям было дозволено пользоваться дар в стенах учебного заведения. Может, в пансионе оно и к лучшему, но стало ясно: маркиз — не просто маг, раз смог побороть магическую цепь такой мощи. Впрочем, судя по слухам, молодой министр был способен не только на это.

— Все в порядке, Агата Михайловна, госпожа Ершова пришла в себя. Ваша помощь больше не понадобится, — не терпящим возражений тоном сообщил маркиз.

Чувство прохлады вокруг лба тут же исчезло, и я запоздало поняла, что это было целительское воздействие нашей управительницы. Но уходить она не торопилась, обеспокоенно уточнив:

— Вы уверены, ваше сиятельство? Девушка все еще слаба и...

— Оставьте нас! — потребовал Левшин. — Я позову вас, если понадобится.

Я переводила взгляд с госпожи Поляковой на министра, и впервые за все восемь лет учебы в пансионе мне не хотелось, чтобы Агата Михайловна уходила. Кажется, пожилая дама понимала это, потому как предприняла еще одну жалкую попытку помочь:

— Ваше сиятельство, юная госпожа не может остаться в своих покоях одна с молодым человеком. Она будет скомпрометирована. Без дуэньи...

— Вон! — Маркиз был непреклонен. И что совсем странно, госпожа Полякова послушалась. Бросила на меня сочувственный взгляд, после чего, тихо зашуршав юбками, почти скрылась за дверью. — И да, уважаемая управительница, проследите, чтобы нам не мешали, — приказал он.

На этом все. А пока Агата Михайловна прикрывала за собой тяжелую створку двери, я успела оглядеться. Оказалось, что меня бережно уложили на мою же постель, каким-то образом переместив из кабинета управительницы. Портал? Поговаривали, что для высших родов такое возможно, но все же...

Я с осторожностью посмотрела на собеседника, пытаюсь угадать, что ему нужно. Нет, о своей репутации не тревожилась: госпожа Полякова хоть и на редкость вздорного нрава, но все же бросить тень

на пансион не позволит. А значит, оставит пребывание маркиза в моей комнате в тайне. Быть может, уже даже попросила одну из воспитательниц укрыть вход сюда отворотными чарами. Тогда...

— Вставайте, госпожа Ершова, ваше представление было на редкость неуместным, — сурово проговорил маркиз и отошел к окну. — Чем быстрее мы разберемся с делом, тем скорее вы сможете вернуться к прежней жизни.

В голосе маркиза прозвучали фальшивые нотки, и я настороженно сглотнула.

Моя жизнь и до этого дня была малоперспективной, если подумать. Никому не нужная сирота, потерявшая мать еще в детстве, я слыла синим чулком среди идеальных воспитанниц девичьего пансиона. Отец, конечно, богат, но богатство это большей частью уходило на исследования факультета алхимии, главой которого четвертый граф Ершов числился последние два десятка лет. И даже деньги старого деда мне бы не помогли — отец разорвал связь с ним давным-давно, еще после смерти матери, позволяя навещать старика единожды за год, во время летних каникул.

Да, прежняя жизнь манила меня мало. Но вот дальше — еще хуже. Что станет со мной теперь, когда отца обвинили в измене империи?

Я осторожно села на кровати и опустила глаза на выдавший виды пестрый ковер, стараясь больше не смотреть на маркиза. Помимо очевидной недружелюбности, тон его голоса все чаще уходил в раздражение, а на лице появлялось брезгливое выражение:

— Ну же, Ольга! Поверьте, я осведомлен о ваших отношениях с отцом. Вряд ли известие о гибели человека, о котором вы ничего не слышали восемь лет, могло так огорчить вас. Особенно учитывая ваши характеристики, которыми неохотно поделилась госпожа Полякова.

Пришлось пропустить мимо ушей обращение маркиза ко мне по имени: такое дозволялось либо при очень близких отношениях, либо же тогда, когда тот, кто обращался, считал собеседника фигурой не просто младше себя, но всяко незначительней, мельче.

Значит, вот какого вы обо мне мнения, Николай Георгиевич. Что ж...

Словно бы подтвердив мои мысли, маркиз подошел к окну и слегка склонил голову, позволив полуденному солнцу осветить

аристократический профиль.

Я незаметно оглядела собеседника. Военный мундир глубокого морского цвета сидел безукоризненно, не позволяя ни единой морщинке изменить идеально ровной спины. Прямые брюки с безупречными стрелками сгибались над блестящими ботинками ровно на одну складку, а белоснежный ворот рубашки держался в высокой стойке. Все в облике господина Левшина было выверенным настолько, насколько вообще могло быть.

Одним вальяжным движением он прислонился плечом к оконному откосу, безжалостно смяв тяжелую бежевую портьеру, и, подняв с невысокого дубового столика увесистую папку моего личного дела, зачитал:

— «Нрав госпожи Ершовой сложный, порой доходящий до откровенной непокорности. Обладая острым умом и незаурядным образом мыслей, что, по всей видимости, унаследовано от отца, девушка крайне неуживчива». — Бровь маркиза чуть приподнялась, а угол рта изогнулся в кривоватой улыбке. Колкий взгляд, от которого я едва не съезжилась, и снова: — Опустим перечисление ваших многочисленных проказ, госпожа Ершова. Боюсь, они дают представление о вас как о на редкость изобретательной особе. И это тоже, кстати, семейная черта. Вы не думали стать алхимиком, подобно отцу?

Не сумев произнести ни слова, я отрицательно покачала головой. А маркиз продолжил:

— Что ж, ввиду последних событий это и к лучшему. — Левшин отклонился от окна, с хлопком закрыв папку. — Видите ли, отравление графа было осуществлено при помощи его последней разработки, отвара на основе ливиума, и...

Комната заметно качнулась, а цветастый ковер снова пошел кругами. Но все это быстро прекратилось, едва широкие ладони его сиятельства легли на мои, снова выпустив под кожу огненные искры.

— Госпожа Ершова, — Николай Георгиевич даже не думал скрывать раздражения, слишком сильно сжимая пальцы, — в ваших же интересах пойти мне навстречу и не устраивать больше спектаклей. Вы должны понимать, что после освидетельствования трупа вас вызовут на допрос, а потом... — Неприятная пауза, и маркиз все же разжал ладони. Встал рядом, нависнув надо мной черной тенью и тут

же заставив поверить, что хуже не будет. Но уже в следующий момент стало ясно — будет, потому как министр сообщил далеко не все. — Потом, возможно, — суд, где станет рассматриваться ваше дело против короны.

Яркие пятна на ковре резко приблизились, больно отбивая рябью в глазах, и мне понадобились все силы, чтобы заглушить волнение:

— Против короны?..

Смотреть на господина Левшина не хотелось совсем, но удивление заставило поднять на него глаза. Я отшатнулась — в черных зрачках плескалась нескрываемая ненависть, делая и без того хищные черты не просто жесткими, но невероятно жестокими.

— Именно так, госпожа Ершова. Если будет доказано, что вы причастны к делам отца, вас лишат наследства и титула, а может, и того больше.

Я задохнулась. Снова сосредоточилась на дыхании, чтобы позорно не разреветься перед этим лишенным сочувствия человеком, и тут же услышала:

— Думаю, ваши вещи уже подготовили. Остальное вышлют на адрес государственной квартиры, в которой вы пока поселитесь. Видите ли, дом графа Ершова опечатан, обыск продлится не меньше недели...

Пока министр говорил, я собиралась с мыслями. Судя по тому, что дом отца опечатан, а я буду пребывать в казенной квартире, мой статус звучит не иначе как «подозреваемая». А это дурно, очень дурно, особенно учитывая обвинение в измене короне и внушительный размер моего наследства, которое отойдет государственной казне, если я проиграю суд. Впрочем, как раз в этом сомневаться не приходилось. И тогда разумным будет вот что...

— Господин Левшин, — склонила голову в знак уважения перед чиновником кабинета его императорского высочества, — я готова во всем оказать помощь следствию и лично вам. И все же, помимо лишения титула и наследства, — короткая пауза затягивалась, отчего страх продолжить становился все отчетливей, — что мне грозит в том случае, если дело примет неожиданный оборот?

Правая бровь маркиза снова чуть приподнялась, а сам он отвернулся к окну, сделав в его сторону несколько шагов:

— Если вы невиновны, вам не о чем беспокоиться.

А ведь он не зря отвернулся. Знал: ввиду того, что титул отцу дарован императором, наследование дара по его линии невозможно. А вот с матерью совсем другая история...

Род деда — очень древний, один из двадцати самых высоких в Староросской империи. Мы ведь и с исчезнувшими некромантами Воробьевыми когда-то роднились. А наследницей в нем — одна мать. Мне приходилось слышать, что до болезни дар в ней горел сильный и видеть она могла даже то, что спрятано у человека глубоко внутри.

Однако затяжной недуг выжег в ней не просто наследные черты, но и саму суть. И к исходу его все, что осталось от родного человека, — иссушенная оболочка с безумными глазами. А потому, когда в десять лет у меня начались головокружения, отец пригласил целителей и вскоре отвез в пансион. Тонкие пилюли грязно-серого цвета выдавались по две в день, и в лазарете за этим тщательно следили.

Видно, информация об этом тоже была в личном деле, раз маркиз так упорно разглядывал убогий пейзаж за окном. Боялся, что слухи о лживости материнской болезни и сокрытии дара небеспочвенны?

Глупости! На свете не было ничего мертвее моих талантов, и мне всегда казалось, что именно поэтому отец ни разу так и не навестил меня в пансионе. Наверное, стыдился неудавшейся дочери, каждый день напоминавшей о его собственной никчемности.

Что ж, маркиз не зря занимал свою должность — он безупречно владел собой. Вот только мне пришлось прожить вдали от дома целых восемь лет, а общество молодых воспитанниц высоких имперских родов — та еще яма с копошащимися гадами.

И я заметила, как упругая венка на сжатом кулаке начала пульсировать сильнее, проступая темным жгутом на выбеленной коже. Значит, все плохо. Что ж, я всегда чувствовала неизбежность мрачного завершения своего бесцельного существования, и вот теперь это ощущение обрело смысл.

— Когда мы отправляемся?

— Прямо сейчас. Карета уже ожидает у главных дверей. Если поторопимся, успеем в Петергоф к ночи.

— Разве вы не воспользуетесь порталом? — не удалось скрыть изумления.

— И все же, госпожа Ершова, — быстрый выразительный взгляд, после чего министр снова отвернулся к окну, — управительница пансиона верно оценила вас. Вы и вправду умны, раз догадались о портале. Но нет, я не стану использовать его для нашего перемещения. Видите ли, как только мы прибудем в Петергоф, все наши разговоры будут записаны на друзья памяти, которые затем предоставят суду. Мне бы хотелось спросить вас кое о чем лично... — Глубокий вдох выдал, что последующее говорить совсем не хотелось: — И да, вынужден извиниться, но тело придется осмотреть сегодня же.

Он резко обернулся:

— И только после этого я доставлю вас в государственную квартиру.

Мне не оставили выбора. Страшилась ли я предстоящего? Скорее нет, чем да. В конце концов, министр прав: я никогда не была слишком близка к отцу и страха перед предстоящим зрелищем не испытывала. К тому же суеверие мной упорно порицалось, отчего опасение опознать труп отца ночью казалось как минимум безрассудным.

Нет, страшило другое. Но об этом я смогу подумать после, когда останусь одна, потому как взгляд Николая Георгиевича не упускал ни единой мелочи, зорко отмечая каждое, даже мимолетное, движение.

Я кивнула в знак согласия, осторожно спросив:

— Вы позволите перед отъездом обратиться в лазарет? Я с детства страдаю головокружениями, пилюли выдают дважды в день. Если пропустить прием, может стать хуже...

— О болезни госпожа Полякова упомянула. — Маркиз недовольно поджал губы. — Месячный запас лекарства уже у меня, выдавать его буду сам по причине...

Он не договорил, но я и так все поняла. Видимо, боялся, как бы я не отравилась вслед за отцом. Значит, все еще хуже, чем предполагалось поначалу. Покорно склонив голову, я встала с кровати, аккуратно расправив после себя складки на старом коричневом покрывале, и, проследовав к шкафу, сняла с вешалки темно-синий плащ.

Огонь распознала тут же, почти мгновенно. И обернулась так резко, что едва не налетела на маркиза.

— Позволите? — Левшин стоял слишком близко, из-за чего я ощущала на его коже едва различимый запах дорогого парфюма,

наверняка привезенного из Франкии, где мастерство создавать драгоценные ароматы было возведено в рамки искусства.

Я подняла глаза на Николая Георгиевича... тут же отшатнувшись от гневной гримасы, исказившей его лицо. Видимо, помогать дочери изменника ему было не просто неприятно, но воспринималось сродни чему-то мерзкому. Только воспитание в высоких родах передавалось с самой кровью, и отказаться от него было бы противоестественно.

А ведь в салонах шептались, что род Левшиных брал свое начало со Смутных времен, и потому кровь в его жилах более чистая, чем императорская... Мысли, конечно, запретные, преступные, и наказание за них по-настоящему жестокое...

Господи, если бы я только могла воспользоваться хотя бы крупичей дара, жившего когда-то в матери!

Но в глазах министра не нашлось ничего, кроме ярости, и спустя мгновение я сдалась. Снова отвела взгляд, протянув на ладонях тонкий плащ, чудесно подходящий для поздней весны, что никак не желала в этом году уходить из Хвойного.

Маркиз уверенно забрал у меня накидку, не коснувшись при этом даже на мгновение, и теперь терпеливо ожидал, пока я повернусь к нему спиной. Сердце забилося так гулко, что я невольно вздрогнула: неужели он тоже слышит его?

По Николай Георгиевич был крайне собран, лишь позволив себе короткое:

— Ну же, госпожа Ершова, нам стоит поторопиться!

Спорить было глупо. Плащ набросили на плечи одним скорым движением, после чего Левшин резко толкнул дверь.

— И да, Ольга Савельевна... — Он коснулся теплыми ладонями моей головы, и время на миг остановилось. Голоса кругом стали тише, а пространство словно сузилось до крошечного квадрата пестрого ковра, на котором стояли только мы. Внезапно я явно ощутила, как его голос вместе с огненными иголками пробирается под кожу, кружит в венах и спустя всего миг звучит уже внутри: — Будучи прекрасно осведомлен о вашем характере, я все же предупрежу: если вы задумали побег, немедленно выбросьте эти мысли. Ваше положение и без того незавидно. Любая оплошность уронит честь рода Ершовых еще ниже и поставит вашу судьбу под удар. Надеюсь, мы с вами поняли друг друга?

Я кивнула. И только получив мое согласие, маркиз опустил ладони. А мир снова стал прежним, где голоса звучали снаружи, а не внутри моей головы.

Внушение? Неужели? На что еще способен последний из огненных боевых магов империи?

Сбросив мимолетное оцепенение и оглянувшись в последний раз на небольшое светлое пространство своей спальни, я переступила через порог, почти полностью уверенная в том, что не вернусь сюда. Что ж, пусть забрать с собой все тайны не получится, но все же они будут надежно хранимы этой комнатой.

Провожать меня никто не посмел: видимо, даже в строжайшей секретности, которую обещала Николаю Георгиевичу госпожа Полякова, девушки побоялись говорить с той, за которой явился сам министр. Было немного обидно, но я тут же постаралась справиться с этим чувством: впереди меня ждали более серьезные испытания, на которые понадобится больше сил, чем на глупые переживания.

Длинный коридор оказался необычно пустым, и только старый швейцар, ждавший у порога, пожелал:

— Доброй дороги, господа!

Улыбнувшись в ответ служащему пансиона, я ступила на широкое крыльцо, подставив разгоряченные щеки под полуденное апрельское солнце. Весна в этом году запаздывала, отчего холодный ветер по-прежнему низко гнул верхушки деревьев.

Бросив прощальный взгляд на темно-серые каменные стены пансиона, так и не ставшего родным домом за восемь лет, я вложила руку в широкую ладонь маркиза. И, сделав глубокий вдох, позволила ему помочь мне забраться в черную карету, ждавшую у подъезда.

Лошади сорвались с места в ту же минуту, как хлопнула дверца. Невольно вздрогнув, я постаралась не поднимать на господина Левшина глаз: незачем заставлять его ненавидеть меня еще больше, чем сейчас.

Впрочем, если забыть о том, что меня везут на опознание тела и на допрос, путешествие можно назвать вполне комфортным, потому как хода лошадей почти не слышно. И старая дорога, полная ям и ухабов, отчего-то ложится под колеса кареты ровно, гладко, по всей видимости, тоже опасаясь гнева молодого министра.

Неожиданная догадка заставила сердце биться сильнее, и лишь тогда я позволила себе взглянуть в окно. Через тонкое стекло заметила, как мы движемся в облаке тусклого алого свечения, мерно подрагивающего в такт красным всполохам на почти черном рубине Николая Георгиевича. Сквозь кровавую дымку огня проглядывает нечто чужое, мертвое, облеченное в едва заметное зеленоватое мерцание.

А пансиона уже и не видно. Что происходит?

Обратив внимание на мое замешательство, маркиз слегка улыбнулся, заверив:

— Рядом со мной вам нечего опасаться, госпожа Ершова. Магия огня вам не навредит.

Я могла бы просто согласиться, но не замечать очевидного было нельзя.

— Вы ведь пользуете не только дар огненной стихии, верно? Карета с лошадьми... В вас течет кровь Воробьевых?

Где-то внутри живота инстинктивно начало сворачиваться удушающее чувство сродни первобытному страху. Неужели министр несет в себе не только огненное начало, но еще и утерянное, мертвое? И возможно ли такое?

Левшин снова приподнял бровь, удивленно разглядывая меня:

— Как и в вас, графиня.

Все верно. В истории нашей семьи был и такой брак, только кровь наследует лишь сильнейший из талантов. Или не наследует ничего вовсе, смешиваясь с обычной, — именно так случилось со мной. Но министр...

Немыслимо! Еще не осознав, что маркизу известно обо мне гораздо больше, чем следовало, я снова задумалась над очевидным. Николай Георгиевич Левшин — не просто боевой огненный маг. Он некромант. Господи, что же творится?! И знает ли об этом наследник императора? Или же все происходящее — тайна, которую мне придется унести с собой вслед за отцом?

— Вам незачем меня опасаться, — снова заверил маркиз. — Поверьте, я не причиню вам вреда.

Видимо, знает. Да и, наверное, скрыть такой могущественный дар было бы непросто. Но господин Левшин, не желая продолжения этого разговора, резко сменил тему:

— Если позволите, графиня, я хотел бы узнать кое-что без записи друзей памяти.

— Конечно, господин министр. Я охотно помогу вам и смогу повторить в суде, если понадобится.

Все верно. Маркиз должен понимать, что показания я даю не ему лично, а самой империи. И что секретов у меня нет.

— Меня интересует ваша переписка с молодым графом Никитиным.

Я и сама не поняла, как мне удалось сохранить невозмутимость. А ведь пальцы даже не дрогнули, оставив тонкую белоснежную ткань юбки идеально ровной. Видимо, восемь лет в девичьем пансионе принесли гораздо больше пользы, чем думалось.

Переписка с Алешей Никитиным мною велась на протяжении последнего года. Начавшись с прошлого лета, когда мне было позволено повидаться с дедом в его старом поместье, она стала постоянной, во многом поддерживая нас обоих. Конечно же мы не любили друг друга, но обманываться насчет любви в аристократическом обществе по меньшей мере глупо. А вот дружба — она навсегда.

Так уж случилось, что мы оба принадлежали к высоким родам империи и потому с детства понимали: честь и интересы семьи должны стать выше собственных желаний. Алеша хотел писать картины, я же... После утраты матери и не менее болезненной потери связи с отцом мне хотелось просто жить. Не в стенах пансиона и не в дальнем поместье старого мужа, выбранного родом. Если бы наши мечты исполнились...

Я мигом прогнала запретные мысли. О чем еще известно маркизу Левшину?

Но минута почти заканчивалась, а Николай Георгиевич продолжал наблюдать за мной с нескрываемым интересом. Пришлось ответить:

— Я давно не получала писем от господина Никитина. Старая дружба, мы были знакомы с детства...

— Госпожа Ершова! — Узкое пространство кареты делало голос маркиза не просто громким — оглушительным, что заставило меня сесть ровнее. — Вы обещали не лгать. А еще... — многозначительная пауза, — помогать во всем короне. И мне лично.

Маркиз сложил руки на груди, словно закрываясь от меня, и его взгляд стал еще более жестким.

— Последнее письмо пришло накануне, верно? Оно сохранилось?

Я кивнула. Письма хранились мной с особой бережностью, и в безопасности тайника я была уверена. Стоило только отодвинуть дальний край ковра в моей комнате, после чего приподнять крайнюю дощечку у шкафа. Она с гвоздем и поэтому никогда не привлечет внимания. Но гвоздь этот расшатан, а под ним — широкое пространство до земляного пола. Там ведь лежат не только письма...

— Переписку изыму завтра. — Левшин казался непреклонен. — Надеюсь, она хранится у вас в конвертах?

Настороженно кивнула:

— Да, но...

— Вы, видимо, не знаете, — Николай Георгиевич безжалостно растаптывал меня словами, — но вашего поклонника уже с пол года нет в столице. Впрочем, как и в самой империи.

Он ненадолго прервался, зорко следя за малейшим изменением в моем поведении, после чего подвел черту:

— Скандал о запретной связи с наследной княгиней прогремел на весь Петергоф, приведя его императорское высочество в ярость. Старому графу Никитину пришлось лишиться половины состояния, чтобы вина отрока ненадолго забылась, а сам он спешно выехал к Лигурийскому морю. Но ведь ваши конверты — не из Итальянских земель?

Пораженная услышанным, я едва понимала, о чем говорит маркиз. Скандал с наследной княгиней? Неужели Хвойный так далеко от Петергофа, чтобы слухи настолько мерзкого свойства не долетели до нас? Или же все это из-за связи с семьей самого императора? Скрывалось?

Я терялась в догадках, но больше всего тревожило другое.

— Конверты приходили обычные, местные. На желтоватой бумаге дурного качества — чтобы их не вскрывали.

— Почерк?

— Алешин.

Маркиз на минуту задумался, тихо проговорив:

— Ваше дело, госпожа Ершова, с каждой минутой становится все интереснее. — Взгляд его потемнел. — После изъятия письма будут

подвергнуты исследованию на духовной дружбе. Если окажется, что рука — ваша...

Я не сразу поняла, о чем говорит маркиз. Моя рука... но зачем? И лишь спустя мгновение отвратительная догадка опалила щеки:

— Вы думаете, я сама?

— Я не думаю, — устало проговорил маркиз, — я исключаю. Все же слишком много нестыковок...

— Но... зачем? Зачем мне самой писать себе письма?!

Левшин глубоко вздохнул, пожав плечами:

— Привлечь внимание отца. Похвастаться перед товарками. Увести след в случае чего. А может... может быть, писал письма вовсе не Никитин. И даже не вы...

Ощувив, как краснею до кончиков волос, я молилась лишь об одном: чтобы моей выдержки хватило не расплакаться перед этим безжалостным человеком. Но внезапно маркиз прервался на полуслове, резко подняв правую ладонь. Таким знаком обычно заставляют молчать чернь, а не равных себе.

Глаза обожгло, и я ощутила, как горячие слезы вот-вот хлынут. Но глухой гул, обрушившийся на стены кареты со всех сторон разом, мигом вернул самообладание. А вслед за рокотом появилось зеленоватое свечение, заглушающее алую дымку. И тогда маркиз, мимолетно глянув в окно, скомандовал:

— Оставайтесь здесь! И не сходите с места ни при каких условиях!

Он резко толкнул дверцу кареты, и в замкнутое пространство ворвался запах тлеющей плоти. Гнилостный, он был так противен, что мне понадобились все силы, чтобы удержаться от позорного приступа дурноты.

Маркиз тем временем выскочил наружу, и я сначала почувствовала, а потом и расслышала стрекочущие волны, заставлявшие нашу карету подрагивать.

Время шло, а гул все нарастал. Было так страшно, что совсем скоро я уже не могла сказать, сколько длится эта какофония. Вздрагивая с каждым новым ударом, я искала в окне очередную алую вспышку, подтверждающую, что маркиз по-прежнему жив.

Что еще оставалось мне? Дождаться внутри, проявив благоразумие, или помочь господину Левшину?

Видимо, Агата Михайловна все же была обо мне слишком высокого мнения, полагая, что я обладаю острым умом и незаурядным образом мыслей, потому как стал бы такой человек идти против прямого приказа того, от кого зависит его жизнь?

Верно — нет.

Особенно если учесть, что за порогом кареты меня ждало не что иное, как растревоженное старое кладбище.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой случаются события более скандальные, чем раскрытие старых тайн

*Сердце учит нас сострадать несчастиям
ближних...*

*Жизнь в свете, дома и при дворе.
Петергоф, 1890 г.*

Сделать первый шаг мне так и не удалось, потому как в волосы тут же вцепилось что-то острое, а я запоздало поняла: умертвие. Рванув его резко на себя, стала заваливаться на карету, по которой по-прежнему бежал рокот силовых волн.

Краем глаза успела заметить фигуру маркиза, рваными движениями бросающего по сторонам огненные снаряды. Те алыми всполохами озаряли сосновые верхушки, а нежить все наступала.

Разорванные временем и поднятые человеком с древней кровью, они все увереннее подходили к упряжке, отчего лошади, напуганные до смерти, становились на дыбы. Еще немного — и они сорвутся с места, оставив нас одних в этой глуши.

Ослепляющая боль прервала мысли. Полуистлевшее тело жадно накрыло меня сверху, и я поняла, что больше не смогу. Воздух быстро заканчивался, поддаваясь напору стальной хватки костлявых пальцев, и перед глазами уже поплыло, когда внезапно голос маркиза вернул все на место:

— Я предупреждал вас!

Грубый рывок — и, кажется, прядь моих каштановых волос осталась в руках умертвия. Но это волновало меня сейчас меньше всего.

— Вы нарушили приказ, и последствия будут неотвратимыми! — Яростный оскал маркиза — это первое, что я смогла разглядеть. А

потом... потом стало ясно, что за то время, пока я оставалась в карете одна, случилось многое.

Синий костюм министра был изорван на груди, а по рукаву проворной змейкой ползла тонкая струйка крови, спускавшаяся с подбородка. Неужели все так плохо?

Похоже, я сказала это вслух, потому как маркиз со злостью ответил:

— Справлюсь! Забирайтесь в карету! И чтобы больше ни единой глупости!

Спорить с господином Левшиным было бесполезно, и потому я лишь предложила:

— Позвольте помочь.

Маркиз засмеялся. Зло, рвано. А потом резко выбросил руку в сторону — и уже в следующий миг ко мне рванул кусок человеческого тела с горящими зеленой глазницами:

— В чем?! В этом?! Не знал, что вы некромант, Ольга!

Мне стало мучительно стыдно за свое предложение, но все же я понимала: кладбище потревожено не просто так. Кто-то знал, что через него проедет карета с министром. И этот кто-то готовился. Но хватит ли у Николая Георгиевича сил, чтобы предотвратить нападение?

Гул усиливался, и Левшину пришлось, заведя меня за спину, выставить огненный щит. Я впервые видела горящую стихию в такой форме. Ярко-алый заслон пульсировал в такт всполохам пламени на родовом перстне министра, разрастаясь с огромной скоростью. Спустя всего пару вдохов он превратился в купол, своды которого окружали безумно напуганных лошадей и нас с маркизом. А рокотание стихло. Надолго ли?

Левшин снова обернулся. Его голос стал чуть спокойнее, но все же было ясно: это всего лишь самообладание. На самом деле Николай Георгиевич по-прежнему зол.

— Вы должны проследовать в карету. Даже если... — слова давались ему нелегко, и я скорее понимала, чем видела: наша защита отнимает у него много сил, — нежить сможет прорваться сквозь купол... — громкий удар, подобно раскату грома, пустил по щиту яркую трещину, а лицо министра стало встревоженным, — карета

защищена. Ее найдут поутру, и вас тоже — в целости и сохранности. Вы понимаете меня, Ольга?

И снова по имени. Дважды только за последнюю минуту. Нужно будет сказать ему. Но все это — позже.

— Я могу помочь! — Настаивать на своем, когда видишь дикую вспышку бешенства в глазах собеседника, страшно. Но интуиция подсказывала: этой ночью случится что-то одно — либо мы оба погибнем, либо выживем. Но так или иначе — вместе. А потому я решила побороть животный страх. — Во мне нет дара некроманта, но сила рода Воробьевых дремлет в крови. Ее можно забрать...

Лицо маркиза на мгновение из яростного превратилось в недоуменное, однако совсем скоро гнев заполнил собой пространство между нами. И почти сразу прозвучал самый унижительный из всех вопросов, которые мне доводилось слышать:

— Я надеюсь, вы не пытаетесь соблазнить меня? Потому что если это так, то вынужден сообщить: вы не в моем вкусе.

Жгучий стыд опалил не только щеки, но всю кожу на моем теле, а мне едва удалось сдержать слезы. И все же я понимала Левшина. Силой можно поделиться лишь при прямом контакте, позволив магу словно бы выпить ее.

Значит, поцелуй?

Я и сама отшатнулась от этой мысли, когда она так явно пронеслась в сознании. Однако огненный щит продолжал мерцать, покрываясь новыми трещинами, и времени оставалось немного. Вот уже и рокот десятков голосов пробился сквозь защиту купола, зажужжав подобно гигантскому насекомому. И я поняла, что гордости сейчас не место.

— Вам не удержать эту волну нежити без моей помощи, маркиз. Прошу вас...

Договорить мне не дали. Одним стремительным движением господин Левшин приблизился к моему лицу, грубо прижавшись губами ко рту. Едва дыша, я широко распахнула глаза, пытаюсь совладать с собой и с той силой, которую ощутила в нем.

А сила звала.

Мир снова свернулся до небольшого клочка под алым куполом, и я почувствовала, как ноги слабеют. Крепко сжав меня в объятиях, чтобы не позволить упасть, маркиз продолжил яростно терзать мои

губы, и в какой-то момент мне захотелось прервать это, пока еще сознание не померкло.

Сила уходила быстро.

Подчиняясь напору мага, она текла по саднящим губам, обжигая их огнем, пока не стало слишком больно. Кажется, я уткнулась кулаками в широкую грудь Николая Георгиевича, пытаюсь оттолкнуть его, но это дало обратный результат. С глухим стоном он вцепился пальцами мне в волосы, сжав их в тугий узел. Запрокинул голову, ворвавшись в рот прохладой настоящего поцелуя, а затем... Купол разом стал прочнее, ярче, и тогда произошло что-то совсем немыслимое.

Маркиз перестал ожесточенно сминать мой рот, и на смену болезненному испытанию пришло нечто другое — более мягкое, плавное. И уже не такое яростное, как поначалу.

Сил во мне не осталось. Последнее, что я успела запомнить, — это пряный запах кожи Николая Георгиевича. А потом все вмиг исчезло, растворившись за карими глазами моего спасителя.

Очнулась я под мерное покачивание кареты. Полулежа на мягком диване, попыталась сесть под неотрывным взглядом министра, но тотчас осознала: это не так уж и просто. Похоже, маркиз отнял у меня слишком много сил и на их восполнение понадобится время.

— Когда прибудем в министерство, я распоряжусь подать вам травяной отвар, он поможет быстро восстановиться.

Я благодарно кивнула, отведя взгляд от Николая Георгиевича, и постаралась следить за алой дымкой, разливавшейся по соснам за окном уже без мертвенного сияния.

— Вы не пострадали?

— Серьезно — нет, но на будущее, Ольга... Я признателен вам за помощь, только в следующий раз будьте добры потрудиться исполнить мой приказ. Все же вы под...

— ...стражей?

— Под следствием, — уточнил министр. — И от моих показаний в суде будет зависеть ваша судьба.

Спорить с чиновником кабинета его императорского высочества не стоило, но образ моих мыслей и вправду всегда отличался от прочих, и потому я не придумала ничего лучшего, чем напомнить...

— В высшем свете, — каждое слово давалось с трудом, но закончить начатое казалось необходимым, — не позволено называть собеседника лишь по имени. Мы с вами не близки...

Правая бровь маркиза пораженно взлетела вверх, а на лице снова сменилась гамма чувств: от гнева до откровенного изумления. Четко очерченные губы Николая Георгиевича изогнулись в издевательской усмешке, и он напомнил о недавнем позоре:

— А как же наш поцелуй, Ольга?

Туше!

Я и подумать не могла, что стыд будет столь ярким. А ведь маркиз мог бы проявить хоть каплю сострадания и не упоминать о случившемся. Но, проведя с ним последние несколько часов, я вдруг явно осознала: сочувствия не дождусь. Так стоило ли отвечать?

Я снова отвернулась к окну, сказав лишь:

— Меня зовут Ольга Савельевна Ершова, потрудитесь это запомнить.

И прикрыла глаза, постаравшись сосредоточиться на мерном движении кареты. Впрочем, министр тоже больше не проронил ни слова. Он отвернулся к окну, изредка бросая на меня короткие взгляды, но сейчас это не имело никакого значения. Мне бы продержаться до министерства, где выдадут чудодейственный травяной отвар...

Кажется, я все же уснула, потому как в благодатный покой внезапно ворвалась широкая ладонь маркиза, бережно убравшая волосы с моего лица. Вздвогнув, ощутила ночную прохладу, усиливаемую шелестящей водной гладью, и лишь тогда поняла: мы прибыли к месту.

Николай Георгиевич подал руку, на которую опираться совсем не хотелось, но все же пришлось. И я, едва не споткнувшись, ступила ногой на каменную мостовую близ огромного белоснежного здания с надписью, выложенной крупными золочеными буквами.

Вот, значит, как выглядит министерство.

Кажется, я не была в Петергофе последние лет пять, и за это время многое изменилось. Центральная улица стала еще прекраснее, чем прежде: теперь даже ночью здесь горели сотни огней, бросавших яркие пятна света на сочную зелень деревьев. Похоже, совсем недавно прошел небольшой дождик, оставив каменную плитку все еще

влажной, а кое-где, подобно крошечным оконцам, блестели небольшие лужицы.

По бокам дороги стояли удобные кованые скамейки, подле которых высились неизвестные мне железные гиганты с бледными сферами белесоватого сияния. Ничего похожего до этой ночи мне видеть не приходилось, и, судя по всему, я слишком загляделась на последнее слово алхимии, раз маркиз решил пояснить.

— Фонари, — обыденно бросил он. — Последняя разработка семьи Никитиных. Совместно с вашим отцом, кстати. Алексей вам не рассказывал?

Я покачала головой, удивленно наблюдая за тусклым свечением. Беседовать с маркизом не хотелось вообще, но любопытство оказалось сильнее.

— И как они работают? Из чего черпают энергию?

— Это частички ливиума, открытого графом Ершовым совсем недавно. Они заперты в сферы из особого стекла, в которых живет крупница воздушной стихии. Род Никитиных наследовал власть над эфиром, чем охотно делится с империей. Говорят, всего через пару лет такие сферы заменят обычные свечи во всех домах Старороссии.

— В вашем доме тоже есть такие? — От любопытства я совсем осмелела и, только задав неуместный вопрос, поняла, что позволила себе лишнего. А потому постаралась как можно скорее загладить вину. — Прошу прощения, ваше сиятельство, мне не следовало быть столь любопытной. Жизнь в Хвойном далека от той, что проходит в Петергофе, и мне не доводилось знать ни о чем подобном.

Стало неловко. Я будто бы призналась перед совсем чужим человеком в том, что не гостила в родовом доме отца почти восемь лет, и детская обида заставила сжать кулаки сильнее. Видно, это не укрылось от министра, который тут же спросил:

— Вы ведь не виделись с графом в последние годы?

Отвечать на этот вопрос почему-то казалось тяжелее всего, но это всего лишь начало, а потому мне следует собраться.

— Нет.

— Долго? — Кажется, маркиз снова наблюдал за мной с нескрываемым интересом.

— Долго. Последние несколько лет. Пять, если точнее. В первые три года моего обучения он проездом бывал в поместье деда, куда мне

разрешалось прибыть на каникулы, потом...

— Ясно. — Голос маркиза снова зазвенел ледяными нотками. — Опознать сможете?

Я задумалась. А ведь Николай Георгиевич впервые спросил, смогу ли я узнать отца. И теперь я сама сомневалась. Но память хранила общую черту, которая, как я надеялась, не исчезла, и потому ответила:

— Смогу. Если вы не против, мне бы хотелось поскорее закончить.

Маркиз кивнул. Бережно придержал меня под локоть, пока мы поднимались по скользким после ночного дождя ступеням, и обратился к швейцару, стоявшему в дверях:

— Доброй ночи, Миша. Нас ждут.

Мужчина средних лет склонился в низком поклоне. Ничто в нем не выдавало интереса к тому, как мы выглядели. Он даже не позволил себе разглядеть явные следы лесного побоища. Лишь неприкрытое восхищение министром:

— Ваше сиятельство.

Удивленная, я позволила господину Левшину провести меня через едва освещенное фойе к широкой лестнице с вычурными перилами. И все это время думалось о том, как часто Николаю Георгиевичу приходилось возвращаться в министерство в таком виде? А может, это далеко не самое необычное, что удалось увидеть здешнему швейцару?

— Верхнюю одежду оставите у меня в кабинете, — прервал рассуждения маркиз. — Ночью здесь можно найти немногих.

Он снова подал руку, помогая подняться по ступеням, и тут же заверил:

— Но секретарь на месте, она приготовит отвар.

Спорить не стала. Да и какая разница, где можно оставить плащ? Правила приличия? Они давно забыты, учитывая произошедшее возле кладбища. Так стоит ли беспокоиться о меньших условностях?

В приемной нас встретила невысокая девушка лет двадцати. Худенькая, с кукольным личиком в обрамлении светлых волос, она смотрела на огненного мага так же преданно и восхищенно, как и швейцар у дверей. И лишь поначалу во взгляде проскользнула обеспокоенность. Ее выдали ладони, взметнувшиеся к порезу на щеке министра. Но секретарь мгновенно взяла себя в руки, подав ему папку

с бумагами. Неужели их связывает не только служба? И может ли эта миловидная девушка быть влюбленной в подобного человека?

Я всерьез тревожилась, не применил ли господин Левшин к служащим то самое внушение, которым не побрезговал в пансионе. Но Николай Георгиевич держался с коллегой крайне сдержанно, лишь попросив:

— Мария, будьте так любезны забрать у ее сиятельства графини Ершовой плащ и приготовить травяной отвар, возвращающий силы после магического воздействия. Мы подождем в кабинете.

Плащ приняли с вежливой улыбкой, заверив, что отвар будет спустя минуту. Но во взгляде секретаря проскользнула неприязнь. Знает о моем отце? Или же просто не желает видеть возле маркиза никого, кроме себя?

Едва мы вошли в кабинет, Николай Георгиевич отошел к дальней стене, проскользнув в распахнувшуюся раздвижную дверь. Ненадолго исчез в темном помещении, из которого мгновенно послышался глухой шум возни и всплеск воды. И спустя всего минуту вышел свежeweмытым, в новом костюме, без малейшего намека на недавнее приключение.

Горячий отвар подоспел тут же. От чашки пахло луговыми травами, среди которых легко узнавались мята и зверобой, но ощущалось и кое-что еще. Я бросила вопросительный взгляд на огненного мага и только после его разрешения сделала первый глоток.

Напиток оказался слишком горячим. Губы обожгло, как в тот самый раз, когда министр воспользовался даром, чтобы отнять у меня часть силы. Вспомнив об этом, я резко отстранилась от чашки, что не укрылось от Николая Георгиевича.

Легкая улыбка и насмешливый голос маркиза:

— Не торопитесь, госпожа Ершова. Впереди вас ждет долгая ночь, и силы вам еще понадобятся. Я подожду сколько нужно.

Смеется. И мне не остается ничего другого, как, не обращая внимания на жар напитка, выпить его разом.

— Давайте покончим с этим скорее, ваше сиятельство. День был трудным, а мне не терпится попасть домой.

Домой? В дом отца я не попаду еще с неделю, а казенная квартира... Маркиз наверняка понимает, как это унижительно. И все же делает вид, что не заметил оплошности:

— Как скажете, Ольга... Савельевна.

Снова насмешливый взгляд в мою сторону:

— Тела хранятся на нижних уровнях. Если вы готовы, мы можем спуститься в препарационный зал.

Дорога вниз заняла гораздо меньше времени, чем вверх. Странно, что я не слышала раньше об этом травяном отваре, потому что работал он превосходно: с каждой минутой ощущалось, что дышится все глубже и ровнее, а шаги становятся более уверенными.

Спустившись на первый этаж, мы прошли через небольшую арку, из которой открылся длинный коридор, увешанный зеркалами. Я страшилась даже взглянуть в блестящую поверхность, опасаясь увидеть в ней испуганную девушку. Только изжить страх можно лишь одним способом.

Бросив короткий взгляд в зеркало, поняла, что все не так уж и плохо.

В отражении на меня глядела среднего роста юная девушка с расправленными плечами и идеально ровной спиной. Каштановые волосы забраны назад, выбиваясь местами после... стальной хватки маркиза.

На щеках проступает розовый румянец, окрашивая скулы уверенными мазками. Господи, как же стыдно! Но я не отвожу взор, и огромные синие глаза, доставшиеся мне от матери, встречают взгляд без тени страха и сомнения. Все верно, мне нечего скрывать. И, пожалуй, впервые в жизни я уверена: справлюсь.

Кажется, маркиз тоже наблюдает за мной. Удивлен? Быть может. Но я снова делаю шаг, ступая все уверенней, пока не оказываюсь перед широким дверным проемом, из-под тяжелых створок которого дурно пахнет.

— Ольга... — Впервые обращение Николая Георгиевича ко мне по имени звучит не грубо, но с сочувствием. Только удивляться не время, и он продолжает: — Вы готовы? За дверью вас ждет неприглядное зрелище, потому как ливиум... он корежит тело. Труп выглядит совсем не таким, как при жизни, и это может показаться пугающим. Если станет дурно...

— Прошу вас, господин министр, давайте покончим с этим как можно скорее.

Я стараюсь не показать своего страха, но маркиз, очевидно, все понимает. Снова протягивает мне ладонь, словно бы придержать ввиду последних событий. Но внутренний голос подсказывает: он знает, что за дверью — потрясение не из слабых.

И я толкаю медную ручку, интуитивно задержав дыхание.

В широкой комнате светло. Огни, наподобие новых фонарей на центральной улице, освещают помещение ярким бледным светом, и как только глаз привыкает, я замечаю посреди комнаты длинный серебристый стол. На нем лежит что-то внушительных размеров, заботливо прикрытое белой простыней. И мне нужна минута, чтобы осознать: это мой отец.

Ноги на мгновение подкашиваются, отчего шаг сбивается, и хоть я не признаю этого никогда, но все же глубоко в душе рада, что маркиз рядом. Он сильный, и силы его хватает, чтобы удержать меня от падения.

К нам подбегает невысокий полнолицый старичок со скудными остатками светлых волос. Белый халат на его животе застегивается не на все пуговицы, создавая впечатление легкой небрежности. Но руки его чисты, а ногти коротко подстрижены.

Доктор. И глаза умные, внимательные, способные глядеть в самую суть, а потому догадывается:

— Графиня Ершова? Простите, что вынуждены были позвать именно вас. Больше близких родственников не нашлось.

Весьма странное утверждение, учитывая, что мой дед по материнской линии, его светлость герцог Юрий Афанасьевич Соколов, жив. Или же им нужен именно носитель крови Ершовых?

Понимая, что сейчас не лучшее время для соблюдения этикета, я протянула ладонь доктору, позволив пожать ее. И лишь тогда, слегка смущенный предстоящим, тот повел меня к столу.

Немного сбиваясь и краснея от волнения, этот невысокий человечек, непрестанно извиняясь, пояснял, что все тело осматривать не придется. Мне покажут небольшую часть, по которой я и смогу опознать отца, а именно руку с особым знаком рода Ершовых — родимым пятном в форме кляксы у самого сгиба запястья.

Пока мы с доктором двигались к телу, Николай Георгиевич выставил на стол прозрачный кристалл, и я догадалась: это не что

иное, как друга памяти. Камень тут же заискрился, после чего стал пульсирующе отблескивать. Записывает?

Чуть приподняв край простыни в середине возвышения, доктор в знак готовности дождался короткого кивка и лишь затем отбросил белую ткань над правой рукой отца.

А рука эта оказалась обычна... почти. Слегка синюшна, с отеками пальцами, отчего фамильный перстень, сродни моему, слишком сильно впился в кожу, оставив под собой глубокую сиреневую борозду. С извилистым рисунком вен, на который служащий не позволяет смотреть слишком долго, — торопит, но всей видимости опасаясь, как бы мне не стало дурно прямо здесь. Переворачивает ладонь, освобождая запястный сустав:

— Узнаёте?

На вздувшемся сгибе — родимое пятно. Странное, крупноватое. И очень похожее на кляксу.

Я смотрю на отметину долго. Так долго, что, кажется, министр начинает нервничать, но это тревожит меня сейчас меньше всего.

— Ваше сиятельство?..

— Нет, доктор. Это не мой отец.

Я почти спокойна, за исключением того, что внутри растёт необъяснимая надежда: неужели отец жив? Его нужно найти! Робкая мечта опалает щеки румянцем. За последние несколько часов мне пришлось в корне переоценить свою жизнь, осознав, что она была не так уж плоха и я с радостью вернула бы все на круги своя, только бы не стоять больше здесь и никогда не встречаться с маркизом Левшиным. Быть может, лишь на великосветских раутах, хотя и там я предпочла бы держаться от него подальше.

Так неужели все еще можно вернуть? И как скоро мне будет позволено возвратиться в пансион, чтобы закончить обучение?

Сердце стучит гулко. Так гулко, что голос Николая Георгиевича доносится будто бы из подземелья:

— Вы уверены? Ольга?!

В этот момент я почти счастлива, отчего позволяю ему даже эту вольность. И все же сообщаю непреклонно:

— Это не мой отец.

— Ну же, Ольга, сейчас не время для ваших глупых шуток!

Мысль Николая Георгиевича приходится прервать, развернув ладонь сгибом кверху. Семейное пятно рода Ершовых открывается тут же, как только тонкий ободок браслета сползает чуть ниже.

А ведь пятна похожи. Странные, крупноватые. Вот только мое — не на правой ладони, а на левой.

Именно тогда самообладание министра дало трещину. Лицо озарилось жуткой догадкой, вслед за которой вокруг Левшина взметнулось пламя. Обжигающее, яростное. Оно жило всего секунду, но тот ужас, что я успела испытать, не мог сравниться ни с чем.

Глупая, глупая Оля! А ведь казалось, что гнев маркиза мне уже знаком. Выходит, нет.

Не понимая, что происходит, я отпрянула в сторону, к заботливым рукам старого доктора, который тут же увел меня в дальний угол. На низеньком стульчике с ровной спинкой нашелся изношенный плед, заботливо укрывший мои плечи, пока Николай Георгиевич в ярости отдавал приказы:

— Александр Олегович, немедленно предоставьте духовную дружу, применявшуюся вами для аутентификации!

Теплые руки доктора мгновенно отпустили плечи, а затем в препарационном зале возникла суматоха. Служитель взволнованно помчался к рассохшемуся желтоватому шкафу, стоявшему у самых дверей, миготом достав оттуда сиреневый кристалл. Спотыкаясь, поднес его маркизу, низко поклонившись:

— Ваше сиятельство, дружка показала полное соответствие.

Но маркиз был непреклонен. Он рванул ко мне так быстро, что я не успела даже вскрикнуть, когда тяжелый плед упал на пол. Не дав опомниться, стальной хваткой вцепился в запястье и, не обращая ни малейшего внимания на просьбы быть аккуратнее, рывком поставил меня на ноги. Встряхнул с такой дикой силой, что на миг потемнело в глазах, и волоком оттащил к столу, где уже без лишних слов сорвал простыню с тела.

От жуткой картины распухшего лица, что и в самом деле походило на отцовское, и от гнилостного запаха, поднявшегося из-под ткани, перед глазами потемнело, как если бы весь воздух разом выбили из легких.

— Ваше сиятельство! — Доктор негодуяще ухватился за край простыни, тщетно пытаясь натянуть ее обратно. — Это зрелище не для

юной госпожи! Она сделала все, что могла, и мне не кажется...

Пламя метнулось к белоснежному сукну, не оставив от него ни кусочка. Тут же затлел седой волос на груди лежащего мужчины, и дышать стало совсем невозможно. Приступ дурноты подступил к горлу, заставив меня согнуться пополам. И если бы в желудке осталось хоть что-то, что можно было исторгнуть, оно бы сразу покинуло его. Но с самого обеда я ничего не ела, а горячий отвар из трав мгновенно ушел на восстановление сил.

И все же в одном я не сдержалась.

Слезы брызнули из глаз еще до того, как пришло осознание, что это испытание мне не вынести. Запоздало лова мокрые дорожки на щеках, я пыталась успокоиться, пока маркиз грубо отталкивал доктора и сам подносил духовную друзу поочередно ко мне и к телу.

Мне впервые приходилось видеть работу магического инструмента подобного уровня. После ряда комбинаций с отдельными островками сиреневый кристалл вспыхнул. Из активированного камня, настроенного подле меня и опознаваемого тела, маркиз получил вереницу ярчайших белых вспышек, но после реактивации на родственную кровь кристалл внезапно выдал темное свечение.

Ничего не понимая, я подняла глаза на маркиза, боясь снова увидеть в них все сметающую ярость. Но лицо его было таким же, как и у доктора. Растерянным и тревожным. И почему-то тревожность во взгляде Николая Георгиевича выглядела страшнее, чем гнев.

Спросить мне не позволили, потому как Александр Олегович пояснил сам:

— Ничего не понимаю. Друза говорит, что оба они Ершovy. Но по отдельности. А вот вместе — не родня, не близкие. Как такое...

Маркиз снова выругался. Еще раз проверил друзу на вещах, изъятых из лаборатории отца, и, получив яркую белую вспышку, мгновенно бросился к двери, прихватив с собой камень:

— Александр Олегович, вы головой отвечаете за безопасность графини Ершовой! Меня не будет около часа.

Не дав больше ни единого пояснения, он громко хлопнул дверью, оставив нас с доктором одних посреди огромного препаративного зала, в самом центре которого, совсем не прикрытый простыней, лежал труп неизвестного мне мужчины.

— Простите, ваше сиятельство, — доктор казался по-настоящему растерянным, — не могу даже предположить, что произошло. Духовная друза не ошибается, это просто невозможно. Она зачаровывается сильнейшими магами империи и...

Он бросил недоуменный взгляд на обнаженное тело, растерянно шлепнув себя по высокому лбу. Засеменил в сторону шкафа, по пути извиняясь:

— Я сейчас, графиня. Как-то сразу не сообразил, что нужно достать новую простыню.

Мне была видна спина Александра Олеговича, достающего из нутра шкафа аккуратно сложенную белую ткань, а потом... потом я даже не увидела — почувствовала движение сбоку. Что это?!

Холодная рука схватила запястье так резко, что я истошно закричала. Конечно, графине вести себя подобным образом не позволено, но в своде правил для юных дам вообще не указывается, что следует делать в ситуации, когда тебя второй раз за ночь хватает разбуженный древней кровью труп.

Доктор обернулся на крик. На его лице возник неподдельный ужас, а сам он стал судорожно искать инструменты, приговаривая:

— Погодите, графиня, я сейчас... Где же скальпель?!

Он растерянно попятился к столу с инструментами, нашептывая, что даже при воздействии некроманта поможет один точный укол в основание черепа. Сбросил дрожащими пальцами железные щипцы, гулко загрохотавшие по полу, и, найдя широкий нож, бросился мне на помощь.

Но ждать подмоги не было времени. Живот разорвала острая боль от внезапного удара, и я ощутила, как свет перед глазами померк. В волосы вцепились мертвой хваткой, заставляя меня на ощупь царапать ледяную кожу в тщетной попытке отбиться от мощного захвата. Впрочем, вскоре стало ясно, что это не приносит ровно никакого вреда умертвию.

Что же делать?!

Кажется, подоспел доктор. Вывернувшись из захвата, я заметила, как он замахнулся на поднятого некромантом мертвеца широким ножом, но инструмент тут же был перехвачен свободной рукой моего лжеотца. На руки брызнуло что-то горячее, а вслед за этим послышался предсмертный хрип Александра Олеговича.

Замерев на мгновение, я не сразу поняла, что доктора больше нет. С запозданием осознав гибель добродушного старика, попыталась отползти в сторону, но поднятое умертвие снова рвануло меня на себя, занеся надо мной кровавый нож.

Что ж, Ольга... Наверное, этого следовало ожидать.

Зажмурившись, я ждала болезненной развязки, которая все не наступала. Вместо предвиденной боли вокруг меня что-то загрохотало, следом стало неимоверно жарко, отчего волосы из полурассыпавшейся прически поддались гудящей волне.

Запахло паленой плотью. Мерзко, противно. А затем все закончилось так же быстро, как и началось, погрузив зал в звенящую тишину.

По каменным плитам пола раздался звук уверенных шагов — и меня грубо подняли на ноги.

Открыть глаза было страшно. Так страшно, что я отказывалась повиноваться даже грудному голосу, так похожему на принадлежащий Николаю Георгиевичу. И лишь когда услышала его ругательство, нехотя подчинилась:

— Не будьте дурочкой, Оля! Быстро! Если прождем здесь хоть одну лишнюю минуту, некромант поднимет еще и доктора. Быстро!

Грубость маркиза отрезвляла.

Я позволила ему взять себя за руку, плотно прижать — и уже в следующее мгновение вокруг нас взъярился столб пламени. Каменные плиты пола перестали существовать, сменившись ужасающим чувством свободного падения. И, не до конца осознавая, что делаю, я крепко вжалась в сильное тело маркиза, с запозданием понимая: тот создал портал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой высокие роды империи объединяются общей тайной, а маркиз Левшин ощущает первый порыв любопытства к древней науке алхимии

*...лучше иметь в груди кусочек человеческого
сердца вместо холодного камня...*

В. Г. Короленко. Дети подземелья

Огненная стихия схлынула так же скоро, как и поднялась. Но даже тогда я не посмела разжать руки, обвившиеся вокруг шеи маркиза. Стыдно? Пусть так, только портал...

Пространственные переходы ввиду необузданности стихии могли быть очень опасными — это знал каждый житель империи, и потому такие перемещения для большинства магов были под запретом. Так могла ли я подумать, что окажусь в нем дважды за ночь?

— Вы можете отпустить меня. — Тон Николая Георгиевича вновь стал насмешливым, что привело меня в чувство гораздо быстрее травяного отвара. Я мгновенно отпрянула. — Располагайтесь со всеми удобствами, комнату вам подготовят немедленно: на втором этаже, в крыле для гостей. Дворецкий уже получил все распоряжения — портал очень удобен, если, конечно, маг уверен в своих силах.

Я обернулась. Мы стояли посреди богато обставленного зала, залитого мерцающим светом десятков свечей. Золоченые канделябры и многоуровневая хрустальная люстра освещали комнату довольно ярко, позволяя как следует оглядеться.

Нет, зал не был похож на казенную квартиру.

В самом центре покоев стоял массивный гарнитур, состоящий из широкого дивана и двух довольно изящных кресел. Красное дерево, облаченное в бардовую парчу, изгибалось затейливыми завитками у широких подлокотников. Возле каждого из них заботливыми руками

оставлены объемные подушки с золочеными кистями, радушно приглашающие отдохнуть, — конечно, немного громоздко, но в целом очень уютно.

Тонкий шелк цвета слоновой кости обрамлял периметр стен с причудливым порядком старинных картин. В дальнем углу виднелась тяжелая решетка камина с едва занимающимся пламенем, и когда я зябко поежилась от ночной прохлады, взгляд маркиза вспыхнул, заставив пламя взметнуться к самому своду. В ярком всполохе заискрилась позолота, повсюду украшавшая зал, но блеск дорогих вещей не резал глаз, а лишь указывал на статус дома.

Богатое убранство комнаты удивляло.

Заметив мое замешательство, маркиз, усмехнувшись, прошел к невысокому столику, на котором в граненых графинах дожидались драгоценные напитки.

— Бренди?

Разливая напиток по бокалам, Николай Георгиевич отвернулся от меня, и лишь тогда ужасающая догадка накрыла волной унижения...

— Это ведь не казенная квартира! — Совладать с собой было нелегко, и голос постыдно дрожал. — Вы открыли портал в свой родовой дом! Ночью! Без единого сопровождающего!

Негодование заставляло пальцы подрагивать от напряжения, и мне стоило огромных усилий, чтобы не вцепиться в волосы господину Левшину. О чем он только думал?! Моя репутация не просто под ударом — она безвозвратно утеряна после произошедшего, и я совершенно явственно осознала: при любом исходе дела общество мне этого не простит.

Не прерывая своего занятия, маркиз безразлично бросил через плечо:

— Вы же хотели узнать, какое освещение в моем доме. Смотрите сами. Как говорится, лучше один раз увидеть...

Его сиятельство откровенно смеялся, и после всего случившегося терпеть издевки оказалось выше моих сил.

— Не смейте так говорить со мной! — Напряжение и страх, пережитые за прошедший день, развязали язык, и каждое слово переполняла злость. А господин Левшин только подогревал ненависть, нарочито сосредоточенно занимаясь напитками. — Я вам не какая-то... девица! Моя вина все еще не доказана, и лишь суд сможет отнять

графский титул. Немедленно доставьте меня на квартиру, перепоручив в руки дуэнье, иначе...

— Иначе — что? — Хрустальная пробка с силой вошла в узкое горлышко бутылки, расколов его пополам, и этим жестом Николай Георгиевич сообщил гораздо больше, чем при помощи слов. Маркиз снова был в бешенстве и, похоже, едва контролировал себя. — Что, Ольга?

Он резко обернулся, молниеносно сократив расстояние между нами. И, держа в руке оба бокала, мигом осушил один из них. Сузил глаза, вперив в меня суровый взгляд, а потом подошел ко мне так близко, что я на миг забыла, как дышать.

— Никогда, слышите? Никогда не бросайте угрозы тому, кто сильнее вас! Особенно в момент, когда вы находитесь в его власти. А теперь выпейте!

Он поднес бокал к моему рту и, наслаждаясь безысходностью, с нажимом настоял:

— До дна, Ольга. Ночь была сложной. Поверьте, после нескольких глотков вам станет легче.

Пить совсем не хотелось, но именно сейчас я понимала: лучше покориться маркизу, чем вызвать еще один приступ ярости. И потому сделала несколько обжигающих глотков.

Я ведь никогда раньше не пробовала бренди — этот напиток не для юных дам. Жидкий огонь опалил горло, вызвав приступ кашля, а я от неожиданности широко распахнула глаза.

Левшин улыбнулся:

— Хорошая девочка. Сейчас станет легче. А теперь послушайте меня.

Я ощущала, как в груди постепенно разгорается тепло, а министр уже спокойнее пояснил:

— Впервые за всю мою службу на меня напали дважды за вечер. — Он залпом допил содержимое моего бокала, видимо понимая, что мне одной будет много. — И оба раза вместе со мной были вы.

Его сиятельство сделал многозначительную паузу, после чего продолжил:

— И если учесть, что второй раз случился прямо в министерстве, где уровень внешней защиты почти такой же, как в императорском дворце, произошедшее выглядит совсем дурно. Выходит, либо ваш

враг настолько силен, чтобы проникнуть внутрь здания вслед за нами, либо... вы и есть тот самый враг. — И, не позволив возразить, спросил: — Не находите, что в обоих случаях будет лучше, если вы окажетесь рядом со мной?

Не понимая, что можно ответить в такой ситуации, и просто задыхаясь от возмущения, я все же с трудом произнесла:

— Вы, очевидно, страдаете временной потерей памяти, ваше сиятельство. В таком случае позвольте напомнить: меня тоже два раза чуть не убили.

Голова начинала кружиться от выпитого, и мысли с трудом вязались друг с другом. Комната слегка покачивалась, плывя вправо, и при очередном движении мне пришлось крепко ухватиться за подлокотник, чтобы не упасть.

Глядя на созданные им же затруднения, маркиз, усмехнувшись, подхватил меня под локоть:

— Будет лучше, если я сам проведу вас в вашу комнату. И сделаем мы это прямо сейчас.

Попытавшись вырваться из рук господина Левшина, я лишь запуталась в юбке, уже в следующее мгновение почти упав к его ногам. Но маркиз был ловок и с легкостью успел поймать меня в объятия.

Его руки крепко обвили мою талию, позволив найти опору. Но даже тогда, когда я уже прочно стояла на ногах, его сиятельство отпустил меня не сразу. Пришлось снова упереться ладонями в широкую грудь, резко запрокинув голову. Надо же, а ведь маркиз очень высокий — гораздо выше, чем я.

Странно глядя мне в глаза, он ненадолго замер. А вот взгляд почему-то на этот раз не отвел.

— Вижу, слухи о вашем обмане беспочвенны, кровь отца в вас в разы сильнее материнской, — еще одно напоминание о моей беспомощности. — Я сам доставлю ужин через портал прямо в вашу комнату: что-то подсказывает мне, что до голубой гостиной мы так и не доберемся.

Не ослабляя объятий, маркиз провел меня через широкий холл. На лестнице я спотыкалась дважды, и оба раза могла бы свернуть себе шею, если бы не помощь господина Левшина. И все же я по-прежнему

злилась на него. В конце концов, не заставь он меня выпить тот бренди, никакого неудобства не возникло бы.

Отведенные мне покои оказались почти в самом конце слабо освещенного коридора, увешанного портретами почивших представителей огненной династии. Кажется, с отцом маркиза я когда-то встречалась, но остальных узнать не могла.

— Мне было бы проще вести вас, если бы вы не были так любопытны и не вертелись по сторонам, — с легкой издевкой заметил Николай Георгиевич.

— Вам было бы проще сопровождать меня, если бы не опоили перед этим бренди, — постаралась как можно четче ответить я.

— Что ж, радует только, что острота вашего язычка нисколько не пострадала, — отпарировал маркиз. Остановившись у самого порога комнаты, его сиятельство предупредил: — Из покоев не выходите. Ни под каким предлогом и ни по чьему приказу, кроме моего. В этом доме хозяин лишь я.

Господин Левшин нажал на изогнутую серебряную ручку, приподняв меня на руках, и тут же опустил с другой стороны порога.

Миновав невидимую границу между покоем и коридором, я явно ощутила напряжение, будто бы пришлось пройти через неосязаемый заслон. Удивленно запрокинув голову, получила незамедлительный ответ:

— На покаях — защита. Она не впустит никого ни внутрь, ни наружу. Только вас и меня. — Господин Левшин с подозрением взгляделся в мое лицо, словно убеждаясь, все ли понятно. — Ни дворецкого, ни камеристку, — добавил он на всякий случай, — так что одеваться придется самой. Еда будет доставляться на подносе через пламенный портал.

Увидев мою настороженность, продолжил:

— В комнате сможете найти все необходимое для удобного пребывания. Гардероб доставлю сегодня же сам, забрав из пансиона вместе с письмами графа Никитина. Ясно?

Пройдя вглубь комнаты, я поняла, что новые покои тоже кружатся, только на этот раз сильнее, чем внизу. Осознавая, что едва держусь на ногах, попросила:

— Если позволите, сегодня я бы не стала есть.

— Не позволю. — Его сиятельство был непреклонен. — Со вчерашнего дня за вас отвечаю я, и мне бы не хотелось оправдываться перед судом за то, что вашему здоровью нанесен урон.

Развернувшись на носках туфель, маркиз сделал несколько шагов вдоль коридора, еще раз обернувшись напоследок:

— Комнаты не покидать, Ольга! Что бы ни случилось.

И, вспыхнув в волне пламени, Николай Георгиевич исчез.

Едва маркиз доставил обещанный ужин юной графине, золотая императорская звезда на его груди настойчиво завибрировала, призывая в кабинет цесаревича. И министру не осталось ничего иного, как, забыв про отдых, заложить новые координаты для переноса: все же использовать императорский переход не хотелось.

Пламенный портал открылся мгновенно, только выпускать маркиза не желал еще с минуту. Неукротимый огонь на сей раз подчинился с трудом: поначалу лишь ластясь к Левшину, вскоре он уже настойчиво лизал ладони, подбираясь острыми зубами к самой коже, пока впервые не обжег хозяина. Едко запахло паленой тканью, и последний огненный маг империи явился в личный кабинет цесаревича, когда от его одежды шел сизоватый дым.

— Еще немного, ваше императорское высочество, и кожа стала бы плавиться, — пожурил правителя Николай Георгиевич. — Что такое? К чему проверки?

Как всегда, наследник ожидал министра в зеленом кабинете — единственном помещении петергофского дворца, защиту которого проверял сам огненный маг. И остался ею доволен не с первого раза, нажив себе немало врагов среди высоких родов.

Павел Алексеевич смотрел в окно. Широкое лицо его было по-прежнему молодым, хотя на русых висках уже проступила первая седина. Ярко-синие глаза под низкими бровями глядели на министра выжидающе, а в голосе сквозили торопливые нотки:

— Ни к чему эти условности, Коля. Оставь их для двора. Что узнал?

Позволив себе не ответить на прямой вопрос, цесаревич был сосредоточен на другом. Крепкими пальцами, чуть полноватыми для его ладоней, он откупорил высокий графин с широким горлышком, до краев наполненный прозрачной жидкостью. Опустив в него

фамильный перстень, обождал с полминуты. Аквамарин остался изначального морского цвета, и лишь после этого цесаревич подал бокал другу:

— Не дальше как на прошлой неделе водка в этом графине оказалась отравленной. Прямо в кабинете, представляешь? О чем только думали? Ведь знают, что мне подчиняется водная стихия, так на что надеялись?

— Виновные? — Маркиз удивленно приподнял бровь, остановившись у мягкого кресла и слегка покачивая бокал в руке. А вот садиться раньше государя не стал, несмотря на то что дружил с цесаревичем со времен учебы.

— Найдены, — скучающим тоном ответил наследник. — Большой частью чернь из низов, так называемые революционеры. Но был среди них и барон Крылов. Мелочь, конечно, и дара в нем родового немного, а все же неприятно. Придется теперь казнить. Хорошо хоть род Крыловых большой и наследников дара в нем сыскать можно — не то что у тебя. Случись измена за тобой, и стихия огня была бы потеряна для империи, а мы уже и так остались без некромантов Воробьевых...

Цесаревич говорил шутливо, но все же маркиз понимал всю серьезность ситуации. Лишь за последний месяц на его императорское высочество покушались трижды, и всякий раз концы уходили в высокие роды империи. Теперь вот еще и с главным алхимиком разбираться придется. Да и род Воробьевых, о котором так не к месту вспомнил цесаревич, поднялся из пепла, а ведь считалось, что утраченного дара не вернуть...

Тяжело выдохнув, министр подумал, что дело это нужно закрывать быстро, потому как здоровье старого императора не давало даже капли надежды. Целители осматривали бессознательное тело ежедневно, и с каждым днем отчеты становились все хуже.

Месяц? Может, и того меньше.

Промедление грозило обернуться не просто изменой или каким мелким бунтом. Впервые над Староросской империей нависла угроза смены государственной власти, и вот это по-настоящему пугало Николая Георгиевича. Колесо войны запустить всяко легче, чем остановить, а там оно сметет не только цесаревича...

Понимая опасения друга, наследник удобно устроился в мягком кресле, приглашая того в компанию. Не желая сгущать краски раньше

времени, залпом отпил огненной воды, шутливо приказав:

— Да пей ты уже! Иначе из тебя слова не вытянешь.

Достав из стола золотой портсигар, щедро украшенный аквамаринами, он предложил Левшину толстую сигару, от которой терпко пахло теплыми смолами. Выжидающе усмехнулся:

— Зажжешь? Как-то неудобно в присутствии мага огня баловаться спичками.

Мужчины дружно рассмеялись, пока игривый огонек перескакивал с одного кругляша табака на другой. И лишь когда тонкий дымок изящными витками поднялся над головами, наследник императора серьезно спросил:

— Что с графиней Ершовой? Думаешь, замешана? Мне сообщили, что последняя разработка ее отца помимо прочего наконец-таки позволит восполнить брешь в государственной казне, надолго заткнув рты бунтовщикам. И вот теперь граф мертв, а его секрет утерян.

Маркиз сделал глубокую затяжку. С минуту выжидающе глядел в окно, где уже начинала заниматься заря, а потом честно ответил:

— Знаешь, Павел, сложно. Множество улик указывает на причастность ее семьи к заговору. Но что-то заставляет думать, что смотреть нужно глубже. Сегодня на опознании открылось, что тело алхимика принадлежит вовсе не ему. Духовная друга соврала...

— Ошиблась?! Быть такого не может!

— Не может, — согласился маркиз. — Потому и утверждаю: соврала. Да и труп... похож на графа Ершова, но родимое пятно не на той руке.

Цесаревич на мгновение задумался, уточнив:

— Думаешь, жив? Если существует хотя бы шанс отыскать его — нужно найти. Все же единственный стоящий алхимик в империи, и если он к тому же невиновен...

— Не знаю... — Левшин и сам задавался вопросом, жив ли старый граф. Но что-то подсказывало ему: при таком раскладе, когда в игру вступили едва ли не основные козыри имперских родов, главному алхимику выжить не дадут. По крайней мере, ненадолго — ровно на то время, которое понадобится для разгадки его тайны.

Только правда ли, что Савелий Яковлевич Ершов действительно раскрыл одну из наиболее ценных загадок природы, превратив при помощи нового ливиума простой металл в золото?

— А что высокородное дерево в королевской усыпальнице? Молчит? — поинтересовался он спустя минуту. — Ведь должно показать...

Цесаревич грустно покачал головой:

— Высокородное дерево проявляет лишь древнюю кровь, наделенную даром. Титул графа Ершова — пожалованный, и все, чем он обладал, — это выдающийся разум, за который его так ценили в Старороссии. Только кровь у него столь же обычна, как и у простой черни. — Павел с сожалением развел руками. — Ветка Ершовых давно мертва. А вот дочка его вышла в мать, и ее цветок сияет рядом с соцветием деда. Правда, он закрыт пока и откроется ли — неизвестно. Все же странные они, Соколовы, и не зря обладают редчайшим талантом — говорить с человеческими душами... правда, каждый по-своему.

Павел Алексеевич ненадолго задумался.

— Только знаешь, что непонятно? Если подлог со смертью главного алхимика так очевиден, тогда на что надеялись заговорщики? Ведь должны же были понимать, что девчонка тут же разрешит спор. Что-то не верится мне, что старый граф был так глуп, задумывая все это. Тут нечто иное...

Маркиз и сам понимал: выяснить предстояло многое. Но уже становилось ясно следующее:

— А вот в том-то и дело. Думаю, рассчитывали, что не доедет она. — Он помедлил всего секунду, взвешивая, стоит ли говорить обо всем другу именно сейчас, на исходе ночи, но тут же решился: — На нас напали. Дважды за вечер: по дороге в Петергоф и в самом министерстве. И не какой-то там мелкий барон — напал некромант. Сильный, с даром, похоже, родовым. Мне бы не устоять, если бы графиня не поделилась своей силой. Потому и говорю, что сложно.

— Некромант? Старое дерево давно молчит о роде Воробьевых...

— Знаю, — откликнулся Левшин. — Только верить ли мертвой материи, когда сам род испокон веков управлял ею? Сложно все...

Наследник императора задумчиво посмотрел на министра.

— Сложно, — согласился он, однако не лишив себя возможности поддеть друга: — Надеюсь, сложности не в красоте графини? Мне докладывали, она хороша.

Престолонаследник осторожно оглядел друга, боясь его задеть:

— Ты не подумай, Коля, я не против чего дозволенного. Но тут такое дело... Она единственная наследница двух высоких родов, скандал разразится нешуточный. Дед ее все еще жив, расследование и так ведется в атмосфере строжайшей секретности, чтобы старому герцогу не вздумалось вмешаться. И при благоприятном для нее исходе следствия девчонке понадобится очистка памяти. Вон даже в пансионе пришлось оставить обманку с отворотными чарами, чтобы никто не заподозрил пропажи. И сколько еще удастся держать в тайне исчезновение графа Ершова, неизвестно...

— О ней не беспокойся, — протянул Левшин, отчего-то ощутив, что обсуждение графини ему неприятно. Вот ведь... Всего с полсуток знакомы, а проблем с ней больше положенного. — Да и тебе ведь известно, что есть уже у меня одна.

— Та девчонка-секретарь? — Павел откинулся на спинку кресла. — Аукнется тебе эта связь. Она же из побочной ветви рода Щукиных и попала на службу по просьбе двоюродного дядьки. Старый барон амбициозен не в меру. Тот еще гордец, хоть и голодранец. А с гордцами, Коля, трудностей много. И еще эти новомодные нравы, которые свободнее моих сапог... Женись на ней или расплатись как следует, чтобы не дарить ненужной надежды.

— Согласен, — виновато склонил голову маркиз. — Надо бы уже заканчивать с этим. Жениться, конечно, не женюсь, впрочем, она девочка умная и всегда понимала это. Но счет в банке открою внушительный. Настолько внушительный, что она разом забудет о своих чувствах.

Собеседники улыбнулись друг другу, понимая, сколько сложностей могут принести женщины, и все же министр ни на минуту не забыл о цели своего визита:

— Ты мне вот что скажи, Павел. Сколько высоких родов менялись кровью с Воробьевыми?

Царевич задумался, снова затянувшись сигарой:

— Пожалуй, всего шесть: Левшины, Соколовы, Зайцевы, Никитины, Волковы и Щукины.

— Понятно, проверю. И да, что с духовными друзьями? Кто зачаровывает их теперь?

— Так все неизменно, — отмахнулся повелитель. — В женском монастыре возле Петергофа живет наследница уже упомянутого рода

Зайцевых, которую сослали из дома много лет назад. Сказали, что блаженная она какая-то: вроде даже целители ее осматривали, ничего не сумев сделать. Род этот старый, и дар в нем мощный всегда пробуждался. Стихия — кристаллы-друзы...

— Значит, Зайцевы.

— Похоже на то, — удрученно протянул цесаревич. — Не кажется ли тебе, что слишком много фамилий в списке?

— Много, — кивнул министр. — Но ты не беспокойся, я найду изменников.

Павел Алексеевич быстро встал, нервно отойдя к окну. Дернул тяжелую портьеру зеленого цвета, устало поправив волосы.

— Меня не это беспокоит, Коля. Боюсь, слишком многих придется казнить после твоего расследования.

Левшин смолчал. Страхи цесаревича были оправданными, он и сам это понимал. Но проблема крылась не только в этом:

— Тебе бы жениться, друг. Самое время обзавестись наследником. Если старый император уйдет до твоей свадьбы, бунта не миновать.

— И ты туда же! — нервно рассмеялся цесаревич. — Вот уж не думал, что станешь матушке помогать!

Он вдруг внимательно глянул на друга, спрашивая его совета:

— Думаешь, больше тянуть нельзя?

Маркиз медленно встал, аккуратно поставив бокал с недопитым напитком на невысокий столик, и деликатно заметил:

— Думаю, Павел, самое время укрепить корону. И лучше, чем наследник, этого не сделает никто.

Цесаревич снова отвернулся к окну. Он и сам знал ответ на заданный вопрос, но почему-то все время гнал постылые мысли. Каждый день брака матери с еще здоровым отцом стоял у него перед глазами, и от понимания, что и у него самого будет так же невыносимо, становилось совсем тошно. Только цесаревич хорошо знал свой долг.

Широко развел плечи, выровняв спину, и лишь затем тихо произнес:

— Будь по-твоему, Коля. Пусть объявят, что на петергофском балу я определяюсь с невестой.

Николай Георгиевич склонил голову в знак согласия. И, немного помявшись, попросил:

— Я оставил графиню Ершову у себя, так спокойнее. — Предвидя вопросы, министр заверил: — Тебе известно, что в моем доме ей будет безопаснее, чем даже у тебя под боком. А лже-Ершова пока закончит обучение и, если потребуется, уедет в поместье деда ровно до своего первого выхода в свет на петергофском балу. Боюсь, к твоей помолвке мы либо найдем виновного, либо...

— Мы найдем виновного! — резко закончил цесаревич. В этот момент он меньше всего походил на старого доброго Павла, вместе с которым Левшин учился в Императорском институте.

— Найдем, — покорно согласился его сиятельство.

Не желая больше задерживать его императорское высочество, маркиз подготовил пламенный портал, открывая его в министерство. И когда последняя координата вспыхнула в огне, внезапно передумал. Неожиданная догадка озарила лицо министра, пока он закладывал новые ориентиры.

А ведь на факультете алхимии он сам не бывал ни разу. Так когда ж еще выпадет минута познакомиться с трудами самого великого мыслителя империи?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой пуговицы на блузе вносят раздор в отношения, а старые друзья продолжают молчать

...последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много.

Л. Н. Толстой. Война и мир

Ослушаться приказа маркиза было страшно. По-настоящему страшно.

Но ведь никто не говорил, сколько я должна съесть.

Накопленная за день усталость давила тяжелым грузом, и потому я взяла лишь немного фруктов с серебряного подноса, появившегося на столе вместе с зажженной свечой после огненного всполоха. Быстро умылась в ванной комнате и, не найдя в шкафу ни единой сорочки, прилегла на кровать в одежде, сняв лишь легкие туфли. Почему-то раздеваться в доме, где хозяином был лишенный благовоспитанности министр Левшин, опасалась.

Впервые за долгое время мне приходилось спать не в своей постели, но, несмотря на это, уснула я мгновенно, крепко проспав остаток ночи. И просыпаться не хотелось, если бы не голос:

— Доброе утро, Ольга... Савельевна. — Маркиз, вальяжно расположившись в кресле у стола, разливал чай. — Поднимайтесь, у нас много дел.

Села на кровати так резко, что почувствовала головокружение. Схватила за край бирюзового покрывала, запоздало вспомнив, что не раздевалась перед сном, и гневно взглянула на министра:

— Вы не можете проникать в мою комнату без позволения, ваше сиятельство.

— Правда? — Министр сделал удивленное лицо, чем, впрочем, не смог меня обмануть. — А мне всегда казалось, что это мой дом.

Язвительный тон вместе с уставшим выражением лица сообщили, что ночь у его сиятельства выдалась нелегкая. Наверняка и поспать ему удалось меньше, чем мне, если Николай Георгиевич, конечно, вообще ложился. А потому спорить не стала.

Маркиз бросил оценивающий взгляд на мои растрепавшиеся волосы и, кивнув своим мыслям, продолжил:

— Ну же, Ольга. Условности ни к чему. Мне понадобится ваша помощь, пока еще не рассвело. Часть вещей, которые мы забрали с собой, уже здесь, в чемодане у двери. Вы можете сменить одежду, но придется поторопиться: мне хотелось бы навестить факультет алхимии еще до его открытия. Поможете?

Любопытство мгновенно перекрыло все остальные мысли. Пришлось простить маркизу его бестактность. Ведь если вчера на опознании я видела тело не моего отца, это означало лишь одно: быть может, сейчас четвертый граф Ершов по-прежнему жив, и любое промедление с моей стороны будет стоить ему жизни.

Я встала с кровати, попросив:

— Если вы не против, я бы хотела остаться ненадолго одна. Нужно время, чтобы привести себя в порядок.

— Его у нас нет, Ольга, — не терпящим возражений тоном заявил огненный маг. — Спустя полчаса мы уже должны посетить кафедру вашего отца, чтобы успеть до начала работы института, иначе визит придется отложить до завтра. А это может оказаться фатальным в сложившихся обстоятельствах.

Я провела целый день в обществе его сиятельства, чтобы понять: споры с этим упрямым человеком стоили дороже, чем простое согласие даже с самыми безумными идеями, и потому просто прошла в умывальню, постаравшись как можно скорее закончить с утренним туалетом.

Найдя на ванном столике расческу, быстро причесала волосы, на ощупь уложив их в низкий пучок при помощи уцелевших шпилек. Благо в пансионе эту прическу мы делали ежедневно, и отработанный годами навык не подвел. Оглядев в большом круглом зеркале вчерашнюю одежду, расправила влажной рукой легкие складки, собравшиеся за ночь, и лишь затем ополоснула лицо. Если не учитывать легкой усталости, я выглядела вполне обычно, что позволило незамедлительно выйти к маркизу.

В свете занимающейся зари бирюзовая спальня, отданная мне его сиятельством, смотрелась особенно хорошо. Убранство ее несколько не походило на салон, в котором вчера открылся портал, и это обрадовало. Несмотря на то что родовой дом Левшиных оформляли со вкусом, гостиная давила на меня непривычно массивной мебелью с обилием позолоты, здесь же все было легким и светлым, как в моих покоях в старом поместье деда.

Кровать и гарнитур цвета слоновой кости оттенялись цветочным рисунком на зеленоватой ткани покрывала и обивки. Подобранный в тон им светлый шелк стен с рамами картин радовал глаз, а в украшении использовалось много горного хрусталя.

Эта спальня определенно предназначалась женщине. Вот только какой? Вспомнив о светловолосой девушке-секретаре, с такой теплотой глядевшей на маркиза, я подавила в себе неприятное чувство, что заняла чье-то место. Но все же задать вопрос побоялась: в конце концов, мне придется задержаться здесь ненадолго.

Бросив взгляд на господина Левшина, заметила, что он уже почти покончил с завтраком, сервированным на двоих, и теперь жестом приглашал меня к столу:

— Не знал, что вы любите, поэтому принес овсяную кашу с черным чаем, свежую выпечку и конфитюр. Надеюсь, что-то из этого подойдет.

Кивнув, позволила ему помочь мне устроиться в кресле и тут же с ужасом вспомнила:

— Вы не отдали мне вчера пилюлю! Ваше сиятельство, забывать о приеме лекарства нельзя, потому что...

— Что?

— Головокружения вернутся. Так сказали целители.

Я выжидающе смотрела на Николая Георгиевича, но он оставался неподвижен:

— К сожалению, лекарство утерялось накануне при нападении некроманта. Я привезу еще, как только смогу, но пока вам придется обходиться без него. Если станет хуже, мы немедленно перенесемся в пансион. Сможете справиться?

Я оторопело глядела на маркиза, отказываясь думать, что впервые за последние восемь лет останусь без серых пилюль. Слишком живо

во мне было воспоминание отцовского испуга, чтобы просто так отказаться от лекарства.

— Ваше сиятельство, отец...

— Его нет, — закончил он. — И сейчас я несу за вас ответственность. Обещаю, вы не пострадаете. Доверьтесь мне!

В очередной раз отринув мысль даже о попытке спора, приступила к завтраку. Быстро расправившись с небольшой порцией каши, запила ее несколькими глотками чая, после чего встала:

— Я готова, господин министр.

Огненный маг оглядел меня с ног до головы:

— Нет, Ольга. Может случиться так, что обстоятельства выйдут из-под контроля. Вам нужно сменить одежду. Ничто не должно бросить тень на вашу репутацию.

Румянец опалил щеки. На сей раз я была полностью согласна с маркизом, но осознание того, что во всех моих блузах присутствовал длинный ряд пуговиц на спине, приводило в растерянность. И не оставалось ничего иного, как спросить:

— Я могу воспользоваться помощью камеристки?

— Моя прислуга распущена со вчерашнего вечера на неопределенный срок с достойной выплатой выходного пособия. Все, кроме кухарки и дворецкого. Слухи о вашем пребывании в этом доме не должны поползти по городу, иначе доброму имени придет конец. Вы здесь инкогнито.

Растерянно оглядевшись по сторонам, я виновато подняла глаза на Николая Георгиевича, неуверенно произнесла:

— Но мне самой не справиться с длинным рядом пуговиц... Я могу провозиться больше часа — и все равно результат окажется плачевным, их слишком много.

Похоже, маркиз не думал, что с моим появлением в его доме возникнет столько проблем, но любое затруднение требовало решения, и я расслышала:

— Я помогу вам.

Задохнувшись от возмущения, до боли сжала кулаки, стараясь отрешиться от мысли, что предложение Николая Георгиевича было не просто запретным, но глубоко интимным, — такое позволялось мужчинам лишь после...

Госпожа Полякова всегда говорила, что в любой затруднительной ситуации на помощь девушке придет ее воспитание, а потому я произнесла с достоинством:

— Нет! — понимая, что только за прошедшие сутки этикет нарушался мною не менее десятка раз, все же осознавала: это уже слишком. Даже для гой ситуации, в которую меня поставил министр. — Вы не посмеете заставить меня!

Впервые Николай Георгиевич в замешательстве задумался, словно решая, как поступить. Однако потом все же позволил выбрать:

— Решайте сами, Ольга. Я приглашу кухарку, если пожелаете. Она, конечно, предана моему роду, но преданность в наши дни можно купить. Или отнять угрозой жизни. Вашего отца не спасло ни древнее имя, ни значительное богатство. Так готовы ли вы рискнуть всем из-за дурацких пуговиц и не менее глупых предрассудков света?

Видимо, маркиз все-таки понимал, перед каким выбором поставил меня, потому что не выказал ни малейшего удивления, получив тихий ответ:

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Я сейчас вернусь.

Захватив с собой небольшой чемодан, ожидавший у двери, я торопливо ушла в ванную комнату, чтобы укрыться от испытующего взгляда. Прижавшись лбом к холодному камню стены, постаралась, как всегда, сосредоточиться на дыхании.

Вдох — выдох.

Вдох — выдох.

Вдох — выдох...

«Господи, Ольга, что происходит? Неужели это все — на самом деле?»

Стараясь больше не думать о происходящем, опустилась перед чемоданом, достав самое необходимое: тонкую нательную сорочку, глубокого синего цвета юбку и белую блузку. Немного подумав, заглянула внутрь, найдя в особом отсеке сменное белье и чулки. А вот украшений здесь не было. Но это и к лучшему, пусть на мне будет лишь тонкий ободок браслета из пансиона и родовой перстень.

Быстро сменив белье, расправила складки новой юбки. И только заправив в нее полы блузки, предупредительно застегнув те пуговицы, до которых могла дотянуться сама, приоткрыла дверь.

Маркиз ждал меня на том же месте, где я оставила его, когда ушла переодеваться. Обернувшись на скрип двери, он поторопил:

— Прошу вас, Ольга. Сейчас не время для ложной скромности.

Гордо расправив плечи и приподняв подбородок, я вышла навстречу Николаю Георгиевичу и, развернувшись к нему спиной, сообщила ледяным голосом:

— Во мне нет ничего ложного, ваше сиятельство.

Маркиз непривычно резко дернул за крошечную петельку, парировав:

— У меня есть неделя, чтобы разобраться в этом, графиня! — Он быстро пробежал пальцами по нижнему ярусу жемчужинок, остановившись у основания шеи.

Пальцы ненадолго замерли над полоской кожи, оставленной без прикрытия сорочки, и я сначала расслышала, как сбилось дыхание министра, а потом уже ощутила огонь, колко рассыпающийся от каждого движения.

Прикосновение опалило, пустив по телу волну мурашек и заставив вздрогнуть от неожиданности, что не укрылось от его сиятельства. Всего секунда раздумий, и он, закончив с застежкой, едко бросил:

— Ну же, Ольга. Незачем так дрожать от невинного касания. Знаете, почему двуличность всегда порицалась мною превыше остального? — Он положил ладони мне на плечи, рывком развернув к себе. — Потому что больше всего бед натворили именно волки в овечьих шкурах!

Злые глаза огненного мага сверху вниз взирали на меня: он ждал ответа, а я никак не могла собраться с мыслями. Никогда еще мне не доводилось быть так близко к мужчине, и никому до этого момента не позволялось касаться меня так...

Ладонь стремительно взлетела к лицу Николая Георгиевича — еще до того, как я успела отдать себе отчет в происходящем. А вот господин Левшин, похоже, не просто понял, но и сумел отреагировать.

Прочно перехватив руку, он завел ее мне за спину, невольно прижав меня к своему торсу. У самых губ выдохнул:

— Что вы себе позволяете?!

Уже понимая, что ярость министра, так или иначе, обрушится мне на голову, я вспомнила о второй руке — и в следующую секунду с

хлестким звуком опустила ее на щеку маркиза.

Испуганно отпрянула, наблюдая за тем, как по его коже расплзается алое пятно. И почти сразу же с ужасом осознала, что лицо Николая Георгиевича быстро приближается к моему.

— Вы сами напросились!

Поцелуй ощутился одновременно со свободным падением. Только на этот раз я не цеплялась за сильное тело маркиза, потому что его руки слишком яростно обнимали меня за талию, безжалостно сминая ткань нового наряда.

Быстро прокладывая координаты в кабинет главы алхимического факультета, маркиз Левшин снова был вне себя от ярости. В последний раз он терял контроль над собой в подростковом возрасте, но только за прошедшие сутки это случилось как минимум дважды. И каждый раз — с этой графиней.

Вот и сейчас...

Что на него нашло? Неужели не смог придумать иного способа наказать зарвавшуюся девицу, кроме как поцеловать ее? Или же все это — назревшая к радикальному разрешению ситуация с любовницей из рода Щукиных? Нужно будет сегодня же навестить ее, чтобы раз и навсегда оставить лишнюю перспективу связь в прошлом.

Тяжело дыша от гнева, он отстранился от Ольги Савельевны, когда ноги ощутили твердость каменных плит кабинета ее отца. Но руки не разжал.

— Я же предупреждал вас, чтобы вы не угрожали тому, кто сильнее!

Лицо графини, оставшееся всего на расстоянии ладони от его собственного, казалось не менее гневным. Раскрасневшаяся Ольга метала глазами молнии, способные испепелить даже того, кому огненная стихия подчинялась безропотно. И странным образом перстень — его родовой перстень — реагировал на нее, орошаясь снопом искр под гладкой поверхностью.

Эта готовность юной графини постоять за себя вместе с тонкой хрупкостью девичьего тела заставила маркиза усмехнуться, пока он не расслышал:

— Вы говорили о волках в овечьей шкуре? — Наследница рода Ершовых безрезультатно пыталась высвободиться из объятий

министра, что только распаляло гневный румянец на ее щеках. Надо же, а ведь цесаревич был прав насчет нее. Если девчонка и вправду невиновна, уже на первом петергофском балу на ее руку найдется немало желающих, и фамильные состояния двух богатейших родов империи будут играть далеко не первостепенную роль. — Так вот, маркиз, запомните: если мне выпадет шанс, я с радостью проткну клинком ваше сердце!

Она сделала еще несколько попыток вырваться и под леденеющим взглядом Левшина добавила:

— Хотя сомневаюсь, что оно у вас есть. Человека с сердцем едва ли могли назначить чиновником кабинета его императорского высочества!

Каждое произнесенное слово болезненно вонзалось в министра. Он мгновенно перестал улыбаться: значит, вот как о нем думает молодая графиня? А ведь она стала первой, кто смотрел на него без тени восхищения, а лишь с нескрываемым страхом и несокрушимой ненавистью. И маркизу впервые пришло в голову, что этот взгляд, исполненный бури нелегких переживаний, был многословнее прочих.

Медленно отодвигаясь от нее, Николай Георгиевич сначала отпустил узкие ладони, лишь после этого полностью отстранившись от девушки.

— Вы нравы, графиня. У меня нет сердца. — Маркиза и самого накрыло ураганом эмоций, которые он едва ли понимал. Гнев? Обида? Или еще что-то, о чем даже думать слишком опасно? — Но это и к лучшему, ведь вонзить клинок мне в сердце хотите не только вы.

И его сиятельство отошел вглубь полутемной комнаты, остро пахнувшей чем-то незнакомым.

Кабинет главы алхимического факультета оказался небольшим. Под самым окном стоял длинный двухуровневый стол, сплошь уставленный всевозможными емкостями с содержимым разного цвета. Чуть ближе к стене — еще один, как две капли воды схожий с предыдущим.

Однако даже несмотря на то, что задержание графа случилось три дня назад, из некоторых склянок до сих пор шел пар, а кое-где материя все время преображалась, представая перед глазами то в одной, то в другой форме... В целом же создавалось впечатление, что граф Ершов просто отошел по делам на несколько минут.

Отогнав прочь неприятные ощущения, маркиз напомнил себе о главной цели: он должен найти хоть какой-то ориентир, способный натолкнуть его на разгадку тайны ливиума.

Перебирая пальцами бутылки и скребки, Николай Георгиевич пристально вглядывался в предметы. Если его догадка верна, то понадобится всего одна вещь. Но выбрать ее нужно верно, потому как ошибочный след уведет их слишком далеко, и тогда корона не удержится...

А что, если попросить помощи у Ольги? Она наверняка должна что-то знать. Старая семейная легенда, один и тот же рассказ отца, воскрешаемый в памяти...

— Что вы знаете о последней разработке вашего отца? — Маркиз продолжал перебирать дымящиеся колбы, пытаясь найти хотя бы что-то, напоминающее жидкое золото. Но старый граф, похоже, был слишком умен и осмотрителен, чтобы оставить наработки такой важности у всех на виду. — Вы слышали о ливиуме?

Николай Георгиевич обернулся к графине, растерянно и с любопытством оглядывавшейся по сторонам. Неужели...

— Вы ведь никогда прежде не бывали здесь? — понял свою ошибку огненный маг. — Верно?

От прямого вопроса Ольга сразу вздрогнула и тут же нехотя замотала головой.

— Вы думали, я смогу помочь? — В ее голосе сквозила бездна боли, и маркиз удивился, как она жила все эти годы: одна, среди совершенно чужих ей людей. А ведь наверняка наследницы высоких родов не щадили ее, при первой же возможности указывая на весьма сомнительное место в очереди престолонаследия. — Я сказала вам правду, ваше сиятельство. Отец стыдился меня за то, что унаследовала его, а не материнскую кровь.

Постаравшись сделать заинтересованный вид, девушка отвернулась к стене, на которой висело множество наполненных доверху мешочков из льняного полотна, но этим жестом ей не удалось обмануть министра. Плечи ее чуть приподнялись, а потом беззвучно дрогнули. И она снова спрятала непослушные пальцы в складки темной юбки.

Пронаблюдав за графией сутки, маркиз понимал: этот жест используется ею, чтобы вернуть состояние покоя. Что ж, похоже,

разгадку тайны ливиума придется отложить на неопределенный срок.

Николай Георгиевич в душе обругал себя за эту оплошность: все же времени до бала оставалось совсем немного. Значит, нужно постараться хотя бы найти что-то из вещей с энергетическим слепком одного лишь графа, чтобы разгадать другое. Духовная друза соврала ведь не просто так...

Бросив мимолетный взгляд в окно, маркиз с сожалением заметил, что солнце с каждой минутой поднимается все выше, и потому пришлось поторопить девушку:

— Разрешите?

Времени мало, а вещей много, даже слишком. И почти на каждой из них огненная стихия узнает крупинцы какого-то дара. Эти вещицы боевой маг отставлял в сторону, сразу догадавшись: не подходят, ведь титул четвертого графа Ершова — дарованный, и древняя кровь ему не принадлежит. Значит, нужно искать что-то чистое, без магического следа.

Левшин коснулся рукой аккуратной ладошки молодой графини, позволив огню лизнуть шелковистую кожу.

«Нежно, — шептал он, призывая стихию к порядку. — Не навреди».

Он нарочно не следил за реакцией Ольги, чтобы вновь не сбиться с поиска и не потерять контроль уже в третий раз. И лишь когда достиг нужной концентрации, понял, что нужно искать.

Родовой слепок вышел не слишком правильным, с небольшими дефектами, но он явно отличался от всего, что окружало непрощенных гостей в кабинете графа. И маркиз, расположив его на ладони, позвал.

Энергия откликалась плохо, вяло, и это наталкивало на дурные мысли: тот, кому она принадлежит, либо мертв, либо близок к смерти.

И все же ему удалось. Серая комната озарилась слабым огоньком. Всего одним, чего и следовало ожидать, потому как в кабинете давно прошел обыск и все мало-мальски интересное должно уже нумероваться в министерстве. А вот эту вещь почему-то не забрали. Не нашли?

Маркиз нагнулся к столу, пройдя рукой по ящикам. Все открыты, но слепок откликается не здесь, не в одном из них. Тогда где?

Он присел, пробегая руками под столом. Тоже пусто! А энергия зовет, и в этом нет никакого сомнения. Не останавливаться!

Встав на колени, Николай Георгиевич заглянул под стол. У самого стыка крышки и боковой границы заметил мелкую выемку, по форме напоминавшую полукруг. Быть такого не может! И все же...

— Ольга, дайте мне ваш родовой перстень! Быстро!

Девушка повиновалась. Послушно сняла единственное украшение с пальца, протянув его на раскрытой ладони. И когда то легло в выдолбленный паз, с глухим щелчком открылся небольшой тайник, в котором покоилось не что иное, как белесый кристалл.

— Друга памяти? — Ольга не скрывала любопытства. — Включите ее, министр! Может, на ней есть то, что поможет найти отца живым!

Набрав общеизвестную комбинацию, маркиз терпеливо ждал, пока камень вспыхнет, предоставив сохраненную запись. Но кристалл молчаливо покоился у него в руке, не проявляя на капли активности. Поврежден?

За дверью слышались первые голоса. Взглянув на часы, маркиз с жалостью обнаружил, что уже почти девять, и значит, всего через несколько минут кафедра оживет. Он обернулся к наследной графине, приказав:

— Прошу вас!

Девушка не шелохнулась. Посмотрела на него с вызовом, попятившись в сторону двери:

— Я ведь не только в вашем доме инкогнито, Николай Георгиевич, верно? Если бы дело имело официальный ход, меня бы не забрали из пансиона так стремительно, не сообщив ни о чем деду. И не позволили бы поселиться в вашем доме. Цесаревич знает? — Она пристально всмотрелась в выражение лица его сиятельства, тут же догадавшись: — Знает. Видимо, слухи об угрозе короне не так уж и беспочвенны, раз сам наследник пошел на такой риск во имя империи. Я никуда не пойду!

Выкрикнув это, она мигом бросилась к двери, попытавшись ухватиться за тяжелую каменную ручку. Если девчонка доберется до коридора и раскроет их, дело приобретет по-настоящему дурной оборот. А ведь графиня Полякова была права насчет воспитанницы. Умна. Только на сей раз ее проделки грозят обернуться настоящими проблемами.

Маркиз едва успел перехватить руку беглянки, когда та почти уже коснулась увесистого камня в бронзовой оправе. Рванул на себя — так резко, что девушка мгновенно споткнулась и, потеряв равновесие, рухнула к нему в объятия. А ведь он обещал себе держаться...

Не понимая, как совладать с удушливой волной чистого бешенства, маркиз отдавал себе отчет в одном: если графиня не поможет ему добровольно, их поиски могут затянуться. А петергофский бал уже скоро.

— Прошу вас... — Говорить спокойно, когда все внутри клокочет от гнева, оказалось непросто. Но Николай Георгиевич сделал над собой немыслимое усилие: — Прошу! Ради вашего отца! Всего неделю, до столичного бала. Если я не найду изменников, боюсь, падет не только цесаревич. Все высокие роды накроет гибельной волной!

Он держал в объятиях наследную графиню Ершову, всеми силами старавшуюся вырваться из его захвата, и шепотом уговаривал ее, как ребенка, совершая отчаянные попытки спасти ситуацию. Если девчонка не согласится...

Она на миг замерла, и ее блестящие синие глаза оказались напротив его собственных. Задышала часто, явно пытаясь унять эмоции, и спустя минуту тихо ответила:

— Неделю, ваше сиятельство. Всего неделю!

И лишь тогда маркиз снова открыл огненный портал.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой лучшие друзья предают, расследование заходит в тупик и делается предложение без права отказа

*...нет сильнее тех двух воинов, терпение и
время; те всё сделают...*

Л. Н. Толстой. Война и мир

Солнце уже поднялось высоко в небо, по-весеннему согревая широкую полевую дорогу, гостеприимно принявшую нас. Было тепло, и я обрадовалась, что мне не понадобился легкий плащ, оставленный дома у его сиятельства.

— Где мы? — Оглядевшись по сторонам, увидела невдалеке крошечное село. Совершенно обычное, как две капли воды похожее на любое другое в Старороссии.

От невысоких изб шел густой дым, устремляющийся в небо, и повсюду пахло хлебом. За селом царапал облака ровный крест скромного монастыря, а всего в нескольких шагах от нас находился небольшой постоялый двор, вокруг которого гудела жизнь. Именно туда и направился министр, увлекая меня за собой:

— Нам нужно попасть в монастырь, но портал туда открыть не дадут. Святые земли — единственное место, куда запрещено создавать магические проходы всем, кроме самого императора. Нужно взять карету.

Я не стала спорить. Замешкавшись ненадолго у широкой двери, огненный маг оценивающе взглянул на меня:

— Здесь вы никому не известны, и бояться, что вас узнают, не следует. И все же, если хотите, могу наложить на вас отворотные чары — магии огня они подчиняются слабо, но на час хватит с лихвой.

Благодарно кивнув, я ощутила, как освобожденное из ладоней Николая Георгиевича пламя хлестко пробежалось по чувствительной коже. Вслед за этим освободилось немного тонкой ткани на груди,

выпустив несколько грубых складок, и я сразу же поняла: чары сработали.

Пропустив меня перед собой, министр толкнул входную дверь, уверенно зашагав к хозяину постоялого двора. Я осталась в стороне, с интересом наблюдая за жизнью широкого зала, в котором только стали появляться первые посетители.

Кажется, маркиз все же слукавил. Даже отсюда было заметно, как низко склонился перед ним тощий мужичок в чистой рубахе и как расторопно мелкий мальчишка убежал на конюшню. А ведь Николай Георгиевич еще даже не расплатился.

Оставив на столе несколько монет, он взял небольшую корзину, поднесенную самим хозяином, и лишь тогда, предложив мне руку, вывел меня из зала.

— Вас узнали, — с укором заметила я.

— Я говорил не о себе, Ольга. — Министр подвел меня к темно-серой карете, запряженной парой лошадей простой масти. — Чиноподчиненного кабинета его императорского высочества трудно не узнать. Я говорил о вас.

Усевшись в карету, тут же получила на руки корзину и, заглянув под чистый кусок ткани, нашла там несколько довольно сочных яблок и пару груш.

— Угощайтесь, — настойчиво приказал маркиз. — Не уверен, что успеем домой к обеду.

Я протянула одно из яблок его сиятельству и только затем взяла себе, а лошади уверенно застучали копытами по утопанной сельской дороге.

Женский монастырь под Репино был невелик. Скромный, невысокий и серый.

Среди нескольких зданий мне удалось различить крошечную церквушку, сам монастырь и несколько небольших хозяйственных помещений. Выдавал себя и добротный скотный двор, громко оглашаемый всевозможными звуками.

У ворот нас уже ждали.

Матушка настоятельница оказалась женщиной весьма солидной, что в развороте плеч, что в годах. С головы до ног облаченная в темно-серую хламиду, она низко склонилась перед господином Левшиным, благодарно принимая ответный поклон. Протянула к нему полные в

запястьях морщинистые руки и, тепло пожав ладони маркиза, жестом пригласила войти.

Не веря своим глазам, я наблюдала, как человек, который так деспотично говорил со мной все это время, со смирением принял приветствие почтенной монахини:

— Доброго дня, матушка Елена! Я прибыл от цесаревича, вас должны были предупредить.

Настоятельница тепло улыбнулась Николаю Георгиевичу, пожурив его:

— Предупредили... — короткая пауза, ставшая неудобной после многозначительного взгляда в мою сторону выцветших от времени глаз, — но о вашей спутнице, видимо, сообщить забыли.

Она задержалась у входа, ожидая тут же последовавших объяснений.

— Секретарь, — коротко отмахнулся маркиз. — Запишет наш разговор с графиней Зайцевой на друзу памяти для цесаревича.

Склонив голову перед министром в знак доверия, матушка указала рукой на невысокое здание из темного, грубо обтесанного камня, стоящее чуть наособицу, пригласив:

— Графиня Зайцева уже ждет вас.

Я втайне обрадовалась услышанному. Род Зайцевых всегда был дружен с отцовским, и до материнской болезни мы проводили немало времени вместе. Так неужели сама графиня приняла постриг?

По дороге к постройке нам встретилось несколько молодых монахинь, поспешно отводивших взгляд от министра. А вот на мне их внимание ненадолго задерживалось, становясь чересчур... откровенным.

Теряясь в догадках, я прошла за Николаем Георгиевичем в распахнутую дверь, с глухим скрипом захлопнувшуюся вслед за нами. Глазам понадобилось какое-то время, чтобы привыкнуть к темноте.

Открывшееся пространство убогой комнаты, в которую привела нас настоятельница, резко поразило меня. Стены из необтесанного камня с довольно низкими потолками давили ощущением того, что нам здесь не рады. И, несмотря на душевное радушие монахини при встрече, с каждой минутой мне почему-то становилось все хуже, пока...

Первый за последние восемь лет приступ головокружения накрыл так внезапно, что пришлось ухватиться за руку огненного мага, едва устояв на ногах. Обращенный ко мне взгляд из недовольного мгновенно превратился в обеспокоенный, и маркиз, приподняв рукой мой подбородок, участливо спросил:

— Началось?

Пришлось сознаться:

— Справлюсь. Однако лекарство все же понадобится.

Странно, но на этот раз Николай Георгиевич не спорил. Согласно кивнул, обратив взгляд на мрачное помещение, по простым скамьям которого сплошной стеной были уставлены разного цвета кристаллы, похожие на...

— Это друзья. — Говорившая женщина была молода — гораздо моложе знакомой графини Зайцевой из моих детских воспоминаний. Но в семье Зайцевых девочки отчего-то не рождались, и потому мне приходилось играть с целым полчищем мальчишек. Племянница?

С тонкими чертами лица, главным украшением которому — глубоко посаженные светло-голубые глаза, свидетельствующие о силе над стихией кристаллов, графиня поднялась с места, едва не загасив пламя тусклой свечи. Одета все в ту же серую тунику, что и остальные, она чем-то едва заметно отличалась от простых монахинь. И пусть голова ее была покрыта, почти полностью пряча темные волосы, но в фамильных чертах проглядывала аристократическая стать. Нет, все же она наследница графа, потому как древнюю кровь не скрыть...

— Графиня. — Маркиз низко поклонился. — Мы с моим секретарем прибыли к вам по поручению его императорского высочества. Позволите?

Женщина снова отвернулась. Взяла в руки прозрачный кристалл и, повертев его в ладонях, бросила в нашу сторону:

— Этот безвозвратно испорчен!

Отшатнувшись от летящего камня, я с недоумением взглянула на женщину. Блаженная? Значит, в этом кроется причина того, что мне ничего о ней не известно? Для высокого рода рождение такого ребенка — позор, от которого нужно незамедлительно и бесследно избавиться. Но... монастырь? К тому же настолько близко к Петергофу?

Кажется, министр поразился не менее моего. И все же спросил довольно обыденно:

— Испорчен? Почему?

— Из-за вас! — Графиня принялась крутить в руках новый камень, даже не оборачиваясь в нашу сторону. — Заговаривать друзья нужно в одиночестве, камни не любят чужаков.

— Как этот? — Маркиз протянул ей сиреневый кристалл, мгновенно узнанный мной по воспоминаниям о той ночи, когда мне пришлось опознавать неизвестное тело. Я слишком хорошо помнила белесые вспышки внутри камня, когда проверяли нас по отдельности, и темное свечение — при настройке на родовую связь.

— Как этот, — согласилась блаженная. — И тот, что у вас в кармане, кристалл памяти. Камни вообще не любят людей, а чужих — тем более. Слишком много жизни...

Я увидела, как бровь маркиза мгновенно взметнулась вверх, но больше он ничем не выдал себя.

— Вы можете? Мне необходимо понять, почему друга соврала, дав неверное пояснение. Это вряд ли могло оказаться ошибкой.

Графиня промолчала. Она продолжала крутить в пальцах прозрачную друзу, внимательно вглядываясь в отблески на многочисленных гранях кристалла, и только потом заметила:

— Зачем мне помогать самому чиновнику? Я уже помогла однажды...

Она обернулась в мою сторону, пристально глядя в лицо, и улыбнулась совершенно безумной улыбкой:

— Отцу и его гостю. От того человека пахло так же, как и от нее, — изящный палец указал на меня, — лекарствами. Обе ваши друзья хранят этот запах...

Она опустила свободную руку в карман, достав из него пригоршню темно-серых пилюль — один в один похожих на мои.

— Тот человек подарил мне это. — Блаженная зажала одну пилюлю между указательным и большим пальцами, любовно вглядываясь в грязного оттенка капсулу. — Пообещал, что смогу снова стать как все, если начну принимать их по несколько в день. И я поначалу верила ему. Пила исправно странное лекарство, пока не поняла, что оно отнимает не только болезнь... кристальные друзья перестали слушать меня, и совсем скоро любопытство взяло верх.

Раскрыв одну из пилюль, графиня показательно высыпала блестящее содержимое на ладонь и, макнув в него друзу, протянула ее нам:

— Правда красиво?

Камень искрился. Сверкал ярко, изменяясь каждой гранью, и не просто белесоватыми всполохами наподобие тех, что мне довелось видеть в министерстве, но совсем по-иному. Структура кристаллов плыла, полыхая медным отсветом, пока сквозь череду изменений не остановилась на золотой.

Что это? Неужели...

Мне оставалось лишь догадываться, чего стоило маркизу сохранить самообладание. Я и сама едва сдерживалась, чтобы не броситься к женщине с расспросами. Неужели мой отец навещал ее вместе с графом Зайцевым, чтобы отдать все то же лекарство, что и мне? Тогда, выходит, и я... блаженна? Или же нет? И что за содержимое хранится в серых пилюлях? Ливиум?

Если это так, тогда загадку с исчезновением отца можно считать разгаданной: ведь если ему наконец удалось открыть элемент, способный превращать вещества в драгоценный металл, это все объясняет!

Золото всегда являлось предметом раздора, и выходит, что отца предал один из его самых близких друзей...

Верить в подобное не хотелось, но графиня снова отвернулась от нас, блаженно покачивая на ладони свою драгоценность.

— Отец поначалу сердился на меня, пока не увидел это, — подтвердила догадку Зайцева. Она снова покружила в ладонях золотой слепок, позволив нам как следует налюбоваться им. — И пообещал за помощь немало. Свободу. Фамилию. И жизнь вне этих стен. Сказал, что признает... А всего-то и нужно собрать как можно больше пилюль и зачаровать друзу со слепком человека, который несет на себе запах лекарства.

Едва ли женщина, стоявшая к нам спиной, понимала, о чем говорит. Потому как даже душевнобольных за содеянное ждал допрос. Да что там, я не сомневалась, что сам министр после услышанного незамедлительно наведается к старому графу Зайцеву, как только монастырские стены останутся позади.

Только глава старого рода умен и опытен, и потому допрос нужно будет подтвердить свидетельством той, что открыла тайну.

— Графиня... ваша помощь короне оценится не менее щедро. — Маркиз осторожно приблизился к собеседнице, а тон его голоса стал мягче, спокойнее. И я заметила, как он поднял ладони к ее голове. — Вы сможете жить, как всегда хотели. В Старороссии или же за ее пределами — выбирать лишь вам!

Запоздалая догадка пронзила меня, и я сделала несколько шагов ему навстречу, желая не допустить задуманного. Живя с больной матерью, точно знала: внушение не сработает на умалишенной — только излишне потревожит больной разум. Но маркиз этого, похоже, не знал.

Всего доля секунды понадобилась, чтобы комната вокруг нас изменилась. Старый камень стен и потолка пришел в движение, заглушаемый голосом хозяйки:

— А ведь он говорил, что вы попытаетесь навредить мне! Отец обо всем предупреждал!

Сверкая безумными глазами, графиня выбросила вперед руку — и тут же, повинувшись силовому потоку, огромная глыба, оторвавшись от дальней стены, мгновенно перекрыла вход.

Что происходит?! Роду Зайцевых подвластна лишь магия кристаллов, но здесь... Даже мне стало ясно: разбужена оказалась также сила земли, и по плывшему зеленоватому свечению оставалось догадываться о худшем: некротическая энергия готова вырваться в любой момент.

Неужели блаженной графине, как и господину Левшину, подвластно несколько талантов? Или же в монастыре нас тоже ждали? Но в сверкающей тусклыми вспышками полутьме была лишь молодая женщина и подчиняющаяся ей стихия, готовая смести все живое на своем пути...

Камень загрохотал. Растревожил землю, поплывшую рябью под ногами, и мне понадобилась вся сноровка, чтобы не упасть. Маркиз уже понял, что допустил ошибку. Спешно устремился ко мне, пытаясь сохранять равновесие, но было слишком поздно.

Стены рушились. Камень дробился над нами мелкой крошкой, сыпавшейся за воротник, а от поднятой пыли нестерпимо жгло в глазах. Блаженная графиня бесновалась, выбрасывая навстречу нам

земляные волны и заставляя едва держаться на ногах от подземных толчков невероятной силы.

— Ложь! Все ложь! — Она швырнула увесистую глыбу в мою сторону, и мне едва удалось уйти. — От вашего секретаря не должно пахнуть лекарством! Щукины заговаривают дерево, от них пахнет листвой и древесной пылью, лесом!

Под ногами что-то закопошилось. Запахло дурно, как тогда, под Хвойным, и поднятые землей мелкие кости мерзко зашелестели, потянув за собою нечто шустрое, с десятком искрящихся в зеленом свечении ног.

Подземные твари!

Я закричала, когда поняла, что несколько таких созданий ползут по моим туфлям. Обернувшись, маркиз незамедлительно испепелил их огнем и, не став дожидаться следующей волны, поднял огненный щит, больше похожий на пузырь. Ногам мгновенно стало жарко, и все же это было значительно лучше, чем ощущать копошащуюся живность на тонкой ткани чулок.

После первой волны безгливости на меня накатило внезапное чувство неприкрытого ужаса, и страшное предположение озарило вопросом: ведь Зайцевым подчинялась лишь стихия друз, но здесь... на зов откликались даже подземные гады, так неужели ее дар претерпел изменения из-за приема пилюль? Возможно ли такое? И что теперь грозило мне?!

С земли поднимались воздушные смерчи. Они подходили вплотную к защитному пузырю, пытаясь развеять его, и нехотя отползали. С каждой такой попыткой лицо министра менялось: на висках проступала мелкая испарина, а складка между бровей становилась все глубже.

Я понимала всю сложность ситуации. Маркиз не желал навредить блаженной, пытаясь уйти из ее обители невредимым. Ведь если убить молодую женщину, тонкий след, полученный для расследования государственной измены, окажется безвозвратно утерян. Поэтому огненную стихию приходилось сдерживать.

Не замечая ничего вокруг, Зайцева все звала. Припав к земле, она говорила с ней как с живой, заставляя повиноваться приказам. Еще одна глыба упала буквально в нескольких шагах от нас, пока мы пытались подойти ближе к двери.

— Прошу вас, графиня! Мы не навредим!

В воздух поднялся рой тонких разноцветных иголок, сорванных с широких оснований друз. Загудев не хуже настоящих насекомых, они яростно впились в огненную преграду, защищавшую нас с маркизом. И от этой волны нас разом отбросило к двери.

На пламенный полог посыпался тяжелый камень, отчего стало ясно: небольшое помещение рушится. Еще немного — и оно погребет нас под своими руинами, оставив навсегда частью святого монастыря.

Николай Георгиевич не задумываясь закрыл меня своим телом, отрезав от происходящего за спиной и попутно пояснив:

— Вам нужно выбирать, Ольга!

Тон министра не терпел возражений, но я больше не собиралась подчиняться. Оставить его одного?

— Нет, ни за что! Только с вами!

Министр снова ругнулся. Дернул меня за руку, с раздражением отбросив к двери.

— Пока щит еще держится, вы должны оттянуть глыбу в сторону и покинуть здание. Это приказ!

Его сиятельство снова был взбешен, и я совершенно точно понимала: неповиновение его словам обернется для меня новым гневом. Но ввиду открывшегося ярость маркиза казалась наименьшим злом, а потому я повторила:

— Только с вами! — За простым родом отца тянулось множество неудач, но он всегда оставался верен своему слову и, присягнув на верность императору, позволить себе измену империи не мог. Значит, не могла изменить и я. — Вместе!

Я попыталась оттянуть тяжелую глыбу от двери, тут же осознав: это бессмысленно. Не понимая как, явно ощутила, что камень этот удерживается волей хозяйки. И мне, лишенной дара, его не сдвинуть с места.

Обреченно обернувшись к боевому магу, увидела, как он в одним движением разорвал щит, отняв от него полоску огненной стихии, крайне похожую на хлыст. Обернул ею огромную глыбу и, рванув в сторону, освободил путь.

Мгновенная радость сменилась жутким ужасом, когда я расслышала болезненный вздох Николая Георгиевича. Подхватив его окровавленное тело под руки, метнулась в открытую дверь. Протянула

еще несколько шагов, помогая маркизу уйти подальше от рушащегося здания. И дотянулась до драгоценного камня внутри золотой звезды на груди министра, подчиняясь глухой просьбе:

— Немедленно, Ольга! Откройте императорский портал!

Мигом зажала крупный артефакт в пальцах, заставив монастырь вокруг нас перестать существовать.

Мир дрогнул. В открывшемся переходе не ощущалось ни свободного падения, ни жара огня — лишь невероятная легкость, подобная полету в облаках. Перемещение длилось от силы минуту, а потом — рывок и яркая вспышка, ненадолго лишившая зрения.

Чувства обострились. Вдруг стало так хорошо, спокойно, все тревоги за жизнь маркиза внезапно исчезли, сменившись твердой уверенностью: он выживет. Сильнейшие маги империи позаботятся об этом.

На замену серости монастырского камня пришла зелень дорогой обивки, и взволнованный голос спросил:

— Левшин?! Что случилось?!

О том, что вижу его императорское высочество, догадалась не сразу. Конечно, памятные портреты августейшей семьи хранились во всех домах Старороссии, но писались они художником весьма старательным, и старание это шло не столько в сторону сходства, сколько в желание писать придворную жизнь еще долгие годы. А потому холсты ввали...

Не будучи до сего дня представленной ко двору, я воображала цесаревича совсем другим. Пожалуй, более высоким, утонченным, мужественным. С особой царской статью: ведь не просто так каждая выпускница девичьего пансиона в Хвойном мечтала стать невестой наследника.

Но при встрече Павел Алексеевич оказался... Пожалуй, да, — обычным. С первой сединой и слишком крупными, простоватыми чертами лица. С фигурой, что поплыла чуткими стараниями придворных поваров. И даже чудесный белоснежный мундир, отделанный ценными камнями, сидел на нем слегка топорщась. А ведь они с маркизом одного возраста, только Николай Георгиевич во всем предпочтительней цесаревича.

И все же в том, что передо мной престолонаследник, сомнений не оставалось.

Цесаревич сидел за столом, склонившись над стопкой бумаг, предложенной министрами, и лицо его выражало смертельную скуку, пока взгляд не упал на Левшина. С губ престолонаследника сорвался беспокойный крик, и вслед за этим на нас уставилось еще шесть пар удивленных глаз.

Повисшая тишина давила, и, не справившись с растущим страхом за его сиятельство, я совершенно по-детски попросила:

— Помогите, пожалуйста.

Забыв об этикете и о том, что подобное обращение к самому цесаревичу может довольно жестоко покараться, я с мольбой взидала на присутствующих, одновременно зажимая ладонями кровоточащие раны.

Взревела тревожная сирена, и трое министров, склонившись перед цесаревичем, покинули кабинет. Четверо других скорым шагом направились к нам, по пути угрожающе выставив руки с зажигающимися на них силовыми потоками:

— Отойдите от него, госпожа!

Если бы я хоть каплю беспокоилась за свою жизнь, то повиновалась бы. Но сейчас все, что занимало мои мысли, — это бегущая по пальцам горячая кровь, вместе с которой из вен маркиза уходила жизнь.

Перед министрами вспыхнули энергетические шары, мигом окружившие нас с господином Левшиным со всех сторон. Находясь в воздушном коконе, оплетенном разрядами молний, я и подумать не могла о побеге. Да и куда? Прорвись мы сквозь воздушный заслон, тут же оказались бы в бурлящей водной стихии, под которой уже плавилась раскаленные плиты дворцового пола.

Страшась магического нападения, я по-прежнему не отпускала огненного мага, лишь сильнее прижимаясь к нему. Крепко цеплялась окровавленными пальцами за изодранную форму на груди его сиятельства, не узнавая своего дрожащего голоса:

— Министр ранен, ему нужна помощь!

Комната снова поплыла. Как после бренди, но все же немного иначе. Я Пошатнулась, еще крепче вцепившись в мундир господина Левшина, и подняла глаза на правителя:

— Прошу вас, помогите ему. На нас напали в монастыре... — Кабинет сделал еще один круг, после чего помчался с бешеной

скоростью, едва позволив мне закончить: — Графиня Зайцева...

Сквозь туман полубеспамятства и грохот магических контуров слышалось, как цесаревич отдает приказы:

— Монастырь оценить. Настоятельницу и графиню задержать для допроса! Графа Зайцева доставить живым!

Приказы продолжали гулко отскакивать от зеленых стен, но я могла контролировать лишь одно: свои сомкнутые пальцы на мундире Левшина. И когда их попытались разжать, все, что удалось мне, — это лечь на окровавленную грудь своего спасителя и, накрыв его собою, произнести:

— Прошу вас, я должна ему помочь!..

Свет окончательно померк. Однако даже в кромешной тьме, которая не забывала кружиться в разные стороны, я почему-то явно ощущала: Николай Георгиевич недалеко. И от осознания этого становилось чуть легче.

Глаза разомкнула, лишь когда бесконечная круговерть предметов, звуков и запахов внезапно остановилась. Магические контуры исчезли, а на смену им пришло нечто легкое, прояснившее разум. И я смогла выдохнуть:

— Господин Левшин?

Почувствовала его присутствие еще до того, как услышала ответ, но только по исчезнувшему теплу поняла: маркиз все это время держался рядом. Взглянув на него из-под полуопущенных ресниц, удивилась: недавнее приключение выдавали лишь темные круги под глазами, но и они больше говорили об усталости его сиятельства.

В свете первых солнечных лучей, застенчиво пробиравшихся сквозь тонкие занавески небольших окон, ярко сияло золото десятка пуговиц на новой форме министра. Глубокого морского оттенка, она сидела на нем так же великолепно, как и прежняя, а во внешнем виде Николая Георгиевича не присутствовало ни малейшего намека на свежее ранение.

— Добрый день, госпожа Ершова. — Боевой маг отвернулся, поспешно отойдя к окну. Вгляделся в даль, затягивая и без того неловкую паузу. — Как вы себя чувствуете?

До сего дня маркиз ни разу не называл меня так, как того требовал этикет. А потому привычное негодование от его фамильярности сменилось удивлением, и совсем скоро — тревогой. Что случилось?

Оглядевшись по сторонам, поняла: мы находимся не в его родовом особняке, ведь привычный блеск позолоты, так тяготивший меня, нынче сменился светлой серостью гладко выкрашенных стен, а меблировка красного дерева — холодным блеском простых металлических коек, какие бывают лишь в военных госпиталях...

Да и пахло здесь совсем иначе. Лекарствами и мазями на основе травяных сборов, удушливой хлоркой для обработки полов и тем особым ароматом ткани, какой живет лишь в казенных домах.

Осознав, что нахожусь в постели, натянула одеяло до самого подбородка, создав безопасный кокон, за которым совершенно невозможно разглядеть ткань простой сорочки. А ведь рубашка эта тоже чужая, хлопковая. Слишком жесткая, чтобы надевать ее под дневное платье. Таких даже в девичьем пансионе под Хвойным не носили, прививая молодым воспитанницам вкус и женственность. Тогда... где я?

Обернувшись и прочитав невысказанный вопрос в моих глазах, маркиз обманчиво мягко произнес:

— Вы спасли мне жизнь, графиня, попутно раскрыв заговор против короны. Сейчас мы находимся в императорском госпитале Петергофа. К слову, вас тоже осмотрели.

Все внутри меня сжалось от дурного предчувствия: собеседник был явно настроен враждебно.

В животе мгновенно свернулся комок страха, и меня замутило. Увидев мой испуг, министр раздраженно поджал губы, что придало выражению лица жесткости, и меня окинули неприязненным взглядом, заставив съежиться под жарким одеялом:

— После нападения... ваш недуг обострился, заставив его императорское высочество незамедлительно вмешаться. Приглашенные целители установили, что... — Тяжелая пауза, длившаяся, казалось, целую вечность, закончилась совершенно неожиданным: — Вы вовсе не больны. И даже наоборот.

Что?! Неужели мне послышалось?

Не дав возразить, Николай Георгиевич желчно рассмеялся:

— Прошу вас, госпожа Ершова, не унижайте меня столь дурной актерской игрой! — Он поднял руку, снова призывая меня к молчанию. — Как вы понимаете, дело приобрело совершенно иной

оборот, — кивок скорее собственным мыслям, — и госпожа Полякова под присягой сообщила: ваш отец знал об этом.

Голос маркиза изменился до неузнаваемости. Наплевав на все законы этикета, он позволил себе открытую неприязнь, унизительно продолжая хлестать меня словами:

— Те пилюли, что вы принимали последние восемь лет, — не что иное, как ливиум, представленный обществу вашим отцом совсем недавно!

В крайнем раздражении боевой маг все больше походил на хищную птицу. Он рвано чеканил шаг, сокращая расстояние между нами, и, похоже, запасы его терпения заканчивались вместе со спасительным пространством:

— И знаете, что стало последней каплей?

Он шагнул ко мне, сжав кулаки, отчего кожа на костяшках пальцев чрезмерно побелела:

— Вы ведь вовсе не лишены дара! Более того, его мощь... именно она заставила вашего отца отправить вас в пансион под видом полного содержания и приема лекарств! Ваша стихия — человеческая душа! — Маркиз едва совладал с собой, склонившись над моим ложем.

Яростно посмотрел на меня сверху вниз, мрачно добавив:

— Дар редкий, ценный своей единственной в империи сутью. Великий алхимик испугался, что по приказу императора вас отнимут у него едва ли не со школьной скамьи, и не придумал ничего лучше, чем заглушить этот талант при помощи лекарств. Под видом разработок идеального трансформатора, способного превратить любой металл в золото, он искал искажатель вашей силы, впрочем разом справившись с двумя проблемами сразу. Забавно, не находите?

Забавно? Все рассказанное Николаем Георгиевичем казалось бессмысленным и диким, но уж никак не забавным. Ведь сих пор я была просто уверена, что отец стыдился своей лишенной дара крови, так не к месту проснувшейся в единственной наследнице, а потому и сослал подальше от собственных глаз и мнения великосветского общества. Он же...

— Защищал вас, — подсказал министр. — К слову, главный мыслитель империи по-прежнему не найден, отчего вопрос о тайне его разработки и об участии в измене стоит не менее остро. Вам известно что-нибудь об этом?

Осознание слов его сиятельства подействовало подобно ушату с ледяной водой. Забыв обо всем, я решительно вскочила с кровати, необдуманно позволив защитному положу одеяла разом покинуть меня. И внезапно ошеломленно поняла, что стою перед боевым магом в одной лишь тонкой больничной сорочке, под которой ничего нет.

Прохладный воздух тут же поднял волну мурашек по телу, заставив отреагировать не только кожу. Взгляд маркиза разом метнулся к моей груди, отчетливо проступающей под легкой тканью. Я медленно опустила глаза к тому месту, за которым так откровенно наблюдал Николай Георгиевич, и растерянно подняла руки, запоздало пытаюсь укрыться. Сдвинуться с места хотя бы на шаг, чтобы поднять злосчастное одеяло, не могла — страшилась. Волна горячего стыда раскрасила щеки яркими пятнами, и господин Левшин не сдержался:

— Бросьте, Ольга! Это представление уже никого не удивит!

Напряжение его сиятельства выдавала бешено пульсирующая темная жилка у самого виска. И все же ничто в его словах до сих пор не объяснило полного ненависти взгляда, пока он не прорычал:

— Скажите, вы ведь с самого начала обо всем знали, продумав свой план до мелочей?!

Николай Георгиевич замер всего в паре шагов, и любая неосторожность с моей стороны могла спровоцировать гнев. Но даже несмотря на то, что от смертельного страха я дрожала как лист на ветру, не спросить было невозможно:

— Знала... о чем?

В долю секунды господин Левшин разорвал расстояние между нами, остановившись вплотную. Резкий порыв воздуха, принесенный им, мгновенно напомнил аромат его парфюма, который я вдохнула прежде, чем поднять на него взгляд. Но маркизу этого оказалось недостаточно, — грубо сжав одной рукой мое плечо, другой он приподнял подбородок, вынудив запрокинуть голову.

— Что станете моей женой, если провернете все это?! — выдохнул он в самые губы.

Зал поплыл. Горячо защипало в глазах, и пронизывающая боль заставила меня обхватить руки Николая Георгиевича, забыв о непозволительном внешнем виде. Звонящим голосом я переспросила:

— Простите, что?..

Маркиз издевательски стряхнул мои ладони со своих, по-прежнему удерживая за подбородок. И, чеканя каждое слово, объяснил:

— Изъятая сегодня переписка с молодым Никитиным многое объяснила. Кстати, листы вам отправлял сам граф по просьбе сына — его тоже в скором времени доставят для допроса вместе с Зайцевыми. Но не станем отвлекаться. — Он склонился еще ближе, больно удерживая меня. — Итак, с чего же начать? Скромная выпускница пансиона, не прижившаяся в собственной семье, — вы ведь явно понимали, что должны решить свою судьбу в первый же сезон?!

Маркиз говорил правду, и от осознания своей никчемности я отвела взгляд. Господи, как же низко я нала в его глазах! Попытавшись вырваться из крепких объятий Левшина, я лишь сейчас ощутила, насколько он силен. Подавив мое сопротивление, боевой маг только яростнее вжал меня в стальной торс.

— Смотрите на меня, графиня, когда я с вами говорю! — гневно прошипел он. — Вам следует привыкнуть выказывать мне уважение, раз вы все-таки добились своего, моя драгоценная невеста!

Еще одна попытка вырваться потерпела неудачу, и маг совершенно безжалостно продолжил:

— Но длительно вынашиваемые планы относительно молодого Никитина с треском провалились, как только его интерес привлекла более родовитая княжна. И тогда, увидев меня, вы решились. Чудесно разыграли представление об отсутствии дара, прекрасно осознавая, что вант талант почти безграничен. Только и этого вам оказалось недостаточно!

Он сжал меня так сильно, что перед глазами потемнело.

— Ну же, Ольга! Разве не этого вы хотели, разворачивая поистине невероятную задумку? Чего только стоит нападение нежити! По дороге домой и в самом министерстве! А ведь меня, опытного некроманта, даже не смутила отсылка к крови Воробьевых, с которыми ваше семейство роднилось не единожды... — Господин Левшин, похоже, совсем обезумел от гнева, раз позволил себе оттолкнуть меня к кровати.

И я тут же воспользовалась шансом, мгновенно подняв спасительное одеяло и плотно укутавшись в него.

Несколько крупных шагов к окну. Отвернувшись, министр запускает пальцы в темные волосы, рассыпавшиеся тяжелыми прядями. А я понимаю, что последующие слова даются ему нелегко:

— Вы ведь были уверены: я заберу вас к себе, чтобы не допустить гибели. И с этой минуты разыгранное представление стало еще интересней. — Разворот, и полный ненависти взгляд испепеляет не хуже огненной стихии. — Поцелуй, о котором вас никто не просил... но вы охотно делились силой. Игра в недотрогу... когда вы будто не знали, что такое бренди, и просто валились с ног от одного глотка... Чертовы пуговицы на не менее чертовой блузке... Мой гнев... Признайтесь, Ольга! Как много времени вам понадобилось, чтобы придумать все это?! А ведь Полякова предупреждала: вы умны. Изобретательны не в меру. И все же я обманулся!

Каждое обвинение маркиза болью отзывалось в сердце, пока я не услышала совсем постыдное:

— Должен отдать вам должное, достойное представление обрело не менее достойный финал. В чем-то даже трагичный... Вы дотащили меня, истекающего кровью, в сам императорский дворец на заседание кабинета его императорского высочества. Объятия, преданность, граничащая с безумством... Слезы, на которые повелись лучшие умы империи. А дальше... Когда искре позволено вспыхнуть, пожар уже не удержать! И вот ваш дед, герцог Юрий Афанасьевич Соколов, сегодня поутру нанес мне визит, требуя не просто брака, а союза высокородных! Слышите, Ольга?! Он. Потребовал. Нерушимого. Союза!

От неожиданности я задохнулась. Союз высокородных предполагал не просто брачную церемонию. Это была полная принадлежность супругов друг другу — от подписания договора до самой смерти. И даже после... В случае гибели одного другой не мог вступать в законный брак до конца своих дней — ни в обычный, ни в высокородный.

Сердце забилось быстро-быстро, а на глазах появились слезы. Неужели все так и закончится для меня — с этим безжалостным человеком, рядом с которым ощущался лишь чистый ужас?!

Маркиз же чеканил каждое слово, растаптывая меня все сильнее:

— И я не смог отказать ему, потому как цесаревич... даже он не рискнул пойти против законов империи. А ваша честь... *ваша* честь,

Ольга, — он сделал выраженный акцент на этом слове, криво усмехнувшись, — для всех оказалась под угрозой.

Он замолчал, с бешеным бессилием глядя мне в глаза. Медленно подошел, вплотную остановившись около дрожащей от страха и несправедливости меня, и после этого добавил:

— Только не надейтесь, что я стану вам образцовым мужем. Как уже было сказано, вы совершенно не в моем вкусе. Да и высокородный союз не входил в мои планы еще лет эдак пять, а потому... мы объявим о помолвке завтра же, с первыми утренними газетами. И станем готовиться к скромной свадьбе, после которой я продолжу жить своей жизнью, а вы... вы, Ольга, отбудете в семейное поместье в Шуваловке, где станете заниматься хозяйством, ребенком, которого, может, удастся зачать в нашу первую и единственную ночь, и... А, к черту! Занимайтесь там чем хотите. Только об этом я больше не желаю знать!

Он резко развернулся на носках блестящих туфель и быстро миновал пространство до двери. Ухватился за тонкую ручку, уже готовый выйти, и обернулся лишь тогда, когда прозвучало мое тихое:

— Нет. Я отказываюсь от этого брака, ваше сиятельство!

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой отказ принимается как вызов, а матримониальные планы рушатся под действием непредсказуемых причин

*Что бы ни свершилось, всегда окажется, что
это самое было предвидено и приказано.*

Л. Н. Толстой. Война и мир

— Что вы сказали? — Похоже, до этого момента маркиз довольно уверенно держал себя в руках, и только сейчас я увидела чистое проявление его ярости. Он мигом вернулся обратно, сдернув с меня одеяло и рывком схватив за волосы. — Я больше не позволю вам выставить меня глупцом! Договор с вашим дедом подписан сегодняшней датой. Ровно с семи утра вы — моя собственность, Ольга. Прошу запомнить это!

Николай Георгиевич стянул родовой перстень с мизинца, тут же водрузив его на безымянный палец моей правой руки. Массивный ободок оказался слишком широк, отчего непомерно крупный бардовый камень едва удержался, чтобы не свеситься вниз.

Рубин потемнел. Больно обжег кожу и уже в следующее мгновение с глухим щелчком впился в палец, заставив шинку уменьшиться в размерах. Удовлетворенно проследив взглядом за трансформацией кольца, его сиятельство пояснил:

— Это на тот случай, если вам придет в голову дурная идея сбежать. Думаю, вы достаточно умны, чтобы понимать: родовой перстень подвластен лишь хозяину. Он откликнется на мой зов, где бы вы ни были. На этом закончим. Будьте готовы к вечеру!

— К чему?

— Как же, графиня. Так долго все продумывали, а в момент триумфа растерялись? — издевательски пожурил маркиз. — Наш

счастливый дагеротип, снятый на друзу памяти, должен озарить завтрашние газеты по всей стране, сообщив, что три великих рода соединят свою кровь.

Спорить с его сиятельством было большой глупостью, но, видимо, мой ум в крупной мере переоценили, потому как я снова напомнила Николаю Георгиевичу:

— Я не дам согласия на этот брак. Ни деду, ни вам, ни самому цесаревичу. И ваше кольцо вряд ли что-то изменит.

Было страшно смотреть за трансформацией на лице маркиза, и мне пришлось поспешно отвести взгляд, чтобы хотя бы попытаться сохранить оставшиеся крохи мужества.

— Кажется, я уже дважды предупреждал вас, чтобы вы не угрожали тому, кто сильнее! — Маркиз обманчиво нежно коснулся моей щеки. — И уже единожды сообщил о том, что с этого утра вы стали моей собственностью. Желаете консуммировать брак до его заключения?

Я постаралась сделать шаг назад, но уперлась ногами в железную постель, отрезавшую путь к отступлению. А маркиз тут же сократил увеличившееся расстояние:

— Мне ничего не стоит сделать вам приятно, дорогая графиня. Одно только слово...

Ладонь огненного мага заскользила по моей шее вниз, остановившись на груди. А глаза зло смотрели на меня, не скрывая издевательской усмешки.

— Вам должно быть известно, что, даже когда женщина не совсем во вкусе мужчины, ему не составит труда овладеть ею. Понимаете?

Скорее по инерции, чем соглашаясь, я кивнула. А потом произошло унижительное завершение беседы. Губы его сиятельства мимолетно коснулись моих, и он удовлетворенно похвалил:

— Ну вот и умница. Скоро за вами прибудет герцог Соколов. Отправляйтесь домой. Отдохните как следует, а к вечеру будьте готовы показать всем искреннюю радость от предстоящего союза.

Боевой маг, бросив последний победный взгляд в мою сторону, развернулся и в полной тишине покинул госпитальный зал, оставив меня босую на ледяном полу. Лишь теперь я смогла ощутить, что каменные плиты были чересчур холодные, и, видимо, поэтому по телу пробежала крупная дрожь.

Не в силах больше стоять, рухнула прямо на пол — благо тяжелое одеяло послужило мне хорошим амортизатором, не позволив окончательно расшибиться. Тщетно пытаюсь снять перстень маркиза, спустя четверть часа все же поняла: он не шутил, и теперь злосчастного украшения можно будет лишиться только вместе с пальцем.

Сколько я так просидела, сказать не могла. Но вскоре в зале появилась сестра милосердия, поднявшая меня с пола и уложившая в постель. Списав все произошедшее на потрясение после нападения, она спешно покинула помещение, вернувшись с чашкой успокоительного отвара. И мое сознание ненадолго угасло, доверившись спасительной темноте.

Разбудил голос деда, которого не доводилось слышать почти год. Такой любимый, он сейчас вызывал во мне лишь бессильный гнев, и я не хотела показывать, что уже очнулась. Но герцога Соколова обмануть не так легко, а потому...

— Вставай, Оля. Нам нужно торопиться. Дагеротипист прибудет в особняк через два часа, тебе нужно подготовиться.

И все.

Я понимала, что в императорском госпитале дед сохранит сдержанность, не позволив себе проронить ни единого лишнего слова, но после обращения маркиза невыносимо хотелось услышать теплоту в знакомом голосе. С глубоким разочарованием пришлось напомнить себе, что воспитание в высоких родах превыше всего, а потому, дождавшись, когда меня оставят одну, я поспешно встала с постели и привела себя в порядок.

Время убывало с бешеной скоростью, отсчитывая последние часы моей свободы. Набросив на плечи легкий плащ, дед помог мне усесться в украшенную золочеными завитками карету, запряженную четверкой вороных. И лишь тогда, навесив защитный полог на окна и двери, с укором пояснил:

— Ты не оставила мне выбора, дорогая. Семь глав высоких родов и сам цесаревич видели вас вместе. Знаю, ты сердишься, но высокородный союз — лучшее, что можно было сделать в подобной ситуации.

Позволив себе молчание в ответ, я оглядела деда. За прошедший год он заметно состарился. Седины стало значительно больше, и

теперь серебрились не только виски, но и вся голова. Глаза глубокого синего цвета, такие же, как и у меня, словно бы выцвели на ярком солнце. Заметив, что я его рассматриваю, он усмехнулся:

— Время никого не щадит, дорогая, поэтому воспользуйся им как следует.

Вымученно улыбнувшись, слабым голосом ответила:

— Его у меня больше нет.

Я действительно чувствовала, что не только время, но и саму жизнь у меня безжалостно отняли, заключив договор о нерушимом браке с маркизом Левшиным, но дед, похоже, был об этом другого мнения:

— Дорогая, если бы ты только дала мне знать, что он тебя похитил... Одного послания... одного намека хватило бы, чтобы я перевернул всю империю в поисках тебя. Мы могли оставить в тайне твое пребывание в его доме, даже если бы между вами... Господи, Оля! Он обидел тебя?!

Грустно покачала головой:

— Нет. Не так, как ты думаешь.

Похоже, дед все понял.

— Этот зарвавшийся маг... Приди ты ко мне вовремя, он не смог бы сделать ровным счетом ничего, даже имея поддержку цесаревича. К слову, они довольно дружны между собой, знала?

До дружбы моего будущего супруга с наследником престола мне не было ровным счетом никакого дела.

— Мне ведь сказали другое. Я и подумать не могла, что тебе неизвестно...

Бессильно уронив голову в ладони, я впервые за последние дни позволила себе расплакаться. Понимая, что место не самое подходящее, отчаянно старалась сдержаться хотя бы до родового особняка, но у меня ничего не получалось.

Еще недавно я представляла, как в скором времени оставлю пансион и впервые выйду в свет. Ждала петергофского бала, надеялась на союз с Алешей, а теперь... у меня отняли все это, оставив лишь: «Ровно с семи утра вы — моя собственность, Ольга».

Вот так просто. Собственность. А ведь мне еще нет и восемнадцати лет, чтобы втайне надеяться на спасение. Видимо, именно поэтому согласно законам Староросской империи между нами

с маркизом оказался возможным лишь высокородный союз, когда из одной семьи меня передавали в другую.

Грустно улыбнулась. Действительно похоже на собственность.

Дед накрыл дрожащие ладони своими в тщетной попытке успокоить, и я, ровно выпрямив спину, смахнула непрошенные слезы. Все верно. Уже менее чем через два часа мне суждено улыбаться на новых дагеротипах завтрашнего «Императорского советника», и я приложу все усилия, чтобы так и казалось, потому что иначе...

Маркиз обвинил меня в изобретении идеального плана? Что ж, ваше сиятельство, если вы так решили... тогда позвольте мне не разочаровать вас!

Войдя в старый дом деда, с наслаждением вдохнула привычный запах, и мысли обрели чуть большую четкость. Вот уж определенно нужно взять себя в руки, и тогда, быть может, даже с этим ненавистным кольцом у меня появится шанс на свободу, только дальше — ни единой ошибки!

Позволив приготовить себе ванну, я поднялась в светлые покои на втором этаже, принадлежащие мне еще с детства. Огляделась. Да, именно эти комнаты я всегда считала своим настоящим домом.

Легкая мебель цвета слоновой кости декорирована изящным шелком сливочного оттенка. Крошечный столик у окна покрыт кружевной салфеткой, на которой — приземистая широкобокая ваза с последними подснежниками. Одному богу известно, откуда их привез дед, но с приходом весны он всегда дарил мне букетик этих цветов. И сейчас я была втайне рада, что в этом году весна запоздала.

У вазы оставлен старый дагеротип. На нем мы втроем: я, мать и отец. Я здесь еще слишком мала, чтобы понимать свое счастье. Только бы не расплакаться...

Взгляд упал на прикроватную тумбу со стопкой любимых книг. А ведь они даже легкий вязаный плед, скорее похожий на большой платок, оставить не забыли. Я тепло улыбнулась: в родовом особняке Соколовых меня ждали всегда.

Горничная добавила в воду несколько капель лавандового масла — моего любимого, и я разрешила себе немного задержаться в ванной. Тщательно вымыла волосы отваром из трав, не забыв нанести на тело смесь душистых масел. И лишь после этого укуталась в тяжелое пушистое полотенце.

На столике меня уже ждала чашка ромашкового чая, но я сделала всего пару глотков, понимая: опоздать нельзя.

Волосы уложили в высокую прическу. Слишком элегантную для дома, но как нельзя лучше подходящую по случаю помолвки. Темно-каштановые пряди по приказу деда украсили семейными бриллиантами, оправленными в белое золото. Камни-капельки составили гарнитур легкой мерцающей нити на моей шее и изящным подвескам в ушах.

Лишь массивное золотое кольцо резко выделялось среди всего остального, громко заявляя о правах маркиза на свою собственность.

Нехотя облачившись в легкое белое платье из тончайшего шелка, я взглянула на себя в зеркало, поразившись увиденному. По сравнению с той испуганной девушкой, которая взидала на меня из зеркальной поверхности длинного коридора в министерстве, стоящая в светлых покоех молодая женщина казалась изысканно утонченной.

Капля духов на запястье и еще одна — на шею, и я, гордо подняв голову, покинула комнату.

Золотая звезда на мундире его сиятельства завибрировала сразу же, как только он покинул госпитальный зал. И несмотря на то, что времени до помолвки оставалось чуть больше трех часов, отказаться от приглашения цесаревича было нельзя.

Воспользовавшись императорским порталом, Николай Георгиевич уже спустя несколько секунд жал руку старому другу, принимая извинения:

— Ну прости, Коля, тут уж никак. Сам видел — семь глав высоких родов. Герцог Соколов тоже присутствовал бы на совещании, будь он моложе. — Престолонаследник раз за разом отводил взгляд, понимая, что не смог помочь другу. Но вины за собой не чувствовал: законы империи должны беспрекословно соблюдаться всеми, иначе грозят обрушиться на головы не только подданных, но и самой венценосной семьи. — Да тебе и самому задуматься бы над последствиями до того, как тащить девчонку к себе домой. И уж тем более — на расследование в монастырь. Отворотными чарами нынче никого не удивишь. Уверен, тебе не удалось провести даже матушку настоятельницу.

Понимая, что цесаревич прав, Левшин постарался скорее закончить неприятный разговор:

— Что сделано, то сделано. Помолвка состоится сегодня, договор подписан...

— Верно, Николай. Кстати, девчонка не так дурна, и ее преданность... Думаешь, играла?

Его сиятельство пожал плечами, задумчиво отводя взгляд.

— Это не имеет никакого значения. — Он принял бокал из рук наследника. — После свадьбы и консуммации союза я отвезу ее в старое родовое поместье. Оно довольно далеко от Петергофа, чтобы не позволить юной супруге вмешиваться в мою жизнь.

Цесаревич резко выдохнул, осторожно предупредив:

— Графиня не полная сирота, Коля. У нее есть дед, и он весьма влиятелен!

— Ее дед настоял на высокородном союзе, с настоящего утра передав внуку в мою собственность, — заспорил Левшин, позволив себе крупный глоток янтарного напитка. — Если бы ему было хоть немного жаль ее...

Цесаревич отрицательно покачал головой:

— Думаю, ты не все верно понимаешь, друг. В любом случае будь осторожен. Кстати, да. Высокородный брак требует от тебя наследника, потому как другого варианта больше нет: дети от побочных союзов никогда не будут признаны ни в самой империи, ни за ее пределами. Да и любовные связи теперь для тебя... под запретом. — Павел Алексеевич сочувствующе потрепал друга по плечу. — Ты не сможешь держать малышку взаперти. Все же если с первой ночи она не понесет, тебе придется хотя бы изредка наведываться...

Господин Левшин выпрямил спину, дав понять собеседнику, что тема для него неприятна. Постарался переключиться на другое:

— Что с допросом Зайцевых? Уже что-то известно?

Лицо цесаревича тут же озарилось неподдельным интересом, и он довольно быстро заговорил:

— Графиня рассказала все то же, что и тебе. Ее отправили в монастырь почти сразу после рождения, и воспитывалась она именно там. — Павел Алексеевич глотнул немного виски. — Но дружба ее отца с главным алхимиком внесла свои коррективы в фамильные

планы. Знаешь, ей ведь тоже пилюли помогали удерживаться в рамках дозволенного, пока она не раскрыла одну из них.

— Значит, графа Ершова предал его же друг? Из-за золота? — понимающе уточнил маркиз. — Мерзко.

— Мерзко, — мгновенно согласился цесаревич. — И ведь видишь, первый даже пока не найден. Думаешь, мертв? Или же его еще содержат где-то в надежде, что он раскроет тайну получения ливиума?

— Не знаю, — протянул маркиз. Он размышлял с минуту, но все же закончил: — Не понимаю пока, из-за ливиума ли, но при встрече с блаженной Зайцевой на нас обрушилась не только магия друз. Земля, камень, некромантия — все вошло в силу. Виной случившемуся — препарат, который она принимала? Или же еще несколько высокородных предательств?

Цесаревич взволнованно покачал головой:

— А вот в этом уже тебе, Николай, придется разобраться. Вместе со своей графиней.

И снова упоминание о девчонке, отчего желваки на щеках Левшина яростно заходили.

— А что, ветвь Воробьевых на высокородном дереве в королевской усыпальнице по-прежнему не зацвела? Два нападения... — Николай Георгиевич терялся в догадках, чего ему сейчас хотелось больше: чтобы древний род некромантов вновь возродился, сняв подозрение с его новоиспеченной невесты, или же чтобы дело об измене поскорее закрылось.

Так и не решив, расслышал ответ:

— Истинного некроманта высокородное дерево так и не отметило. Но тебе ведь известно, что кровь этой фамилии все еще живет...

— Известно, — откликнулся маркиз. — В моей графине, например.

Цесаревич попытался спорить:

— Согласен, совпадение крайне подозрительное, но Коля... малышка слишком юна, и, боюсь, ты отдаешь ей на откуп чересчур многое. Уйми свой гнев, иначе он помешает расследованию. Я не призываю тебя списать ее со счетов, но... вспомни и о других родах...

— Вспомню, — пообещал Левшин. Он сделал еще один крупный глоток, желая успокоиться, и получил укоряющее наставление от

наследника:

— Ты бы столько не пил, у тебя помолвка!

— Договор уже подписан, — с неудовольствием напомнил другу маркиз. — И с этого утра ничто в империи не помешает нашей счастливой свадьбе свершиться.

Он глотнул еще виски, правда, на этот раз совсем немного, и уже более миролюбиво поинтересовался:

— Так что с допросом старого предателя Зайцева?

— Ведется, — коротко отмахнулся цесаревич. — Он сознался в измене, впрочем, так и не раскрыв местонахождения графа Ершова, и оставил тем самым множество вопросов нерешенными...

Левшин поднял удивленный взгляд на собеседника, дождавшись пояснений:

— Не кажется ли тебе, что все это — лишь части одного целого? Три нападения за прошедший месяц, воскресшая кровь Воробьевых, золотая лихорадка Зайцевых. Да и сама пропажа алхимика... Боюсь, заговор еще не раскрыт.

Маркиз и сам страшился этого. Несмотря на всю злость на графиню за несвоевременную помолвку, сбрасывать со счетов слова наследника нельзя, потому как слишком много неслучайных случайностей произошло за последние дни.

— Я сам допрошу его, когда вернусь. И его дочь — тоже, — коротко решил господин Левшин. — Поздним вечером, после помолвки. Прикажи прекратить допрос, пока меня не будет. Боюсь, если ты прав, старый граф может покинуть мир живых еще до ночи.

— Согласен, — удовлетворенно заключил цесаревич. — На том и сойдемся. Что станешь делать до помолвки?

Маркиз задумался. Ему отчаянно хотелось вернуться домой, чтобы хотя бы ненадолго окунуться в умиротворяющую тишину родных стен, но нерешенный вопрос с молодой любовницей требовал немедленного вмешательства, ведь даже он не мог себе позволить, чтобы Мария узнала о его планах из завтрашних газет.

— Думаю навеститься к Щукиной. Самое время, не находишь?

— Нахожу, — улыбнулся Павел. — Ну и наворотил же ты дел, друг. Я даже завидую немного. Мне бы такое приключение перед свадьбой. Кстати, к балу все готово?

Маркиз кивнул:

— Готово. Невеста?

— Определена и одобрена самой матушкой, действующей императрицей. Из древнего плодовитого рода герцогов Третьяковых, так давно мечтавшего породниться с нашим. Согласие главы фамилии на высокородный союз уже получено.

Не замечая очевидного, цесаревич и сам раздражался с каждым произнесенным словом, позволяя себе, как и минутой ранее маркиз, слишком крупные глотки, больно обжигавшие горло. Если так пойдет и дальше, он будет нетрезв еще до ужина. Нельзя, нужно взять себя в руки! В конце концов, брак — это всего лишь сделка. А в любой сделке с заинтересованной стороной можно договориться.

Пожав друг другу руки, собеседники расстались, и с позволения престолонаследника маркиз открыл портал по уже знакомым координатам.

Небольшая квартирка в самом центре Петергофа приняла его сиятельство радушно, и с огненного столба он попал прямо в не менее горячие объятия племянницы старого Щукина, тут же ощутив на губах знакомый вкус.

— Тебя долго не было. Я ждала... — Легкий упрек, и ладони ее слишком настойчивы. Уже знает?

В светлой гостиной, как всегда, было чисто прибрано, а сегодня еще и пахло свежей выпечкой, которую по четвергам пекла пожилая Авдотья. Продолжительная болезнь унесла почти всю ее семью, и в работе Авдотья нуждалась крепко, отчего, не гнушаясь, пошла в услужение к дальней племяннице графа. А ведь до нее многие отказывались, не одобряя ни службы молодой женщины в министерстве, ни ее запретной связи с маркизом.

Господин Левшин попытался высвободиться из объятий:

— Погоди, Маша.

Поцелуй затягивался, распаляя огненную кровь боевого мага, но все же спустя несколько минут он нехотя снял тонкие руки, обвивавшие его шею, и в самые губы прошептал:

— Не сейчас. Нам нужно поговорить.

Пройдя вглубь комнаты, он остановился напротив бывшей любовницы, еще раз окинув ее взглядом. Нет, Мария определенно хороша. Прекрасная куколка со светлыми волосами — изящная и ангельски красивая. Ее ведь потому и не хотели брать в министерство

поначалу, справедливо полагая, что мужчинам будет не до работы. Но старый граф исхлопотался за племянницу перед самым цесаревичем, а тот перепоручил девушку лучшему другу. И министр не смог отказать.

Был ею доволен? Маркиз задумался. А ведь Мария и вправду считалась отличным работником: исполнительным, ответственным и покорным. Идеальным для министерства. Тогда... почему она здесь? Из-за денег?

Левшин знал, что родители девушки давно погибли, и ее содержание было графу в тягость. И все же... Николай Георгиевич только сейчас позволил себе разглядеть: несмотря на побочную ветвь высокого рода, его любовница явно знала себе цену и на простую связь вряд ли была бы согласна. Значит, цесаревич прав: это расставание — вовремя, потому как совсем скоро у нее бы возникли совершенно другие желания, связанные с браком, и тогда бы ему уже не отвертеться.

— Маша... — маркиз заглянул в распахнутые карие глаза, — мне хочется, чтобы ты узнала об этом первой. От меня, а не из «Императорского советника». В скором времени я женюсь.

Кукольное личико собеседницы вытянулось от удивления, тут же озарившись пониманием:

— Значит, она. Та, которую ты привел в министерство среди ночи. Ершова?

Не дав ответа, Николай Георгиевич постарался объяснить:

— Мы бы все равно не смогли пожениться, и тебе это хорошо известно. Я не планировал брак...

— Так что же изменилось?

— Здесь другое... — Маркиз на миг замолчал, раздумывая, как лучше закончить слишком затянувшееся свидание. — Ты должна знать лишь, что эта наша встреча — последняя. На твое имя в главном банке империи открыт внушительный счет, денег хватит на долгое время. Ты сможешь оставить за собой должность в министерстве или уехать из Старороссии — все, что пожелаешь. Поверь, выбор у тебя огромен. Я бы предпочел университет в Болонье... Итальянцы — люди свободных нравов, там проще будет начать новую жизнь.

Лицо Марии исказилось печалью, а глаза гневно блеснули. У паси ее бог закатить истерику, ведь уже через час его ожидают в родовом

доме Соколовых, а ему еще надо успеть домой, чтобы переодеться в парадную форму, как того требовали традиции.

— Прошу, не обижайся. Между нами с самого начала не существовало никаких договоренностей, я никогда не давал тебе обещаний, что смогу взять в жены. Пойми...

Маркиз намеревался сказать что-то еще, но звук приближающихся шагов заставил его напряженно обернуться.

— Ты кого-то ждала? — настороженно поинтересовался он, зажигая на ладонях огненные сферы.

Мария испуганно покачала головой. Ее рот приоткрылся в тщетной попытке что-то сказать, и по спине маркиза пробежал опасный холодок. Неужели...

Координаты дома закладываться не желали, сдерживаемые посторонней стихией, и когда ему уже почти удалось, позади раздался хриплый голос:

— Кажется, вам придется опоздать на собственную помолвку, министр.

**ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
в которой новое нападение дарит
первую высокородную смерть
Староросской империи, преподносится
букет из скромных ландышей, а
долгожданный выход в свет
заканчивается в карете**

*...только по достижении ею возраста невесты
двери светской жизни распахнулись пред нею.*

*Жизнь в свете, дома и при дворе.
Петергоф, 1890 г.*

Сначала сработала тревожная система, зажегшая в зеленом кабинете ряд ярчайших магических контуров, и престолонаследник сперва думал не отвечать, не желая прерывать совещание. Однако пришедшее следом оповещение все изменило — послание от маркиза Левшина.

Что за...

Проведя рукой с родовым аквамарином по разрешающей панели, цесаревич раскрыл ладони, в которые тут же упал клочок измененной магической материи, разукрашенной ярко-алыми пятнами. Наследник императора ненавидел пламенные всполохи на посланиях: они жгли кожу нещадно. К слову, министр знал, как ему тяжело с огнем, мог бы и подумать об августейшем комфорте. Или подумать Николаю не дали?

Поднеся материю к носу, цесаревич понял, как ошибся: алые пятна, поначалу так взбесившие его, были вовсе не всполохами подвластной Левшину стихии, ввиду того что пахли совсем по-иному — свежей кровью!

Наскоро прочитав послание, Павел Алексеевич тут же убедился в своей правоте.

Боевым магам — на построение! Граф Поляков, ваши способности к целительству тоже понадобятся: похоже, маркиз ранен! — прокричал цесаревич, задавая координаты отправки.

Минуты ожидания давались наследнику староросского престола нелегко. Он раз за разом проверял сообщение друга, пока не понял, что так сильно насторожило его: от листка чувствовался не только огонь. И даже не кровь.

Что-то другое — глухое, темное и мертвое, что бывает лишь... Да, у некромантов. Значит ли это, что Николай оказался прав и кровь Воробьевых пробудилась?

Но вот зеленые стены вновь озарились россыпью бегущих символов, и цесаревич позволил вернувшимся магам попасть во дворец. Окинул их беглым взглядом, уже осознав: одного недостает, и прежде чем догадался, расслышал:

— Его сиятельство граф Поляков погиб...

Не понимая, как такое возможно, наследник императора ошеломленно смотрел на министров, ожидая объяснений. Мундиры Левшина и Лихачева были изрядно порваны на груди, да и остальным досталось не меньше. Третьяков придерживал левой рукой жуткую рваную рану на правом плече, но та никак не хотела сходиться, выпуская все новые и новые порции крови. Половина лица Тетерина обгорела почти до черноты, а маркиз Орлов едва стоял на ногах. Прибывшие расступились, показав правителю истерзанное тело погибшего графа, и лишь тогда тот разрешил Николаю Георгиевичу проговорить:

— Ваше императорское высочество, я прошу отдельной аудиенции.

Среди министров тут же пробежал недовольный ропот: все они только что вернулись из смертельного боя, пожертвовав жизнью своего собрата, так можно ли говорить о происшедшем наедине?

Позволив себе каплю сомнения, цесаревич оглядел присутствующих, понимая, что главам высоких родов такая конспирация придется не по вкусу. И все же нутром чувствовал: на дерзкий шаг маркиза толкает не безрассудная прихоть — нечто гораздо большее.

— Ступайте в госпиталь, — прозвучал приказ. — Пусть доктора и целители из рода Поляковых вами займутся. Спустя полчаса — заседание кабинета. И да, маркиз Орлов, немедленно передайте тело семье, его нужно подготовить к погребению.

Министры низко склонились перед государем, едва скрывая недовольство его поступком, но все же открыто ослушаться не осмелились. И лишь когда господин Левшин остался один на один с цесаревичем, тот выплеснул свое негодование, со всей силы опустив кулак на дубовую столешницу:

— Николай, о чем ты только думал?! Мне еле удастся сдержать бунт против императорской власти! Одному богу известно, как это тяжело: главы высоких родов давали клятву верности не мне — моему отцу, и им ничего не стоит забыть о ней рядом с наследником престола! Слышишь?!

Николай Георгиевич тяжело дышал после пережитого нападения. Покрытый ссадинами и запекшейся кровью, он смотрел другу прямо в глаза и казался невероятно собранным, озвучив лишь одну просьбу:

— Я все объясню тебе спустя минуту, разреши только отправить послание в родовой дом герцога Соколова: дагеротипист уже ожидает меня для съемки помолвки. Не хочу, чтобы семья Ольги искала оправдания моему отсутствию.

Брови Павла Алексеевича удивленно поползли вверх. Полноватое лицо его покраснело, пустив пятна-кляксы под самый воротник мундира, но монаршая кровь помогла сдержаться. Он согласно кивнул, и когда спустя минуту со всем было покончено, услышал:

— Кто знал о моей помолвке?

Цесаревич ошеломленно взглянул на маркиза, явно давая понять, что его вопрос — чрезмерный. Но ни суровый взгляд, ни явно враждебная поза, в которой откровенно чувствовалось иссякающее терпение престолонаследника, не изменили настойчивости чиновника. В ответе Павла Алексеевича сквозило явное раздражение:

— Полагаю, лишь мы с тобой и семья герцога. Какое это имеет значение? Граф Поляков вероломно убит, а ты...

— Ты в этом уверен?! — Маркиз с сомнением сощурил глаза, изучающе впившись в его императорское высочество: пытался найти хотя бы малейший признак недосказанности. И, заметив, как тот

отводит взгляд, тут же добавив: — У Марии меня ждали. Те, кто не просто догадывался — знал наверняка о предстоящей свадьбе!

Министр впервые позволил себе проявление ярости при будущем государе, но последние события наталкивали на мысль, что среди высокородных министров, входящих в зеленый кабинет, завелись предатели. Только цесаревич тоже понимал это — теперь более явно, чем прежде.

Зло выругавшись, он не удержался от ответной шпильки в адрес друга:

— Если вдруг окажется, что во всем замешана твоя Ершова... и она все это время была не где-то, а у нас под носом... Да еще ее отец... Прости, Коля, сейчас не время для взаимных обид, но предатели... среди министров... ты понимаешь, что это значит?!

— Понимаю, — примирительно откликнулся Левшин, успокаивающе хлопнув друга по плечу: — Не беспокойся, за девчонкой я присмотрю. И все же... ты уверен, что больше никто не мог знать о помолвке? Я пойму, если ты рассказал, мне просто нужно знать, где искать концы!

Павел Алексеевич отошел к окну. Тронул зеленую портьеру, отведя ее в сторону и впуская в кабинет последнее тепло вечернего солнца. Прикрыл ненадолго глаза, будто бы борясь с одному ему известными мыслями, и нехотя пояснил:

— Знала лишь моя матушка, действующая императрица. Она, конечно, как и многие великосветские дамы, бывает весьма болтлива время от времени, ты же понимаешь, но... сейчас на кону целая империя. Думаешь, могла проговориться? Что случилось?!

— Как я уже упомянул, меня ждали, — последовал почти бесстрастный ответ. — Кстати, не один только барон Щукин, хотя и ему интереса с защиты чести дальней племянницы — немного. Он ведь не вспоминал о ней несколько лет, а тут разом обрел чувство родового единства.

Николай Георгиевич брезгливо сморщил лицо, показывая тем самым отношение к подобного рода семейным узам. Он отошел к резному столику с драгоценными напитками, плеснув себе в бокал немного бренди. Прodelал то же самое со вторым бокалом и, жестом приглашая его высочество, спросил:

— Проверишь? Не хотелось бы умереть, так и не дождавшись помолвки. — От натянутой улыбки повеяло горечью, тут же запитой старым бренди. — Кстати, барон Волков тоже прибыл на квартирку Маши. — На сей раз господин Левшин позволил себе нотку ярости, тут же взяв себя в руки. — Нужно было предъявить им обвинения в измене раньше, еще после первого нападения некроманта. По крайней мере, отсидели бы свое в темнице при министерстве, и, может, сейчас граф Поляков бы жил. Да и наследник древней крови Воробьевых объявился — не сам, конечно, но его энергией пропиталось все пространство старых комнат. И как только первая капля крови упала на зеленоватое свечение, голод мертвого эфира пробудился.

— Некромант?! Ты уверен?! Все же и у Щукиных, и у Волковых возможности к управлению некротической силой имелись. Если их объединить...

— Нет, Павел. Поверь мне, ни у Щукина, ни у Волкова такой мощи не найдется. И мне бы ее не сыскать, если бы не своевременная помощь. Я обязан тебе жизнью. Вот, смотри. — Маркиз отвернул разорванный камзол, показывая темные полосы, покрывавшие весь торс.

Несмотря на то что после нападения прошло от силы полчаса, вокруг этих ран уже поползло зловонное воспаление, с каждой минутой отроевывающее все новые участки кожи. Ему бы к врачам обратиться, но другое дело казалось важнее.

— Позволь допросить задержанных без промедления — еще до помолвки и до наступления ночи, как мы изначально договаривались. Сейчас же!

— К чему такая срочность, Николай? На нижних уровнях министерства, защищенных несколькими магическими контурами, они под надежной охраной. Сам Тетерин за это в ответе — он мой старый институтский друг, совсем как ты.

— Прошу, Павел... — В голосе маркиза сквозила неподдельная тревога, и он рискнул озвучить самые страшные подозрения: — Боюсь, вечером уже будет поздно!

Цесаревич нехотя согласился. А ведь в последнее время неразрешенных вопросов становилось и вправду в разы больше. Как в обычной клетушке в центре Петергофа оказались не просто маги, но наследники высоких родов? И почему открыли огонь по маркизу?

Убирают со своего пути всех, кто верен короне и лично ему? Ведь если все так...

— Погоди, Коля: Я пойду с тобой, — решительно заявил наследник. — Ничего, если и замараюсь в крови немного. Мой отец на пути к престолу и не такое выделял...

Императорский портал мгновенно откликнулся на зов хозяина. Закружил зелень кабинетных стен, меняя ее на темные краски коридоров. И уже спустя всего несколько минут перед друзьями открылся один из нижних уровней министерства.

Пахнуло сыростью. Плесенью, затхлостью и едва заметно — нечистотами.

«Служащим пора урезать содержание, — пронеслось в голове у Левшина. — Нехорошо выходит перед престолонаследником».

Магические фонари бледно мерцали при приближении путников, отбрасывая на темные стены крошечные тени пляшущих в эфире крупинок ливiuма. Света едва хватало, и выходило, что нововведение требует доработки... или обыкновенных свечей.

То ли из-за недостатка освещения, то ли по какой другой причине, но в коридоре было холодно, зябко. И уже после первой минуты зубы цесаревича, привычного к уюту, стали заметно постукивать друг о друга, а предстояло ведь еще не меньше половины пути...

— Расточители, — недовольно протянул Павел. — Деньги из Староросской империи тянете, а на деле их не видно!

Маркиз смолчал. Ему как никому иному было известно плачевное состояние государственной казны и личного кошелька императорского дома. По всей видимости, бедственность ситуации и сыграла с его другом дурную роль в выборе невесты — женщины рода Третьяковых ценились не за природную красоту и грацию.

По тайному переходу, послушному голосу цесаревича и фамильной крови, шли недолго: сказывалось нетерпение Павла Алексеевича, раз за разом пользующегося порталом для ускорения. Но когда перед глазами встали несколько в ряд расположенных дверей, министр жестом остановил друга:

— Погоди, сейчас открою.

Он поднес родовой перстень, доставшийся ему в наследство от отца и не носимый до помолвки с Ольгой, к небольшой выемке, зажегши вокруг дверей огненные символы, — и тут же с болезненным

выдохом призвал пламенную стихию. Утраченные в бою силы давали о себе знать: еще немного — и маркиз не сможет защитить ни себя, ни престолонаследника. Но даже если бы жизнь цесаревича стоила ему его собственной, он бы не дрогнул ни на мгновение.

Укрывшись огненным щитом, боевой маг закрыл собой будущего императора, озвучив ответ на повисший в воздухе невысказанный вопрос:

— Цепь нарушена. Вот здесь, видишь? Последовательность не та, что раньше. Вспомогательные символы огня выброшены, ослабляя пламенную секцию. И кажется мне, что огненный порядок изменен неспроста, ведь именно эту часть плетения осуществлял я.

Маркиз начертил несколько горящих знаков, торопливо восстановив алое свечение, и цесаревичу показалось, будто бы у дверей стало чуть теплее. Благостный жар расплывался в пространстве, пока министр не дошел до следующего уровня.

— А вот эти, ледяные, — он ткнул пальцем в искрящиеся голубым светом крошечные завитки, — появились здесь совсем недавно. Изменения едва заметны, потому как сотворены опытным магом, имеющим не просто доступ к темнице, но к самой сети заклинания. — Он поддел огнем крошечный изгиб, дождавшись шипящего отклика, после чего заключил: — Чувствуешь, если коснуться завитка, становится на порядок холоднее?

В коридоре и вправду стало прохладнее, и цесаревич тут же отреагировал, призвав на ладони бурлящую водную сферу. А ведь он не зря спустился сюда с маркизом, ему давно пора было увидеть все своими глазами.

Бунт? Кажется, все гораздо хуже...

Двери камер оказались плотно заперты, как и накануне. И все же дурное предчувствие давало о себе знать, давя на уши зловещей тишиной.

Шаг, второй, третий...

Огненный щит, поднятый министром, ярко озарил пространство камер, выхватив из углов клоки мертвенно-зеленоватого сияния. По запаху стало ясно: даже поторопившись, друзья опоздали.

Четыре найденных тела были донельзя похожи на то, что маркиз показывал Ольге днем раньше. Искореженные открытым ее отцом ливиумом, они ровно лежали на тонких соломенных матрасах, словно

ожидая, чтобы послание скорее нашли. Коснувшись их по очереди, маркиз убедился: еще не остыли...

Оставалось лишь догадываться, были ли это тела четырех виновных аристократов или же граф с графиней Зайцевой с чьей-то помощью сбежали, оставив после себя подлог, когда камеры открылись для пойманных сегодня баронов.

Нужно поспешить в зеленый кабинет, — убедил его высочество министр. — В прошлый раз некромант поднял тела, как только возле них оказались мы с Ольгой. Это может быть ловушкой!

Созданный наспех императорский портал сработал молниеносно, только слегка окатил огненного мага бурлящей водой. Запахло гарью, и едкий дым обдал цесаревича темно-сизым столбом, заставив надсадно закашляться.

Едва отдышавшись, Павел Алексеевич с необузданной злобой смел с крошечного столика ряд драгоценных напитков, оглушив друга звоном бьющегося стекла. Крупными размашистыми шагами, крушившими остатки хрусталя, прошел к массивной двери. С грохотом открыл ее, так что эхо гулко разнеслось по всему дворцу, и, напугав до полусмерти молодого секретаря, яростно выкрикнув имя Тетерина, приказав доставить его как можно скорее.

Потом развернулся к Левшину, устало опустив плечи, и безжизненным голосом произнес:

— С изменником поговорю сам, отдав дань старой дружбе. Спрошу, чем не сгодился как будущий император... если он, конечно, все еще во дворце. Впрочем, что-то подсказывает мне, что следов Тетерина по всей Староросской империи теперь будет не сыскать.

Он немного успокоился, расправил плечи и уже с достоинством произнес:

— Ступай к лекарям, Николай, после чего — домой: тебе следует умыться перед помолвкой. И да, — добавил он, благодарно пожав ладонь другу, — помня о свадьбе, не торопись пока с наследником и как следует присмотришься к своей графине. В конце концов, ливиум...

Ожидание затягивалось.

Прибывший ровно к шести плотного телосложения дагеротипист, одетый в довольно простой клетчатый костюм с выдавшей виды уже не белоснежной сорочкой и изрядно потертые лакированные туфли, с

любопытством поглядывал на часы, нервно теребя себя за рыжий ус. Но даже несмотря на профессиональную дотошность, присущую любому газетчику из «Императорского советника», он не решался в присутствии герцога откровенно спросить, в чем причина опоздания маркиза на собственную помолвку. А минуты все шли...

Старинные часы в холле родового дома на Гостилицкой улице громко ознаменовали половину седьмого, и вместе с боем в золотую гостиную вошел дворецкий:

— Вам послание, ваша светлость.

Дед коротко кивнул, взяв с серебряного подноса небольшой конверт с императорским вензелем, и, раскрыв его, быстро пробежал по аккуратным строчкам. Пока читал, мое сердце успело остановиться и снова броситься вскачь, но лицо герцога Соколова оставалось непроницаемым. Спрятав послание, он чинно встал и, пройдя к большому камину, бросил конверт в огонь.

— Кофе, уважаемый? — Его обращение к растерянному дагеротиписту было таким обыденным, что тот едва смог вымолвить слова благодарности, уже спустя минуту приняв крошечную чашку из моих рук.

А дед снова сел на диван, забросив ногу на ногу, и ободряюще взглянул на меня. Так уж получилось, что с самого детства мы с ним были особенно близки, и поэтому мне не понадобились слова, чтобы понять: все в порядке, ждать осталось недолго.

Любезно улыбнувшись дагеротиписту одной из самых светских улыбок, я постаралась выглядеть как можно более непринужденно. Ну и что, что мой жених опаздывает? Да и опоздание ли это, когда сам чиновначальник кабинета его императорского высочества задерживается всего лишь на полчаса?

Часы разнесли по дому грохот семи мощных ударов, когда в холле раздался шипящий звук, сменившийся хлопком. И уже спустя минуту дворецкий огласил:

— Его сиятельство маркиз Николай Георгиевич Левшин.

Боевой маг зашел в гостиную спокойно. Облаченный в парадную военную форму белоснежного цвета, правой ладонью он касался чудесной сабли с золотым эфесом, украшенной гербом дома Левшиных в россыпи драгоценных камней. В левой руке держал небольшой, сладко пахнущий букет из трогательных ландышей,

принятых в высоких родах в качестве традиционного подношения невесте в день помолвки.

Остановившись напротив удивленной меня, он протянул цветы, нежно коснувшись губами тыльной стороны ладони. Тепло улыбнулся, озвучив положенное этикетом приветствие, и лишь затем ровным шагом направился к хозяину дома.

Господин Левшин склонился перед ним в уважительном поклоне, после чего кивнул газетчику:

— Прошу простить мне мою задержку. — Он с благодарностью принял кофейную чашку из моих дрожащих ладоней, пояснив: — Служба.

Усевшись в кресло напротив меня, сделал небольшой глоток и произнес совсем не так, как прежде:

— Дорогая, надеюсь, ты не сердишься.

Мне понадобилось все самообладание, чтобы не раскрыть изумленно глаза и не переспросить, ко мне ли он обращается, — так уж вышло, что в наших с маркизом отношениях не оставалось места галантности.

— Если вы не против, мы могли бы начать, — обратился он к газетчику. — Я думал отвести свою невесту в театр, сегодня премьера «Местного цирюльника». Не хотелось бы пропустить.

Едва не выронив чашку, я все же пролила несколько темных капель на блюдце, встретившись взглядом с глазами деда. Немой укор и твердая поддержка, как будто слышу:

«Возьми себя в руки, Ольга! Ты — наследница Соколовых, а мы в любой ситуации держим спину прямо».

Благодарно улыбнувшись ему, я уже спокойнее взглянула на Николая Георгиевича. А ведь он хорош в этой роли, и если бы предыдущие несколько дней рядом с ним была не я, могла бы обмануться.

Но и мне ничего не стоило подать ему руку, затянутую в тонкий шелк перчатки, и очаровательно улыбнуться. Бровь маркиза едва шелохнулась: все же удивлен, только большего проявления чувств не позволит.

И мы прошли к огромному камину, над которым висел портрет четы Соколовых.

— Прошу вас, ваше сиятельство, — дагеротипист наконец ожил, вновь вспомнив о цели визита, — станьте чуть ближе к невесте. Достаточно, вот так. Возьмите за руку...

Пришлось выполнить пожелания сотрудника «Императорского советника» и встать рядом с министром. Что это? У самого плеча Николая Георгиевича я чувствовала едва различимый запах огня и гари, скрываемый его парфюмом. И все же... Нет, мне не показалось. Значит, в этом причина его задержки?

Позволив себе любопытный взгляд, мгновенно получила ответное пожатие пальцев. Значит, позже. Что ж, оказывается, у нас еще сегодня выход в театр. Может, там?

Друза памяти добела раскалилась. Щелкнула громко, озарив ослепительной вспышкой, после чего послышалось довольное:

— Хорошо! Хорошо вышло. Прошу, ваше сиятельство, еще несколько кадров...

Достоинно выдержав еще с десятков вспышек кристалла памяти, я облегченно выдохнула, когда все закончилось. Проводив газетчика, вернулась в гостиную, где друг против друга сидели дед с маркизом, взволнованно беседуя.

— Вы не предупредили нас, ваше сиятельство! — В голосе деда сквозила сталь, но явного раздражения он проявить не мог. — Первый выход в свет лучше сделать в другое время. Ольга устала, этот день и так стал для нее потрясением. Если позволите...

— Не позволю, — твердо ответил маркиз. И тут же доброжелательно добавил, стирая неловкость: — Свадьба уже через неделю, сразу же после петергофского бала. Моя невеста должна быть представлена свету.

Он обернулся в мою сторону, окинув оценивающим взглядом, и тут же добавил:

— К тому же графиня сегодня просто очаровательна, чтобы быть укрытой за тяжелыми дверями родового дома. Вам понадобится плащ, моя дорогая. К сожалению, вечерами еще довольно прохладно.

Взглядом испросив мнения деда, дождалась лишь короткого кивка: что ж, похоже, придется подчиниться.

— Олег, подай плащ графине! — отдал он распоряжение дворецкому. — Дорогая, жду тебя к полуночи.

— Как?! — не скрывая удивления, не смогла промолчать я. — Первый выход в свет должен быть совершен вместе с близким родственником. Ты не пойдешь?

Дед покачал головой:

— После заключения договора о высокородном союзе ты вправе появляться в свете рядом с будущим супругом. Маркиз настаивает...

Понимая, что противиться воле господина Левшина сейчас не время, позволила ему накинуть светлый плащ себе на плечи, после чего вложила руку в его раскрытую ладонь.

— Вы готовы?

— Если вы того желаете.

Николай Георгиевич улыбнулся лишь краем губ:

— Желаю.

И вывел меня из дома, галантно усадив в парадную карету. Укрыв ее изнутри огненным пологом, откинулся на спинку сиденья, вновь удостоив меня испытующим взглядом. Поежившись, я сделала вид, что смотрю в окно, но маркиз не сводил с меня пронизывающих глаз:

— Вам должно быть известно, графиня: на меня напали. — Пропустив мимо ушей мой испуганный вздох, он резко отмахнулся: — Бросьте уже свои ужимки! Не желаете сознаться?

Кажется, подозрения маркиза стали для меня настолько привычными, что сдержать эмоции оказалось совсем не сложно.

— Ваше сиятельство, — каждое слово давалось с трудом, но я старалась говорить как можно спокойнее, — я не понимаю, о чем вы говорите.

— Неужели? — с подозрением сощурил глаза Левшин. Смерил меня полным презрения взглядом, выждав несколько минут, очевидно, для признания. Но не получив его, цинично усмехнулся: — О нашей с вами помолвке знали только мы и его императорское высочество, наследный цесаревич. Полагаете, это он предал меня?

Понимая пока лишь то, что Николай Георгиевич снова меня в чем-то обвиняет, я постаралась дать ему еще один шанс.

— Ваше сиятельство, — и все же пришлось сделать над собой усилие, чтобы хотя бы внешне казаться спокойной, — если вы хотите продолжить разговор, вам придется объясниться.

Держать спину прямо!

Села ровнее, стараясь не показать, как мне сейчас страшно. Только пальцы предательски дрогнули, что не укрылось от внимания маркиза.

— Что-то подсказывает мне, что вы лжете. И все же, дорогая моя невеста, я сыграю с вами в эту игру, — произнес он с едким сарказмом, обманчиво расслабленно раскинувшись на подушке сиденья, после чего закончил: — С этого утра между нами не может быть никаких секретов, а потому вы должны знать: до заключения помолвки мне нужно было успеть завершить одно дело. Как свободный мужчина я имел легкую связь, способную стать после нашего с вами союза весьма обременительной, поэтому...

Горячий стыд залил мои щеки, и прежде чем Николай Георгиевич продолжил, самообладание дало трещину:

— Прошу вас, маркиз, не унижайте меня скандальными подробностями своей распутной жизни! — Я едва сдерживала гнев. — Неужели недостаточно всего того, что мне уже известно о вас?!

Господи, только не это! Если он произнесет хотя бы слово о своей любовнице, я не сдержусь! Растоптав в одно лишь утро все мои планы на будущее, он посмел похитить меня из дома деда, чтобы рассказать о внебрачной связи?!

Меня затошнило: от пережитого унижения и стыда, от нежелания принадлежать этому властному человеку и от осознания, что едва ли произошедшее можно как-то исправить. Почувствовав обиду, я демонстративно отвернулась к окну, не собираясь слушать маркиза, чем лишь рассердила его.

В одно мгновение он дернул меня за сложенные на груди руки и опрокинул на сиденье, нависнув сверху тяжелой глыбой:

— Никогда не отворачивайтесь от меня, моя дорогая!

Вблизи, когда его дыхание обжигало мое, я еще более явно чувствовала запах гари. И только теперь, когда господин Левшин оказался надо мной, я смогла заметить алые разводы под белоснежным воротником рубашки. Издевательски усмехнувшись, он приподнял мой подбородок кончиками пальцев, заставив смотреть в темный омут почти черных глаз:

— Вам интересно, что у меня под мундиром?

Задрожав от ужаса, я резко — слишком резко — замотала головой, чем по-настоящему рассмешила огненного мага. А ведь когда его лицо

не искажено гримасой гнева, он кажется совсем другим...

— Дорогая графиня, — отсмеявшись, серьезно заключил он, — если вы помните, с сегодняшнего дня я остался без женской компании, а ваш полный внимания взгляд заставляет думать о том, что свадьба непозволительно далеко.

Тяжестью своего тела он вдавил меня в мягкое сиденье кареты, скользнув ладонью к губам. Слегка тронул нижнюю, пройдя по ней легким касанием, и совершенно серьезно продолжил:

— Боюсь, если так пойдет и дальше, до театра мы не доедем.

Онемев от ужаса, я всем сердцем взмолилась, чтобы это было пустым обещанием, призванным указать мне на полную власть маркиза, в которой я оказалась. Сжавшись в его объятиях, я зажмурилась, чтобы не видеть жадного блеска его глаз. И осторожно разжала веки только тогда, когда прошло несколько минут.

Стало понятно, что его сиятельство все это время внимательно наблюдал за мной. Встретившись взглядом, он недолго колебался, словно придя к какому-то решению. Но, вскоре кивнув одному ему известным мыслям, разом выпустил меня из объятий и позволил вновь занять прежнее место напротив него, после чего продолжил:

— Так вам интересно, что случилось дальше?

Едва дыша от пережитого волнения, я побоялась вновь отвести взгляд от господина Левшина и снова спровоцировать волну негодования. Пришлось согласно кивнуть.

— Что ж... — Маркиз в очередной раз сменил выражение лица и теперь глядел испытующе: — На меня напали. Прямо в доме Марии.

Еще не понимая, о чем говорит Николай Георгиевич, я смогла вычленить лишь одно: та девушка из министерства, его секретарь, ее звали так же... Это не могло быть простым совпадением. Значит, я не ошиблась и она действительно принадлежала огненному магу... по крайней мере, до нынешнего вечера.

В душе разлилось неприятное ощущение сродни...

— Вы ревнуете! — Смеющийся голос министра вернул меня к действительности. — Прошу вас, графиня, не стоит. В конце концов, уже спустя всего неделю мы будем полностью принадлежать друг другу. Конечно, если вы не против, можно допустить некоторые вольности и раньше. Нет? Что ж, как скажете.

Он сделал небольшую паузу, снова окинув меня испытующим взглядом, и спустя несколько минут вернулся к разговору:

— Впрочем, нашим матримониальным планам могут помешать непредвиденные обстоятельства, такие, как, скажем, ваше личное участие в измене короне. Снова нет? Тогда, может, наконец объясните, как Щукины узнали о помолвке?!

Не понимая уже ровным счетом ничего и едва держа себя в руках, я постаралась сосредоточиться на мерном покачивании кареты и про себя взмолилась, чтобы мы поскорее прибыли в театр. Но маркиз по-прежнему ждал ответа, и, боясь рассердить его еще сильнее, я позволила себе жалкую попытку его переубедить:

— Я весь день провела в доме деда. О помолвке знали только мы.

— Правда? — Его сиятельство недоверчиво сощурил глаза. — Выходит очень интересно, потому как с моей стороны о помолвке знали лишь я и цесаревич. Полагаете, я должен проверить его высочество?

Это уже было выше моих сил. Беспочвенные обвинения, явное пренебрежение моими чувствами и постоянные угрозы... Нет, я больше не желала мириться с подобным.

— Я ничего не полагаю на этот счет, господин Левшин. Если вам интересно мое мнение, я с радостью откажусь от предстоящей свадьбы и от сомнительной чести стать вашей супругой в пользу снятия с вас всяческого позора относительно моего участия в измене империи! Я предпочла бы даже монастырь...

Договорить мне не дали, снова подхватив на руки. Ноздри маркиза резко расширились, а на щеках снова заиграли желваки. Одним точным движением он усадил меня к себе на колени, подняв белоснежную юбку так высоко, что стала видна упругая лента шелковых чулок. Скользнув ладонью вниз живота, он уверенно отвел тончайшую ткань, в следующий миг заставив меня вскрикнуть от неожиданности:

— Нет! Прошу вас!

Его сиятельство прижал меня к себе настолько плотно, что я едва могла дышать. Но и его дыхание сбивалось раз за разом, и, видимо, от этого начала кружиться голова. Я с мольбой смотрела ему в глаза, удерживая клочок крошечного пространства между нами, когда маркиз все же не сдержался.

Склонившись, он впился горячими губами мне в губы, мгновенно сломав последнее сопротивление. Вторгнувшись влажным поцелуем в мой рот, он стал дерзко сметать на своем пути любые протесты, пока я не почувствовала, что головокружение берет верх.

Его ладонь внизу живота осторожно задвигалась, заставив меня резко свести бедра. Но и этот отпор маркиз быстро прервал. Совсем скоро — от пережитого беспокойства, от новых ощущений, разгоравшихся где-то глубоко внутри, — мое сопротивление ослабло.

Мир вокруг перестал существовать, оставив лишь волнительное чувство. Маркиз же, уловив мою покорность, тоже стал другим. Его поцелуй превратился в нежное касание губ, позволившее мне насладиться новым переживанием.

Я забыла о стыде. Да и стоило ли думать о нем, когда шанса мне все равно не оставили?

Обвив руками шею того, кто всего через неделю должен стать моим мужем, подалась вперед, тут же расслышав гортанный стон огненного мага. Кажется, мир задвигался вместе с его рукой, в один миг взорвавшись тысячей ярких вспышек.

И лишь когда губы Николая Георгиевича оторвались от моих, я в полной мере осознала, что произошло. Испытав редкое унижение, попыталась отстраниться. И не смогла сдержать слез:

— Как вы посмели...

Давясь словами, я не понимала, как смогу теперь прибыть в театр, где у всех на виду буду подобна той женщине, которая досталась огненному магу еще до брака. Уронив голову в ладони, я больше не обращала внимания на слова маркиза, пытавшегося успокоить меня. День казался окончательно испорченным, пока не раздался его приказ:

— Домой на Парковую!

Господи, только не это! Если господину Левшину не удалось сдержаться в карете, посреди шумной вереницы таких же экипажей, то в пустом доме его не сдержит ничто. Я должна что-то придумать, чтобы разорвать этот порочный круг, иначе уже через полчаса он не оставит ни малейшей надежды на спасение.

Понимая, что мой план все еще слаб и местами очень сыр, я все же рассчитывала, что смогу выполнить все ровно так, как задумала. Ведь если у меня получится, уже завтра Староросская империя

останется позади, и даже родовой перстень чиновника кабинета его императорского высочества не поможет отыскать меня.

Напрочь забыв о гордости, я постаралась убедить Николая Георгиевича вернуть меня в дом деда:

— Прошу вас! — После пережитого унижения горло сковало и слова давались с трудом, но я ясно отдавала себе отчет в том, что этим вечером мне либо удастся выбраться из стальных тисков жестокого боевого мага, либо я до конца своих дней буду принадлежать ему в качестве обычной игрушки, ничего для него не значащей и неспособной отстоять свое слово. А ведь нужно всего лишь забыть о страхе, поставив на кон абсолютно все. — Прошу, маркиз! Позвольте мне вернуться домой. Я слишком... смущена.

Лгать меня не учили никогда, а в детстве отец строго относился к любым моим даже самым незначительным проделкам, в которых сквозила хотя бы капля лжи. Но восемь лет в девичьем пансионе сыграли свою роль, и я как можно более правдиво попросила:

— Позвольте мне провести этот вечер дома — я сильно устала, и мое платье теперь измято. Сегодня я не смогу стать вам достойной спутницей, о которой в обществе отзовутся благожелательно, так стоит ли давать повод для сплетен злым языкам?

Я низко склонила голову, опустив глаза на парадный мундир его светлости, втайне надеясь, что тот не заметит сумасшедшего блеска в моих глазах. Выровняла дыхание, постаравшись выглядеть как можно более покорной.

И маркиз сдался. Постучал по стене кареты, отдавая новый приказ:

— В дом герцога Соколова!

Волна внезапной радости затопила меня. Боясь выдать себя хотя бы жестом, я постаралась сидеть на коленях огненного мага смиренно, хоть это и стоило мне невероятных усилий. Еще с десятков минут с ненавистным господином Левшиным — и уже завтра я навсегда покину границы империи, а на деньги отца передо мной откроются все дороги мира.

Доехали в молчании. Николай Георгиевич все же позволил мне занять прежнее место, раздраженно глядя в окно и даже не пытаясь как-то сгладить неловкую ситуацию, а я... считала секунды до прощания.

Когда карета остановилась у широкого подъезда, отделанного белым мрамором, маркиз как ни в чем не бывало подал руку, сопроводив меня в дом деда. Раздался громкий стук увесистого железного молотка, и лишь тогда я позволила себе ожить. Дверь открылась почти мгновенно, пропустив растерянного дворецкого, и я постаралась произнести как можно более ровно:

— Не нужно оповещать его светлость о моем приезде, Олег, я сама справлюсь. Герцог у себя?

Получив в ответ кивок, развернулась к Николаю Георгиевичу, протянув ему на прощанье руку:

— Благодарю вас за понимание, господин Левшин. — Голос едва заметно дрогнул, но я заставила себя собраться. — С вашего позволения я сама поясню его светлости причины столь скорого возвращения, чтобы не доставлять вам лишних неудобств. Доброй ночи!

Маркиз задержал мою ладонь. Пристально взгляделся в лицо, словно догадываясь о дерзких планах. Однако именно в тот момент, когда мне показалось, что он уже не отпустит меня, Николай Георгиевич склонился над моей рукой, затянутой в белоснежную перчатку. Коснулся губами тонкой ткани и с сожалением произнес:

— Я не хотел вас напугать, Ольга. Надеюсь, вы сможете простить меня.

Я отшатнулась. Простить такое?! Никогда! Но только маркиз не должен ни о чем догадаться, и поэтому я примирительно сказала:

— Нам всем нужно отдохнуть. До завтра!

Быстро развернувшись, торопливо прошла в кабинет деда, чтобы, успокоив его, дожидаться ночи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой случается неудачная кража, закljučается скандальное пари и находится подвенечное платье

*Непозволительное в одном случае будет
прилично в другом...*

*Жизнь в свете, дома и при дворе.
Петергоф, 1890 г.*

Поздней ночью особняк отца на Приморской улице казался необитаемым. Похожий на неприступную громаду боевого корабля, он был закрыт от всех вычурными коваными решетками и деревянными ставнями, так что даже новомодная плитка, устилавшая узкую дорожку к нему, не придавала его облику дружелюбности.

Как назло, с первыми сумерками начался небольшой дождик — едва способный превратиться в настоящий весенний ливень, но готовый доставить множество неудобств случайному путнику, заблудившемуся на окраине Петергофа.

Оставив наемную карету у самой мостовой, я на всякий случай заранее хорошенько заплатила ямщику: не хотелось в самый ответственный момент узнать, что он трусливо сбежал, бросив меня посреди широкой мостовой.

Мне пришлось поплотнее укутаться в темно-синий утепленный плащ, чтобы не промокнуть, и возблагодарить небеса за то, что чувство самосохранения заставило меня сменить перед выходом легкие туфельки на повседневный, но очень удобный вариант.

Налетевший внезапно порыв ветра заставил съежиться. Остановиться, прислушиваясь к звукам, доносившимся из порта, и снова обратить внимание на дом. Если пробраться через черный вход, на замке которого тоже вырезана кайма для родового перстня, можно успеть. В конце концов, мне и нужно всего ничего — лишь то, что

хранится в старом тайнике, который мы еще с матерью оставили за вычурной решеткой камина.

А ведь за вечер я все просчитала. Понимая, что времени после открытия замка останется немного — около получаса, до того как на тревожную сирену откликнутся из министерства, — я думала, что управлюсь всего минут за пятнадцать. Еще пять на то, чтобы добраться до порта, где с легкостью можно затеряться среди крошечных судов, проворно отбывающих от пристани едва ли не каждый час, — благо отцовский особняк стоял почти у самой воды.

С деньгами можно сделать многое, главное, чтобы все получилось.

Сглотнув, я сделала первый шаг. Ощутила, как в животе предупреждающе свернулся ком страха, и, позволив себе пренебречь этим чувством, скоро миновала ровное полотно идеально подогнанных друг к другу плит. Бесшумно ступила на влажную от дождя траву, за дни отсутствия хозяина дома требующую руки садовника, и тут же холодные капли замочили ткань чулок и шерстяного платья.

Идти стало сложнее. Мокрая материя то и дело липла к ногам, заставляя шаг становиться мельче, а время — бежать быстрее. Нет, все же когда стану выбираться из особняка, нужно будет поднять юбки выше — конечно, до допустимого уровня.

Трава под ногами влажно шелестела, ложась под туфли с неохотой, но уже спустя пару минут я стояла у старой кухонной двери. Странно: с моего последнего пребывания в доме она ничуть не изменилась и по-прежнему нуждалась в ремонте. Вот здесь бы добавить чуть больше краски, покрыть защитным лаком драгоценный материал, чтобы прогнать жирных жуков-древоточцев, поменять расшатанную крепкой ладонью кухарки ручку...

Коснувшись разошедшегося дерева, которое отец отчего-то не захотел менять с годами, я уложила родовой перстень ровно в паз замка и неслышно отперла дверь.

С замиранием сердца толкнула ее, прислушавшись: было страшно, что столь нерадивый хозяин забыл и о старых петлях и сейчас раздастся громкий скрип. Только те, бесшумно скользнув, покорно пропустили меня внутрь.

В доме жила тишина. Терпко пахло специями и едва заметно — чем-то из продуктов, слегка испорченных за прошедший после

исчезновения отца срок. Я запоздало подумала о том, что кухарка, верно, не стала сносить приготовленное в ледник, дожидаясь возвращения хозяина. А ведь ее, похоже, не пускали в дом уже с полнедели...

Проглотив горький ком, скользнула пальцами по широкой дубовой столешнице, кое-где хранившей следы мучной посыпки для пирогов и уже слегка покрывшейся пылью. Шустро миновала чистое пространство просторной кухни, за которым открылся широкий холл. Отсюда в гостиную было всего шагов двадцать — это помнилось из детства. Но сейчас, по истечении восьми лет, дом казался в разы меньше, скромнее, и шаги получались крупнее.

«Четырнадцать», — пронеслось в голове.

А вот гостиная оказалась почти такой же, как и в мой последний визит. Уютной и милой, с невысокими креслами у самого очага, в которых любили сидеть родители перед сном. Кажется, я, будучи совсем крохой, забиралась к матери на колени. Ластилась к бархатистой коже, упиваясь ощущением тепла и счастья, и засыпала тут же. А в детскую попадала уже на руках отца. Вот бы заглянуть туда хотя бы на минутку! Но я обрываю себя: нельзя, не сейчас, Ольга!

Заставляю ноги быстро двигаться к камину.

Старый очаг все тот же. Что видом, что выемками, за которые нужно заглянуть, чтобы нажать на холодный камень. Тайник этот заговаривался самими Третьяковыми по просьбе отца, а они умели говорить с каменной твердыней.

Я знала, что на мое прикосновение он откликнется мгновенно — все же приказ от самих герцогов. Только все равно не смогла сдержать удивленного возгласа, снова разглядев почти забытую магию из детства: повинувшись невысказанной просьбе, старый каменный мешок раскрыл передо мной свое нутро.

Достав увесистый кошелек, я с радостью прижала его к груди, облегченно подумав, что половина плана уже удалась. И тут снова живот свело необъяснимым чувством страха. Предчувствие? А ведь в стенах девичьего пансиона я от души высмеивала тех, кто верил в это. Так неужели события последних дней настолько расслабили мой разум, что я позволила подобное себе?

Обернувшись, не увидела ничего странного. Все та же гостиная — пустая и бездушная, глухая в ночной тишине. Однако что-то все же

не так, потому как камин должен быть холоден и сер, а в нем разгорается яркая искра... тотчас превратившаяся в столп яркого пламени!

Пришлось сделать шаг назад, чтобы не обожгло ресницы, и плотно сомкнуть глаза...

— Добрый вечер, графиня! — с ужасом расслышала я.

Этот жесткий, едкий голос не сравнится ни с чем, будучи узнанным мною во сне и наяву. Что же делать? Бежать?! Только я не успею сделать и десятка шагов, как маркиз настигнет меня, и тогда будет гораздо хуже!

Вспомнив, что произошло в карете, ощутила, как руки предательски задрожали, уже в следующее мгновение выронив то, ради чего я так необдуманно рискнула своей судьбой.

Ветхая от времени ткань с громким звуком треснула, и золотые монеты звонко заплясали по старым лакированным половицам. Растерявшись, я опустилась на колени, чтобы унять бегство своих сокровищ, и тут же расслышала приближающиеся шаги.

Господин Левшин остановился перед самым моим лицом, позволив заметить, как в свете зажигающихся вечерних огней в фонарях набережной ярко блестят его идеально начищенные ботинки. Возвышаясь надо мной, чиновник кабинета его императорского высочества прошипел:

— Знаете, графиня, а я ведь сегодня впервые поверил, что вы невиновны!

Подняла полные удивления глаза на его сиятельство, настороженно спросив:

— Почему?

— Вы совсем не умеете лгать, — холодно пояснил он. — Там, в карете, после всего случившегося я ожидал вашей истерики, справедливых обвинений в хамстве и бестактности. На какой-то момент даже показалось, что вы готовы ударить меня или выпрыгнуть из экипажа на полном ходу. Но вы... вы, дорогая моя невеста, сдержанно попросили отвезти вас домой. Забавно, не находите?

Маркиз раздраженно пожал плечами, продолжив обманчиво-спокойным голосом:

— Если бы вы знали, юная Ольга, чего мне стоило сдержаться и подождать эти несколько часов! — Он снова начинал раздражаться, и

его лицо даже в темноте полупустой комнаты казалось мрачнее тучи.

С каждой минутой гнев маркиза становился все необузданней, пока он рывком не поставил меня на ноги, заставив от неожиданности разжать ладони и выронить все собранные монеты. Зло усмехнулся, увидев, с каким сожалением я гляжу на небольшие пяточки золота, лежащие у меня под ногами, после чего решил окончательно раздавить меня:

— Не желаете оправдаться?!

Не ощущая собственного тела от всеобъемлющего ужаса, я запрокинула голову, покачав ею в знак отрицания, и затем расслышала не менее унижительное:

— Похоже, золотая лихорадка сразила не только Зайцевых!

Его слова прозвучали как пощечина, и мне не осталось ничего другого, как ответить тем же. Звонкий шлепок разорвал гнетущую тишину гостиной, и, не дожидаясь, пока огненный маг как-то ответит мне, я яростно заговорила:

— Я пришла в дом своего отца лишь затем, чтобы взять то, что полагалось мне с самого рождения! Эти деньги не ваши и не принадлежат короне, и я в своем праве забрать их, чтобы...

— Чтобы — что? — поинтересовался маркиз, настойчиво сжимая мои запястья. Он с силой встряхнул меня, сбив дыхание, и безапелляционно приказал: — Ну же, моя дорогая, признавайтесь! Вы все-таки решились на побег, о котором меня так настойчиво предупреждала госпожа Полякова. Все же старые привычки не изменить...

Я почувствовала, как бледнею, и тщетно попыталась сморгнуть выступившие на глазах слезы. Но несколько горячих капель, ловко сорвавшись с ресниц, попали на ладони господина Левшина, поспешившего уничижительно рывкнуть:

— Не реветь!

Наверное, это и стало точкой кипения. Осознавая, что проиграю начатое сражение, я с силой опустила широкий каблук дорожных туфель на идеальную гладкость кожаной обуви маркиза, и, уловив момент, когда его руки разжались, бросилась бегом к выходу, швыряя позади себя всю легкую мебель, до которой только могла дотянуться.

По усиливающейся ругани догадалась: кое-что из отправленного навстречу его сиятельству нашло своего адресата, и, обнадеженная, я с

разбега выскочила под плотную стену дождя.

Слава богу! Понимая, что вода совсем не родственна огню, от всей души обрадовалась благоприятному знаку. И даже успела пробежать через гладко вымощенную дорожку к широкому полотну мостовой.

Расслышала позади себя гулкое эхо мужских шагов и, обернувшись на мгновение, увидела искаженное бешенством лицо огненного мага. А ведь для решительности большего мне и не требовалось.

Я опрометчиво сделала шаг в направлении дороги, запоздало осознав, что всего в метре от меня раздался гулкий топот копыт. Испуганное ржание лошадей заглушило окрик господина Левшина, и я крепко зажмурилась, ощутив, как жар дикого пламени обдаёт меня со всех сторон...

В бирюзовую спальню маркиз внес меня на руках — под удивленные взгляды дворецкого и высунувшейся из бокового коридора кухарки. Нарочито бережно снял тёплый плащ, пододвинув ко мне одно из кресел, стоявших у стола, и убрал прядь мокрых от дождя и слез волос. Провел кончиками пальцев по щеке, глядя прямо в глаза, и с глухим раздражением произнес:

— Понимаете ли вы, что на сей раз я мог не успеть?

Сдерживаемый им гнев ощущался во всем: в напряженной позе, в слишком частом дыхании и в сжатых кулаках. Но Николай Георгиевич старался говорить спокойно. А вот мне, всего минуту назад висевшей на волосок от гибели, спокойствие казалось непозволительной роскошью.

— Идите ко всем чертям, маркиз!

Отшатнувшись от впервые обозначившейся в моем голосе ярости — живой, яркой и бурляще-горячей, господин Левшин нехотя признал:

— Вынужден согласиться, что сегодня в карете я перешел черту. — Глубоко вздохнул, откашлялся и с явным трудом произнес: — Еще раз прошу у вас прощения за свою несдержанность. Но повторюсь: вам незачем бежать от меня, графиня. Поверьте, я — ваша единственная защита.

Единственная защита? Он, похоже, напрочь забыл, что мой дед — не кто иной, как герцог Соколов, и многое в империи по-прежнему

оставалось в его власти.

Встав с предложенного кресла, я быстро прошла к двери, чтобы хоть как-то увеличить расстояние между мной и ненавистным маркизом. Внутри klokотал гнев — дикий, необузданный, готовый вот-вот вырваться на свободу. И несмотря на то, что умом я понимала: наиболее верным поступком сейчас было бы принять извинения господина Левшина, потому как даже это казалось избытком щедрости, пережитое унижение вперемешку со стыдом взяло верх.

— Значит, вы полагаете, что лишь сегодня перешли черту, ваше сиятельство?! — После рыданий голос охрип и звучал немного простуженно.

С каждым шагом я все сильнее запутывалась в мокрых юбках, отчего пришлось со злостью несколько раз их одернуть и с чувством произнести:

— Тогда позвольте напомнить вам о двух предыдущих днях! Вы тайне забрали меня из пансиона без позволения единственного опекуна, тут же обвинив в заговоре против короны и не проявив ни капли сочувствия к потере отца! — Слова выходили грубыми и злыми, и я бы себе таких не позволила никогда, если бы мое самолюбие не оказалось столь жестоко задето. — Заставили опознавать труп лжеотца среди ночи, но, наткнувшись на непредвиденные обстоятельства, не перепоручили в руки деда, как того требовала ситуация, а поселили в своем родовом особняке без присутствия дуэньи... и даже поставили меня в настолько стесненные условия, что я была просто вынуждена согласиться на вашу помощь в утреннем туалете!

Я едва переводила дух от негодования, только список всего того, что позволил себе маркиз, был бы неполным без:

— Но даже тогда я не думала о вас дурно, министр, списывая все на изменения в характере, приобретенные с долгом службы, пока... пока вы не поставили меня перед фактом горькой неизбежности нашей свадьбы. И когда я почти смирилась с этим, снова обвинили в измене, видимо, из мести сотворив в карете такое, о чем даже подумать стыдно! — Немного отдышалась, закончив самым острым: — Знайте, господин Левшин: вы переходили черту не единожды, но именно сегодня вечером мне стало ясно одно: я ненавижу вас! Всем сердцем!

Закончив гневную тираду, смело взглянула в лицо своему обидчику. Боялась ли немедленного ответа? Уже нет, потому что

худшего в моем представлении просто не существовало.

И все же маркиз удивил меня.

На мгновение стало так тихо, что мне показалось, будто огненный маг умеет заговаривать само время. Лицо его разом превратилось в непроницаемую маску, выдавая внутреннюю борьбу лишь диким блеском почти черных глаз.

Я видела, как его пальцы, до того расслабленно покоившиеся на дереве подоконника, слегка дрогнули, однако господин Левшин сдержался. Снова развернулся ко мне всем телом, словно бы выражая готовность принять любые оскорбления, и оперся плечом об оконный откос.

Если бы не этот жест, я бы, может, остановилась, но теперь...

— За три прошедших дня я сумела разглядеть в вас, маркиз, личность смелую и решительную, с чувством глубокого достоинства. И потому верю, что вы не захотите провести остаток жизни рядом с женщиной, для которой ваши прикосновения — худшее испытание. Прошу вас, отпустите меня. Вы правы, я не замешана в измене и готова поставить на кон свое будущее в империи за призрачную возможность исчезнуть навсегда. Скажите, что я погибла под колесами коляски, пытаюсь избежать погони, после того как своровала золото из дома отца. О тайнике никому не известно, ведь даже после обыска он остался на месте. Я ничего не прошу у вас, ваше сиятельство! Я лишь заберу то, что полагалось мне с самого начала!

По позе господина Левшина было невозможно понять, какие эмоции вспыхивают в нем после моих слов, и я искренне надеялась, что он прислушается к ущемленному самолюбию и голосу разума.

— Спустя непродолжительный срок ваша жизнь станет прежней, а мой дед свыкнется с утратой. Скандал забудется, и вы сможете найти новую избранницу, не навязанную ни долгом, ни сомнительными соображениями о девичьей чести. Мне же хватит отложенного, чтобы добраться до Италийских земель, а там — Алеша, он поможет. Мы с ним давно дружны...

Выпалив свой тайный план, я потерянно задохнулась, ожидая мгновенной реакции ярости его сиятельства. Пощечины, грубого выговора, а может, и того хуже. В конце концов, в настоящий момент я даже не была уверена, что маркиз оставит меня в живых, ведь весь тот

гнев, который я имела честь видеть прежде, не мог идти ни в какое сравнение с его оскорбленной гордостью!

Спрятав пальцы в шерстяные складки платья, я не отвела взгляда от Николая Георгиевича, чтобы не показать, как мне страшно. Лишь сосредоточилась на дыхании, как прежде...

Вдох — выдох...

Вдох — выдох...

Вдох — выдох...

Целую вечность мы смотрели друг на друга, и между нами происходило столько борьбы, сколько не могли озвучить никакие слова. Наконец господин Левшин первым нарушил тягостное молчание, подойдя ко мне вплотную.

Осторожно, словно боясь спугнуть, он уперся ладонью в дверной косяк и, слегка коснувшись ледяными пальцами разгоряченной кожи на моем плече, хрипло прошептал:

— Вы правы, госпожа Ершова... — Слова давались маркизу с огромным трудом, и мне не верилось, что я слышу их от его сиятельства. — Правы каждым словом.

Он глубоко вздохнул, опалив горячим дыханием мою шею. Кожа мгновенно отреагировала на этот жест, и я вздрогнула, ощутив, как по ней пробежал целый рой крошечных мурашек. В памяти всплыли касания огненного мага — и мне вдруг стало жарко. Я задышала чаще, что не могло укрыться от господина Левшина.

Попытавшись отстраниться, я тут же попала в ловушку из расставленных по обе стороны рук, после чего огненный маг терпеливо пояснил:

— Но поверьте, как только вы останетесь одна, без моей защиты, вы не проживете и дня. И ваша смерть станет такой же бессмысленной, как и вереница других смертей аристократов из высоких родов Старороссии. Думаете, ваш дед заслуживает такого потрясения? Бросьте, Ольга! Понимаю, что после всего случившегося я стал вам противен, но поверьте, это не повод, чтобы так глупо погибать!

Он замолчал, снова приведя дыхание в норму, и, поколебавшись, закончил:

— Боюсь, исправить содеянное в одиночку мне не удастся, но вы можете в этом помочь. Что скажете?

Я больше не верила Николаю Георгиевичу. Ни его сожалению, ни сочувствию, ни признанию ошибок. Передо мной вновь стоял чиновник кабинета его императорского высочества, рядом с которым постоянно ощущалась тревога. Сильный, властный, невероятно жестокий даже в том, чтобы не проявить открыто гнев и позволить зерну надежды зародиться в моей душе. Но, похоже, господин Левшин не желал сдаваться:

— Я предлагаю вам пари, Ольга. — Он поднял на меня заинтересованный взгляд, снова коснувшись пальцами подбородка. — Я отдам вам целое состояние и самолично помогу исчезнуть навсегда из империи, если завтра в полдень вы согласитесь стать моей супругой.

— Нет! — тут же выпалила я. Мне было невыносимо даже представить себе, что последняя неделя моей свободы закончится вот так быстро и нелепо — всего из-за одной ошибки. И то, что случилось между нами в карете... Одна только мысль о том, что уже завтра к концу дня я должна буду войти в спальню маркиза как его жена, заставила меня густо покраснеть. — Ни за что!

Но его сиятельство, похоже, не привык так быстро сдаваться. Позволив себе более расслабленную позу, он опустил одну руку, словно показывая этим, что у меня есть выбор. Хотя в глубине души я уже ощущала, как удавка предложенного соглашения затягивается вокруг шеи, лишая меня спасительного кислорода.

— Брак заключим самый обычный, без высокородного договора, и разорвать его можно будет в любое время по требованию одного из супругов.

— Ни за что! — снова повторила я, но на этот раз голос дрогнул, а маркиз удовлетворенно кивнул.

— Вы не дослушали моих условий, — упрекнул меня Николай Георгиевич. — Я прошу у вас всего семь дней, ровно до петергофского бала. По сути, это не такая уж и большая цена за свободу. Если по истечении этого срока мне не удастся найти изменников, а вы убедитесь в том, что хотите исчезнуть, я отпущу вас, взяв всю ответственность на себя. Миллион ассигнациями — весьма щедрый взнос в вашу самостоятельную жизнь, не находите?

В голосе маркиза различались едкая ирония и нескрываемый скептицизм, немного приводившие ситуацию в норму. Ведь, в конце

концов, услышь я обычное предложение о браке от его сиятельства, могла бы подумать, что тронулась головой. Только... сделка?

И все же даже договор с самим дьяволом не мог идти ни в какое сравнение с переговорами о предстоящей свадьбе с господином Левшиным.

Онемев от жуткой перспективы принадлежать ненавистному маркизу не только согласно подписанному утром договору, но и уже завтра — в спальне, я всем своим существом постаралась сконцентрироваться на робкой надежде, забрезжившей впереди:

— Но по истечении указанного срока вам придется отвечать за расторжение соглашения о высокородном союзе!

Огненный маг позволил себе осторожную улыбку:

— Не беспокойтесь обо мне, дорогая графиня, я справлюсь. — Николай Георгиевич горько усмехнулся. — Урегулирование важных дел — то, что удастся мне на самом высоком уровне.

Предложение его сиятельства казалось весьма щедрым, и все же...

— Я больше не верю вам, маркиз! Вы снова обманете меня, коварно используя для одному вам известных целей!

Господин Левшин на миг дрогнул, как если бы я дала ему пощечину, и мне внезапно стало совестно за произнесенные слова. Ощувив, что на этот раз задела маркиза слишком сильно, я виновато опустила глаза, едва поверив в то, что услышала:

— У меня, конечно, нет сердца, госпожа Ершова, но все же понятие чести для моего рода по-прежнему свято. Я клянусь вам кровью Левшиных! Вы готовы принять вызов?

Все внутри меня ликовало от такой близкой победы, но тем не менее я решила уточнить:

— Наверняка у вас есть ответное требование. Вряд ли моя свобода стоит всего лишь жалкой недели едва устраивающего вас брака...

Огненный маг улыбнулся, впервые за прошедшее время — без издевки или сарказма:

— А вы и вправду умны, графиня. — Улыбка стала чуть шире. — Условие есть, и даже два. — Короткая пауза, словно бы министр решался, стоит ли говорить: — Первое — вы обещаете приложить все

усилия, чтобы стать мне хорошей женой... Погодите, не отказывайтесь!

Набрав в легкие побольше воздуха, он уверенно закончил:

— И второе — вы должны будете помочь мне раскрыть заговор против короны.

Наступила моя очередь удивляться:

— Заговор?! Я?!

— Вы, моя дорогая графиня, — подтвердил маг. — Потому как тот, кто продумал обстоятельства измены, не включил вас, юную воспитанницу девичьего пансиона, в общий расклад. А ваш отец не зря беспокоился о вашей сохранности, стараясь уберечь от попыток воспользоваться редчайшим даром среди высоких родов.

— И все же я не понимаю...

Господин Левшин на миг замер, а потом очень серьезно пояснил:

— Знаете, Ольга, боюсь, у всей Староросской империи осталась лишь одна неделя. — Маркиз отстранился, мгновенно позволив ощутить волну ночной прохлады.

Поежившись, я проследила, как он неторопливо подошел к окну. В серебристом сиянии растущей луны его профиль был исполнен небывалой силы, но я кожей ощущала: Николай Георгиевич смертельно устал. Словно в подтверждение моих мыслей, он с сожалением произнес:

— Я помогу вам разбудить то, что так давно спало, и это станет для изменников...

— Приманкой!

— Вы правы — приманкой. Но я обещаю: с вами ничего не случится. Ни сейчас, ни тогда, когда — или если — вы исчезнете. Я беру на себя полную ответственность за вашу безопасность.

В течение разговора я начинала понемногу привыкать к неизбежной капитуляции доводов рассудка и важности выполнения своей части сделки, а явная выгода заставляла сомнения притаиться... по крайней мере, до завтра. Вот только была еще одна деталь, без которой осуществление договора могло оказаться под угрозой...

— У меня нет платья, — смущенно произнесла я. — И, боюсь, так быстро его не сошьют ни в одном салоне империи. А ведь свадьба — уже завтра! — Я сделала последнюю попытку оставить за собой свободу.

Но и ее маркиз разбил вдребезги. Он пристально меня оглядел, словно стараясь убедиться, действительно ли я согласна, и только после этого предложил:

— Вы можете воспользоваться платьем моей матушки, если пожелаете. Оно всегда казалось мне на редкость изящным. Думаю, вам пойдет.

Дождавшись моего кивка, он подытожил:

— Что ж, тогда я пришлю его в особняк герцога Соколова завтра утром.

И мне не осталось ничего иного, как ответить:

— Я должна вернуться к своему деду, чтобы, как и полагается невесте, провести последнюю ночь дома.

Маркиз замер. Отошел от окна, бесшумно ступая по мягкому ковру, и, подойдя вплотную, внимательно взгляделся в глаза. Снова ощутив запах его парфюма, я втайне обрадовалась, что на этот раз гарь уже почти неощутима. Видимо, почувствовав мое облегчение, господин Левшин согласно склонил голову, взяв с меня напоследок обещание:

— Доставлю вас туда немедленно при одном условии: эту ночь вы действительно проведете в своей комнате.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой высокородный дар просыпается в самый неподходящий момент, а в первую брачную ночь происходит совсем не то, что должно

Есть чувства, которые поднимают нас от земли.

И. С. Тургенев. Ася

Утро моей свадьбы выдалось солнечным и по-весеннему теплым, отчего даже в золотой гостиной не стали жечь огонь.

Сонная горничная, привычная к раннему подъему, присела в низком реверансе, раскрыв портьеры сливочного цвета. Слепяще-яркие лучи тут же по-хозяйски ворвались в спальню, залив ее золотистым сиянием, что заставило прислугу недовольно сморщить покрытый веснушками нос. А ведь она еще втайне надеется отдохнуть, пока весь дом спит.

Я стремительно села в кровати. Может быть, сбежать?! Прямо сейчас, пока старый особняк охвачен ленивой дремотой и деспотичный маркиз не ожидает вероломного предательства? Захватить из блестящих салонов деда несколько увесистых статуэток и постараться как можно выгоднее продать их морякам. Исчезнуть... это ведь мой последний шанс!

Но в уме тут же отрезвляюще прозвучали жестокие слова огненного мага: «Поверьте, как только вы останетесь одна, без моей защиты, вы не проживете и дня». Вспомнился оглушительный грохот копыт и ошеломляющее чувство суровой неизбежности... палящий жар огня, смешанный с болью крепких мужских объятий... и почему-то такой знакомый запах...

Прогнав опасные мысли, я отпустила сонную девушку, снова откинувшись на подушки и позволив себе в последний раз насладиться

звуками спящего дома, в котором каждый шорох был знаком с детства.

С кухни доносились приглушенные голоса — это госпожа Лобанова доставала готовую опару для ржаного хлеба. Стоит подождать совсем немного — и по бесконечно длинным коридорам разнесется теплый запах утренней выпечки, вслед за которым потянутся ароматы терпких трав...

Ощувив легкий голод, я вспомнила, что ничего не ела со вчерашнего вечера. Ужин пришлось пропустить из-за неудавшейся поездки в театр, после которой сил на еду не осталось совсем. Да и ночь выдалась нелегкой... а ведь виной всему — маркиз.

Воспоминания о недавнем приключении участили дыхание. Щеки обожгло румянцем, горячими пятнами покрывшим едва ли не половину лица. Стало жарко от мыслей о произошедшем в карете, об огненном портале, спасшем меня от гибели. И о руках его сиятельства по обе стороны моего тела.

Воздуха едва хватало, и, ступив босыми ногами на прохладное дерево пола, я шустро пробежала к окну. Раскрыла его настежь, позволив утреннему ветру пробраться сквозь легкий тюль. Съежилась от свежего дуновения, тут же прошмыгнув назад под одеяло.

Сквозь открытые ставни в спальню ворвался веселый лай своры собак, горячо любимых дедом, и я про себя огорчилась, что уже завтра не смогу услышать их. Интересно, как звучит дом господина Левшина, когда он полон жизни?

Натянув одеяло до самого подбородка, почти сразу же расслышала сердитые шаги герцога Соколова, вслед за которыми с глухим скрипом распахнулась дверь.

— Как это понимать, Ольга?!

Несмотря на столь ранний подъем, дед, как всегда, был безупречно одет, причесан и уже благоухал древесным парфюмом. Но бурное негодование, сквозившее в каждом слове и впервые проявленное по отношению ко мне, заставило испуганно съежиться под одеялом — жест, конечно, детский, потому как одеяло вряд ли могло помочь против недовольства герцога. Так что же я натворила?

— Внизу ожидает маркиз, который не далее как сегодня утром самолично доставил в мой особняк подвенечное платье своей матушки для церемонии бракосочетания. Вашего бракосочетания, Ольга! Того, которое, согласно высокородному договору, должно состояться еще

через неделю! И на все мои попытки хоть как-то его образумить он отвечал, что ждет тебя!

Подскочив на месте, я потянулась за халатом, чтобы тут же пробежать к сонетке. Похоже, сонной прислуге больше не удастся отдохнуть...

На создание идеального туалета и прически у горничной ушло не меньше двух часов, на протяжении которых я ежеминутно пыталась успокоить деда. И тем не менее он остался при своем:

— Не знаю, что ты натворила, Ольга, но все это дурно!

Почти согласившись с ним, я вспомнила об обещанной Николаем Георгиевичем награде, постаравшись не показать своей радости. Дед не должен ни о чем догадаться, иначе мой план снова провалится, и жертва, которую придется принести уже этим полуднем, пойдет прахом.

Довольно взглянув на себя в зеркало, я на миг прикрыла веки, чтобы хоть как-то унять бушующее в груди волнение. Сердце гулко колотилось под тонкой тканью восхитительного белоснежного платья — подарка его сиятельства. Гудящая в висках кровь с каждым ударом рождала волну головокружения, и спустя несколько минут я поняла, что меня мутит.

Уложив ладони роверх шумной пульсации, предприняла тщетную попытку хотя бы ненадолго успокоиться. Но, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Неужели всего через пару часов салонные голоса разнесут последние новости о нашей свадьбе по всей Старороссии?

Семь дней, Ольга! Всего семь дней!

Маркиз ждал меня у лестницы, выражая взглядом одно лишь спокойствие. Втайне позавидовала его выдержке: обладай я хоть каплей ее, могла бы унять противное ощущение невесомости, заставлявшее ковер под ногами идти рябью.

А ведь он был одет по случаю — в прямые, молочного цвета брюки, тончайшую белоснежную сорочку и великолепно сидящий фрак. Приняв мою ладонь, господин Левшин незаметно для остальных провел большим пальцем по затянутому в шелк запястью, словно бы успокаивая. И, несмотря на едва контролируемые чувства, мне действительно стало немного легче.

Задержавшись ненадолго у двери, он достал из кармана парадного плаща плоскую коробку из черного бархата, бережно вынув из нее

сверкающую цепь с великолепными рубинами. Каждый камень переливался глубоким винным блеском, но, коснувшись кожи на моей шее, фермуар враз потемнел — ровно так же, как совсем недавно — кольцо.

— Артефакт? — догадалась я.

— Древний, — кивнул маркиз. — Он столетиями принадлежал женщинам нашего рода. Я расскажу позже.

Снова ощутив приступ дурноты, позволила Николаю Георгиевичу усадить себя в черную лакированную карету с золоченым гербом маркизов Левшиных, доставившую нас к крошечной церквушке на окраине Петергофа всего за двадцать минут.

Скромная церемония, на которой присутствовали лишь мы с маркизом и мой дед, длилась и того меньше. И за все это время мир вокруг меня успел качнуться не единожды, пока я не расслышала:

— Готовы ли вы, Ольга, стать супругой раба божьего Николая? Во всем почитать его, делить с ним радости и беды, быть покорной и...

Убранство церкви пошло кругами, заставив меня пропустить несколько вечных обещаний. И когда тонкая золотая шинка обручального кольца прочно уселась на безымянный палец, накрыв собою подаренный прежде господином Левшиным перстень-артефакт, я окончательно погрузилась во тьму.

Наверное, прошло несколько часов с того момента, как я стала женой маркиза, поскольку необычно теплое солнце уже садилось за горизонт, окропляя последними косыми каплями лучей просторную светлую спальню, до сих пор незнакомую мне.

А ведь она разительно отличалась от бирюзовой. Широкая кровать с двухслойным балдахином стояла в самом центре комнаты, привлекая внимание блестящей позолотой, лежащей поверх инкрустаций из слоновой кости. Прямо напротив стоял огромный камин из белого мрамора, верхняя полка которого была любовно украшена группой ваз из тончайшего фарфора и... да, тем самым дагеротипом моей семьи, видимо, отданным маркизу дедом. Изящный столик с парой кресел у самого окна и драгоценный, с высоким ворсом, обюссонский ковер заканчивали доступный глазу образ.

— Нравится? Теперь это ваша спальня, Ольга. — Голос маркиза послышался откуда-то справа... Надо же, а ведь я поначалу не

заметила его. — По крайней мере, на ближайшие семь дней. Моя, к слову, за дверью.

Как и я, господин Левшин был по-прежнему одет в свадебный наряд. И судя по успевшим наметиться складкам, только парадный черный фрак был снят, видимо, давно, небрежно оставленный на спинке кресла. От движения его сиятельства ворот белоснежной рубашки, расстегнутый на несколько пуговиц, широко распахнулся, оголив смуглую грудь, что придало внешнему облику хозяина вид легкой беззаботности и домашнего уюта.

Попытавшись сесть, запоздало поняла, что, несмотря на явное облегчение, мое состояние все еще далеко от обычного. Значит, терзавшее меня днем головокружение достигло апогея во время церемонии, и тогда...

Жуткая догадка окатила горячей волной, заставив совершить постыдную попытку к бегству:

— Простите, пожалуйста... я не нарочно. Надеюсь... мне все же удалось выполнить условия сделки и стать...

— Моей супругой? — лукаво улыбнулся Николай Георгиевич. — Не беспокойтесь, вы успели согласиться со всеми клятвами, прежде чем снова забылись в волне непокорной родовой силы.

Удивленно посмотрела на огненного мага:

— Вы... не сердитесь?

Он встал с мягкого кресла, отделанного золотистой парчой и расположенного правее меня — так, что я едва ли могла заметить его сразу по пробуждении. Неторопливо прошел вглубь светлой спальни и, доверху налив воды в высокий резной бокал, поднес его мне, по пути добавив туда несколько капель из пузырька в нагрудном кармане. Протянул напиток, коротко приказав:

— Пейте! Всего несколько минут — и вам станет легче. — Проследил, чтобы я выпила все без остатка, тут же забрав бокал, после чего заверил: — Я не могу сердиться на вас за то, что родовой дар просыпается так болезненно.

— Но... разве вы не думаете, что все случившееся — представление?! — Теряясь в догадках, я все сильнее запутывалась в жалких попытках понять маркиза. Ведь даже в самых смелых мечтах я и представить не могла, чтобы господин Левшин стал хоть немного

терпимее ко мне. Или же во всем снова виновата моя потребность искать тонкий лучик надежды даже в столь безнадежных ситуациях?

В ответ на мой вопрос Николай Георгиевич неприязненно поджал губы. Окинул меня суровым взглядом, тут же сметя дерзкие мысли о случившихся в нем переменах, и довольно жестко ответил:

— Не говорите глупостей! Пробуждение дара — то, что почувствует любой сильный маг. Я точно знаю, Ольга, что спустя несколько дней вы станете совсем другой. Нам нужно только помочь вам.

— Как? — не удержалась от вопроса я.

— Есть несколько способов, — нехотя ответил маркиз. — Об одном из них, думаю, вы догадываетесь, с учетом того, как уверенно делились силой посреди старого капища...

Дождавшись цветущего румянца, покрывшего мои щеки, господин Левшин удовлетворенно рассмеялся, снова приняв расслабленный вид, и шутливо переспросил:

— Нет? Жаль, это был бы самый короткий и безболезненный путь. — Он вновь бросил на меня лукавый взгляд, позволив себе еще одну маленькую колкость: — Конечно, в вашем случае все же немного болезненный, но это лишь в первый раз. Далее, могу с уверенностью заверить, весьма приятный, как вы уже могли убедиться. Снова нет?

Он довольно заразительно рассмеялся, неожиданно превратившись из чиновника кабинета его императорского высочества в совсем неизвестного мне мужчину. Надо же, а ведь я стала супругой человека, о котором ровным счетом ничего не знаю.

Наблюдая за Николаем Георгиевичем из-под полуопущенных ресниц, внезапно осознала, что, когда он так непринужденно смеется, черты его лица разглаживаются и становятся мягче, напрочь стирая напоминание о хищной птице, сходство с которой столь неприятно поразило меня в день знакомства. Смех делает его карие глаза теплыми, добавляя в них медового оттенка, и внутри широких зрачков зажигаются искры...

— Ольга? — Заразительная улыбка маркиза медленно покинула лицо, сменившись легкой растерянностью.

Буря эмоций отразилась в глазах супруга, пока тот беззвучно шел ко мне. Пройдя по прекрасному ковру, он остановился у самого ложа, нежно коснувшись ладонью моей щеки:

— Вы ведь помните, что со вчерашнего дня я остался без женской компании... — Он в очередной раз позволил себе подурачиться, разглядев во мне испуг. — Не стоит так смотреть на мужчину, который голоден.

Помня о случившемся в карете и боясь отвести от него взгляд, я не нашла ничего лучше, чем предложить:

— Думаю, еще не совсем поздно, чтобы попросить вашу кухарку об ужине...

Господин Левшин снова по-мальчишески рассмеялся. Присев на край кровати, настойчиво привлек меня к себе, впрочем, оставив немного места между нами:

— Во-первых, Николай — на этом я все же настаиваю. А во-вторых... я уже говорил вам, что вы совсем не умеете лгать? Так вот, вы еще и совершенно по-детски безыскусны в ведении любовной игры.

Подняв ладонь, чтобы заглушить готовящийся протест, он серьезно добавил:

— Это временное явление, моя дорогая супруга. Совсем скоро вы повзрослеете, и у меня больше не останется поводов для такого задорного смеха.

Спорить не стала. Во-первых, потому как вынуждена была бы тогда назвать его по имени, а во-вторых — ввиду того, что рисковала произнести еще одну глупость, от которой Николая Георгиевича постиг бы новый приступ веселья.

Боясь слишком долго находиться в опасной близости к супругу, предприняла попытку встать, с удивлением обнаружив, что пространство больше не кружится. Видимо, чудодейственное средство господина Левшина уже сработало, но все же он с готовностью протянул мне раскрытую ладонь, не позволив отказаться от предложенной помощи. От горячих пальцев ощутился легкий разряд, выпустивший под кожу цепочку юрких мурашек. Я замерла и, постаравшись скрыть возникшую неловкость, отдернула руку, поднеся ее к шее:

— У меня не было возможности как следует поблагодарить вас...

— ...Николай, — закончил за меня его сиятельство, принимая временную отсрочку в... как он сказал? Любовной игре?

Склонив голову в знак согласия, все же постаралась избежать неловкости, позволив себе просто завершить фразу:

— Спасибо.

От господина Левшина не укрылось проявленное неповиновение, и он властно привлек меня к себе. Заключение в крепкие объятия теперь уже законного супруга, я боялась даже пошевелиться, опасаясь спровоцировать тем самым странный голод маркиза.

Ощущая себя загнанной ланью, я испуганно следила за тем, как огненный маг нарочито медленно проводит кончиками пальцев по тонкой цепи с алыми каплями, раз за разом соскальзывая горячей ладонью на обнаженную кожу груди. Прикосновения его неспешны, но странно Другое: внутри меня совершенно неожиданно разгорается пламя, сбивающее дыхание и сворачивающееся привычным — уже привычным — чувством внизу живота. Едва различимый шепот опалает:

— Похоже, моя дорогая маркиза, нам с вами придется научиться называть меня по имени. — Ладонь словно ненароком соскальзывает чуть ниже, заставляя меня задохнуться, но огненный маг чудесно владеет собой. Останавливается ненадолго, поднимая почти черные глаза к моим, и у самых губ произносит: — Николай.

Сердце бьется часто-часто. То ли от близости маркиза, то ли от того, как он впервые называет меня, указывая на новый статус. И почему-то именно в этот момент я вдруг явственно осознаю, что стала его женой.

Голова снова начинает кружиться, а я по-прежнему не отрываю взгляда от его сиятельства, не в состоянии разорвать эту странную связь. Неужели он применил ко мне внушение?

Но нет, его левая ладонь так же медленно возвращается к цепочке из камней, а правая уверенно охватывает талию. Хотя, судя по изменившейся траектории, стремительно следующей вниз, можно с уверенностью сказать, что выдержка огненного мага все же имеет некоторые границы.

И потому, не желая исследовать их прямо сейчас, я постаралась как можно скорее выпалить:

— Николай.

Маркиз довольно улыбнулся:

— Видите, это оказалось не так уж и сложно. — Он все же задержался на моей шее, словно бы решая, как поступить дальше. Но уже в следующую минуту с сожалением выдохнул: — Что ж... этот артефакт дает возможность использовать дар супруга. Нося подаренное кольцо, вы, моя дорогая маркиза, тоже становитесь огненным магом. Удивлены?

Позволив мне чуть отклониться, он тут же сменил интонацию голоса, лишив ее обволакивающе-бархатистой мягкости. И уже серьезным тоном, не терпящим ни малейших возражений, приказал:

— Поэтому я больше не желаю видеть вас без него. Как, впрочем, и без кольца. Оба артефакта — защитные. И оба приведут меня к вам, где бы вы ни оказались. Кольцо, помимо прочего, еще и является порталом. Пламенным, позволяющим вам прийти ко мне по первому желанию. Стоит лишь повернуть камень... вот так!

Сноп искр обдал меня горячим пламенем, но на сей раз оно не жгло — мягко ласкалось. В появившемся ощущении таилось столько ласки, столько тепла, что я невольно удовлетворенно зажмурилась.

— Нравится? — поинтересовался маркиз, снова привнося толику нежности. — Хорошо, что вы больше не боитесь меня.

Наверное, от произнесенной фразы я слишком широко распахнула глаза, отшатнувшись, что помогло супругу догадаться: это не так. Если я и боялась кого во всей Староросской империи, так это господина Левшина. С его несдержанностью, грубостью и жестокостью. С его не поддающейся никаким убеждениям рассудка стальной волей, готовой смести любые доводы в прах. С его...

Лицо Николая Георгиевича тут же лишилось юношеской простоты, снова превратившись в непроницаемую маску чиновника особого кабинета. Запоздало осознав, что нанесла супругу незаслуженную обиду, попыталась сгладить ситуацию, коснувшись ладонью его щеки. Но этот жест, видимо расцененный маркизом как жалость, лишь усугубил и без того отчаянное положение.

Мгновенно отстранившись от меня, он прошел к входной двери. Слишком резко — так, что едва не вырвал прочный шнур из паза, — дернул за веревку сонетки, выдавая истинную природу чувств. И раздраженно приказал подать ужин, коротко бросив через плечо:

— С едой нам придется не задерживаться — дела.

Запоздало осознав, что господин Левшин не собирается воспользоваться законным правом на брачную ночь, растерянно спросила:

— Дела? Я думала... вы...

— Вы думали, я — что? — Маркиз обернулся. Окинул меня неприязненным взглядом — ледяным и... таким жестоким, какого я до сих пор не видела ни у кого. В одно мгновение сократил разделяющее нас расстояние и, склонившись к самым губам, прошептал, почти касаясь их: — Вы хотите меня, Ольга? Отвечайте честно, вам нечего бояться в собственном доме!

Дернувшись от чересчур неприкрытой откровенности, попыталась отстраниться, чем еще больше испортила ситуацию. Не нуждаясь в словесном подтверждении унижительного отказа, Николай Георгиевич отчеканил:

— Я не насильник, моя дорогая маркиза! И никогда им не был. Я не стану принудительно овладевать женщиной, которая ненавидит меня!

— Я не... Простите, маркиз.

— Бросьте, Ольга! Не лгите мне! Вы сами вчера признались в этом, так неужели всего за день все изменилось?

Отвернувшись, господин Левшин едко предупредил:

— И не забудьте мое имя. Вы же не желаете, чтобы в следующий раз мне снова пришлось вспомнить о вашем обучении?

Ели молча. Маркиз слишком старательно не смотрел в мою сторону, и от всего этого я чувствовала себя крайне неудобно. Быть может, даже хуже, чем если бы он все же воспользовался данным Богом и людьми правом сделать меня своей.

— Настоячиво советовал бы вам переодеться, — произнес он, едва взглянув в мою сторону. — Нам предстоит нелегкая ночь. Будет ветрено, поэтому никаких глупостей! Шерстяное платье и теплые чулки. Удобные туфли вроде тех, в которых вы выбрались в особняк отца. — Господин Левшин снова раздраженно поджал губы, выразив этим враждебное отношение к неудавшемуся побегу. — Волосы соберите в узел, чтобы не мешали. И да: кольцо не снимать ни при каких условиях. Понятно?

Дождавшись кивка и поспешно покончив с едой, его сиятельство ненадолго оставил меня одну. Громко хлопнув дверью, прошел в

соседнюю спальню, из которой тут же донеслись приглушенные звуки шагов и шум стучащей дверцы шкафа.

Мне же не осталось ничего иного, как быстро выполнить пожелание супруга относительно одежды: задержаться боялась, чтобы не спровоцировать очередной приступ недовольства.

Переодевшись в ванной комнате, по выходе обнаружила господина Левшина в своей спальне, уже облаченного в удобный дорожный костюм темно-серого цвета из теплой ангорской шерсти.

— Этой ночью будет холодно, постарайтесь не замерзнуть, — все еще раздраженно пожелал он. — Плащ!

Набросив тяжелую накидку мне на плечи, огненный маг всего на секунду задержал ладони, и мне внезапно показалось, что он намеревается что-то сказать. С надеждой развернулась к нему, в очередной раз готовая принести извинения, но, встретившись с суровым взглядом, опустошенно опустила глаза.

— Прошу вас, — протянули мне ладонь. — На этот раз мы воспользуемся каретой.

— Снова монастырь? — неприятно удивилась я.

— Нет, Ольга. Этой ночью нам предстоит нечто гораздо более интересное, скоро вы и сами в этом убедитесь.

В карету садились в тягостном молчании, прерванном лишь коротким приглушенным скрипом чуть расшатанной дверцы.

— Нужно будет урезать жалованье груму, — проворчал его сиятельство. — А еще лучше выгнать, если подобное повторится.

Несколько последующих слов негодования господина Левшина потонули в звонком цокоте новых подков конной упряжки, застучавшей по отполированным камням мостовой. Карета слегка покачивалась при попадании колес в небольшие выбоины, и каждый, пусть даже мимолетный, эпизод дорожной тряски отражался недовольством на лице супруга.

Понимая, что Николай Георгиевич пребывает не в лучшем расположении духа, слегка отодвинула темную занавеску окна, чтобы, наблюдая открывающийся вид, ненадолго отвлечься от тягостных мыслей.

На очередном повороте лошади завернули влево, а звонкий цокот копыт сменился приглушенными ударами конских ног об утопанную землю околиц Петергофа. Фонари, на которые корона не скупилась для

иллюминации центральных улиц, встречались теперь все реже, пока последний из них и вовсе не скрылся за тенью невысокого, совсем нескладного дома у городской стены.

Что задумал маркиз?

Словно чувствуя, как я мысленно вернулась к нему, господин Левшин раскрыл правую ладонь, почти невесомо соткав на ней заклинание из десятка огненных символов. Едва заметный бросок колышущегося облачка в сторону окна — и вокруг экипажа снова, как и в день нашего знакомства, зажглось алое сияние с подрагивающими зеленоватыми всполохами.

Значит, расстояние до места визита довольно велико, раз его сиятельство применил к лошадям мертвую силу. Не побоялся?

— Чего? — откликнулся он, видимо, вновь отреагировав на мысли вслух. — Некроманта? Вам не следует беспокоиться, Ольга: он сегодня не ждет нас на этой дороге, наше приключение абсолютно секретно для всех. К слову, даже цесаревич останется в неведении относительно того, куда мы отправились.

Огненный маг окинул меня колючим взглядом, в очередной раз больно хлестнув словами:

— Ведь даже вы, моя дорогая супруга, не имеете ни малейшего представления о месте нашего прибытия.

Мимолетная горькая улыбка посетила губы маркиза, тут же снова сменившись маской бесстрастности. Но даже крошечного намека на недоверие, выказанного господином Левшиным, оказалось более чем достаточно.

— Вы могли оставить меня дома, господин...

— Николай, — прервал меня супруг. — И давайте уже покончим с этим!

— Прошу прощения, Николай. И все же: оставь вы меня дома, не пришлось бы опасаться предательства с моей стороны...

— Нож в спину? — Его сиятельство позволил себе очередной болезненный укол. — Так мне все еще стоит прятать все холодное оружие в радиусе пары миль от вас, моя дорогая маркиза? Вот уж не думал, что вы настолько злопамятны!

— Я давно отказалась от этой задумки, — не менее ядовито ответила супругу.

— Вот как? — едко отозвался он, окинув меня заинтересованным взглядом. — И чему же я обязан такому счастью?

— Вы ведь теперь мой супруг, гос... Николай. Не хотелось бы лишиться мужа, так и не овладев наукой... как вы сказали? Ведения любовной игры? — Я и сама не ожидала от себя такой дерзости, но преувеличенно пренебрежительный тон маркиза задевал гораздо сильнее любых его выпадов.

Господин Левшин развернулся ко мне всем торсом. На мгновение замер, словно не до конца доверяя услышанному, и слегка ошеломленно произнес:

— А ведь мне стоит вас опасаться, моя обожаемая супруга.

Снова отвернувшись к окну, он больше не удостоил меня даже мимолетным взглядом. Мне же не осталось ничего иного, как, безупречно спокойно внешне, продолжить навязанное его сиятельством путешествие в полном смятении.

Только, несмотря на холодную выдержку, с каждой секундой неизвестной дороги становилось все тревожнее. Но вот наконец лошади остановились, и Николай Георгиевич, выпрыгнув из кареты, незамедлительно помог выйти мне.

По редкому лаю собак и запаху печного дыма догадалась: мы оказались в сельской глуши где-то в дальнем предместье Петергофа. Прямо позади нас в ночной темноте высился огромный особняк — массивный и чуть тяжеловатый, лишенный положенного в высоких родах изящества. Однако по широкому размаху архитектора все же становилось ясно: этот дом принадлежит одному из носителей древней крови.

— Сегодня мы гостим у герцога Мухина, — коротко пояснил маркиз. — Утром перед самой нашей свадьбой ко мне домой пришел его молодой наследник, один из министров. Сообщил странные... весьма настораживающие факты, достоверность которых остро нуждается в безотлагательной проверке.

Понимая, что его сиятельству нет равным счетом никакого дела до моего мнения, я все же с тревогой усомнилась:

— Вам не пришло в голову, что ввиду последних событий это может оказаться ловушкой? Некромант нападал на нас дважды, и ночное путешествие за пределы Петергофа как нельзя лучше подходит, чтобы предпринять еще одну попытку...

— Может, — нехотя согласился маркиз, окидывая меня проницательным взглядом. — Хотя и маловероятно — все же с Володей мы знакомы с детства. Однако согласен с вами: в сложившейся ситуации было бы крайне опрометчиво слепо доверять кому бы то ни было, пусть даже и старому другу. — Он сжал мои пальцы, непозволительно насмешливо произнес: — Поэтому я и взял с собой еще одного огненного мага.

Пропустив издевку мимо ушей, веско заметила:

— Вам ведь известно, что я даже своим даром пока не владею. Как же мне заговорить огненную стихию, если понадобится?

— О, не беспокойтесь, маркиза. Поверьте, артефакт, принесенный вами на своей прелестной шейке, сделает все за вас. Вам нужно всего лишь представить ту форму, которую должно обрести пламя. И протянуть ладонь... вот так, видите?

Между пальцев маркиза тут же заплясал крошечный огонек, освещая пространство вокруг нас теплыми лучами света. А мой супруг скомандовал:

— Ну же, Ольга! Попробуйте!

Пришлось подчиниться — конечно, нехотя, потому как ввиду колкостей маркиза было легче ожидать очередного подвоха, да и вообще не особо верилось в успешность предстоящей попытки. Однако моему изумлению не было предела, когда на ладони заискрилась небольшая сфера, сотканная из колышущегося пламени.

— Удивлены? Не стоит, моя дорогая маркиза. Вы вошли в один из самых древних родов империи. Поверьте, мне еще есть чем вас удивить.

Господин Левшин одним движением смахнул с наших рук теплые вспышки, пояснив у самого лица:

— Позвольте только отложить ваши тренировки до более удачного времени. Как вы сами упомянули совсем недавно, все это может оказаться ловушкой, и нам с вами незачем выдавать себя раньше времени.

Мягкая, раскрывшаяся по поздней весне земля в поместье Мухиных с чавкающим звуком расплзлась под прочной кожей дорожных туфель. Лужайка, по которой мы незаметно крались в ночи, давно требовала руки садовника, потому как, даже несмотря на предпринятую осторожность, под ногами то и дело громко хрустели

упавшие с деревьев сухие ветки, а гулкое эхо разносило скрежещущий звук на много верст вокруг.

Садовую беседку не разглядела — она словно бы вынырнула прямо перед нами, и если бы не маркиз, я бы точно расшибла о нее лоб. Но супруг заботливо остановил меня, сбросив с ладони несколько огненных искр к самому порогу.

Те прошмыгнули под землю, едва проявляясь у нас под ногами пламенными всполохами, и тут же послушно вернулись к Николаю Георгиевичу.

— Все в порядке, герцог ждет нас.

Огненный маг первым вошел в беседку, бережно помогая последовать за ним, не оступившись. А под ногами дрогнула нить родовой силы.

— Не пугайтесь, маркиза, — успокоил меня муж, — это защита. Думаю, сегодня нам с вами ничто не угрожает.

Спокойствие господина Левшина передалось и мне, и по ступеням, отвесно ведущим вниз, я прошла уже более уверенно.

Окружавшая нас со всех сторон темнота медленно расступалась, позволяя мерцающему впереди небольшому пятачку света расширяться до размеров невысокой арки. Как только мы перешагнули через еще одну силовую нить, огласившую пространство легким щелчком, защитный полог, скрывавший вход в довольно просторную комнату, испарился.

Дребезжащий голос принадлежал человеку явно преклонного возраста. Озвучив любезное приветствие, он помог сориентироваться под землей и ответить на гостеприимство глубоким поклоном.

— Добро пожаловать в родовое поместье Мухиных, господа!

Стоящий перед нами герцог был не просто стар — ветх. Седые волосы ниспадали на плечи тонкими прядями, заметно поредевшими с годами. Россыпь глубоких морщин уродливо разрезала лицо, а иссушенные пальцы, придерживавшие трость с большим трудом, с каждой минутой дрожали все сильнее.

Во внимательных глазах — единственной детали, никак не вязавшейся с образом старика, — проскользнуло настоящее любопытство. Гулко стукнув тростью о каменный пол, он с трудом сделал несколько осторожных шагов в мою сторону.

— Рад, очень рад. — Морщины вокруг рта растянулись в некоем подобии улыбки, когда герцог протянул свободную руку: — Позволите?

С легким сомнением вложила в нее ладонь, получив на то одобрителный кивок его сиятельства, и тотчас ощутила мощный разряд, едва стариновские пальцы коснулись прохладной кожи. Пришлось зажать второй рукой саднящую метку, чересчур медленно убирающуюся с кожи, чтобы хоть немного облегчить боль.

— Давно не приходилось видеть такой одаренной девочки, — задумчиво произнес старик. — Последняя, что так походила на вас, много лет как мертва. Изведена...

— Прошу тебя, дед, — молодой человек, видимо министр, о котором упоминал маркиз, придержал старика за плечи, настойчиво уговаривая, — пройдем в дом, там будет значительно удобнее вести беседу. Здесь холодно, а последняя простуда далась тебе нелегко. Целый месяц в императорском госпитале должен был заставить тебя прислушаться к целителям — они убедительно просили беречься...

И уже мне:

— Прошу прощения, дар деда слишком мощный, чтобы поддаваться контролю.

— Правда не нуждается в принесении нелепых извинений! — взвился герцог, отмахнувшись от внука, и спустя мгновение чуть спокойнее продолжил: — За домом следят, тебе это известно не хуже моего. — Тяжелый взгляд буравил почти болезненно, заставляя отводить глаза. — Да и некогда, Володя! Ее кровь зовет!

Поднеся к лицу ладонь, которой только что касался меня, старик настороженно принялся к оставшемуся следу. Задумчиво прикрыл веки, словно сверяясь с воспоминаниями, и совершил совсем уж безрассудное — лизнул проявленное пятно.

— Твоя мать, верно? Отец не зря заставлял родовой дар молчать... всегда найдутся силы, желающие отнять не принадлежащее им. За тобой тоже придут — чуть позже.

Я невольно сделала шаг в сторону маркиза, испуганно прижавшись к нему спиной. Его недовольство предсказанием старого герцога ощущалось, подобно разряженному на исходе грозы воздуху, и молодой Мухин предпринял последнюю попытку сгладить ситуацию:

— Прошу тебя, дед, не стоит пугать молодую маркизу.

Герцог покорно склонил голову набок, сделав вид, что послушал совета внука, а в следующий миг резко схватил меня сухими пальцами за запястье и снова обдал волной силы:

— Нужно торопиться: голос, зовущий тебя по имени, почти мертв!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой господину Левшину приходится раскрыть козыри еще до основного расклада, а юная маркиза нарушает приказ супруга, совсем не понимая этого

Alea iacta est^[1].

Дорога к порту была раскрашена сомнениями.

Николай не знал, можно ли верить старому герцогу, в великосветских салонах считавшемуся давно выжившим из ума, но полный мольбы взгляд Ольги решил все за него. Боясь, что придется раскрыть полную мощь своего дара еще до основного сражения, он раз за разом просчитывал дни до бала, убеждаясь: еще не время.

Сидящая напротив него жена всю дорогу к дому казалась не такой, как обычно. Жалко съежившись, она с каждой минутой лишь сильнее напоминала несчастного птенца прибрежной ласточки, которого он приютил однажды, — с мокрыми от промозглого дождя перьями и испуганными глазами, полными непролитых слез.

А ведь она по-прежнему держалась негибимо, эта выброшенная из родительского гнезда девочка, и при очередном взгляде на нее Николаю становилось все больше не по себе: если игра закончится сегодня, она тоже разглядит его истинную суть. И тогда уже ничто в целом мире не поможет убедить ее дать ему второй шанс.

Проводив Ольгу в ее новую спальню, огненный маг помог ей снять плащ, приказав прислуге принести ужин. Дождавшись, чтобы та покинула комнату, скомандовал:

— Ждите меня здесь! — Он задержал ее лицо в ладонях, словно пытаясь понять, можно ли доверять этой полной загадок и противоречий юной женщине. И, найдя в ней невысказанный ответ,

рискнул. — Помните: выходить из комнаты нельзя, ваши покои зачарованы. Только здесь вы в безопасности!

Ольга не спорила. Обхватив себя руками, словно пытаюсь успокоиться, она еще больше напонила Николаю птенца, отчаянно нуждающегося в защите. В этом плотном шерстяном платье, грубый ворот которого уже натер на нежной шее широкую алую борозду, она казалась еще мельче, ранимее. А ведь он когда-то был так несправедливо груб с ней...

Коснувшись шелковистой щеки, Николай заглянул в распахнутые озера синих глаз, уже зная, что при необходимости отдаст единственную возможность пленить некроманта, чтобы защитить ее. Провел пальцами по дрожащим губам, прежде чем поцеловать их, и коротко пообещал:

— Я скоро вернусь. Если ваш отец жив, он будет спасен. — Больше давать обещаний нельзя, ведь огненный маг и сам не знал, что ждет его у моря.

Николай стремительно покинул родовой особняк, чтобы уже в следующую минуту торопливо нестись по влажному камню мостовой. В ночи экипажей почти не было, и дорога к пристани заняла всего минут десять.

Огненный маг ощутил, как лошади с разбегу споткнулись о нитку силы, оплетающей порт. Устало прикрыл глаза, собираясь с последними силами, и вспомнил предостережение августейшего друга.

«Заговор должен быть раскрыт еще до бала», — словно наяву прозвучали слова цесаревича. А Николай Георгиевич как никогда явственно осознал, что выбора ему не оставили.

Ночной порт остро пах солью, смесью рыбных отходов, в которых все больше проглядывало гнилого, и еще чем-то неуловимо знакомым. Некромант?

Маркиз поднял глаза к небу. Ярко-желтая полнобокая луна, похожая на пудовую головку голландского сыра, единственной меткой висела на небосклоне. Видимо, тот дождь, что спускался с наступлением сумерек последние два дня, напрочь осушил воздушные перины облаков, убрав их с темного полотна неба. И в непривычно желтом сиянии ночного светила отчетливо виднелась группа кораблей.

Левшин тенью метнулся к плавучим посудинам, разглядев позади себя еще нескольких наследников высоких родов, в которых был

уверен. Значит, Мухин успел. Что ж, при таком раскладе оставить козырь при себе все еще возможно, если только...

Оживив на ладони несколько огненных искр, огненный маг обернулся. Жестом приказал остальным остановиться и шепотом спросил у молодого Мухина:

— Ты уверен насчет портала? Если есть хотя бы возможность воспользоваться пламенной стихией...

Знакомый с детства, Володя казался сегодня особенно собран. А ведь он еще молод — лет на пять моложе самого маркиза. И потому костюм себе позволил щегольской, а не тот, что удобен. Но друг смотрел в глаза прямо, отчетливо проговаривая каждое слово:

— Дед сказал, нельзя. Говорит, если этой ночью откроется огненный портал, он обернется смертью для мага.

Левшин раздраженно сжал кулаки. Верить бессмысленным видениям выжившего из ума провидца было для него выше всяких сил, но друг убеждал:

— Послушай, Коля. Я понимаю, как это выглядит со стороны, но поверь: в нашей семье не принято пропускать предупреждения старика мимо ушей — он единственный, кто сохранил способность ясно видеть сквозь пространство и время.

Согласно кивнув, Николай внимательно осмотрел пристань:

— Какой?

— Старик сказал, тот, в котором трижды сплелись высокие роды. Не знаю...

Левшин подошел ближе. От спокойной кромки воды тянуло холодом, и в этом холоде Николаю снова почудилось что-то знакомое... А ведь в подземелье министерства тоже было зябко, и пахло почти так же. Совпадение?

В порту стояло всего пять кораблей. Два рыбацких суденышка, больше похожих на хлипкие лодки, он нарочно не рассматривал: такие едва выдержат как защитный полог, так и другую магию. А вот эти пять...

«Петергофский судак» со стороны казался простым, обычным. Судном, уснувшим в апрельской ночи и тихо покачивавшимся на покорных волнах Балтийского моря. С темными глазницами капитанской рубки и уныло повисшими сетями, он принял искру

маркиза легко, свободно. Тут же откликнулся: пуст. Пришлось поверить, пустив крошечный огонек дальше.

Два других, «Морской вихрь» и «Речная ведьма», оказались со следами магии, но эти отметины, похоже, были навешены на них для отвода глаз, потому как сразу же отвалились, что старая шильда, едва огненный маг поддел их подвластной стихией.

А вот «Имперский гнев» не откликался. Был тих и скромен, узкой светлой палубой отблескивая в сиянии полной луны. Только искру, жадно проглотив, не вернул — как будто и не было ее, яркой крошечной вспышки-помощницы.

Маркиз попытался вспомнить, что знает об этом корабле. Покопавшись в памяти, с неудовольствием заключил: немного. Пожалуй, лишь то, что он вел торговлю именем графа Никитина, как и среди многих высоких родов, от лица петергофского дворца, — конечно же с выплатой достаточного размера благодарности августейшей семье. Видимо, тканями, лавки с которыми украшали Парковую улицу столицы.

— Володя? — Левшин бросил взгляд на корабль. — В чьи салоны ходит твоя матушка с сестрами на Парковую, когда нужны бальные платья?

— Ну ты спросишь, Коля! Платья?

— Платья! — откликнулся огненный маг. — Не знаешь? Тебе наверняка не раз приходилось сопровождать их...

— Да уж, и не говори. Вроде салоны те принадлежат роду Орловых — не открыто, конечно, ведь не станут высокородные маркизы марать руки в торгашестве, пусть и таком прибыльном, как денная материя. Все же не буржуа какие...

— Не буржуа, — протянул маркиз. Картина начинала складываться. Значит, судно это принадлежало трем высоким родам Старороссии. Может, и все остальное сойдется?

Сделав осторожный шаг в сторону корабля, маркиз прислушался к себе. Не хочется. Как будто что-то внутри советует ему пройти дальше, миновав ухоженное судно. Не это ли верный знак того, что направление выбрано верно?

Указав рукой на корабль, огненный маг легко сотворил небольшую шлюпку из темного огня, настороженно жавшегося к коже.

Сдержав голодную стихию, позволил молодому Мухину и еще троим сослуживцам забраться внутрь, приказав лодке отплыть.

А ведь вода тоже повиновалась плохо. Все время норовила загасить чуждую ей стихию, забираясь все выше по бортам, которые лизала с остервенелой яростью, — и Левшин искренне огорчился, что цесаревич сейчас не с ними. Все же когда огонь и вода дружны, многое выходит лучше.

На палубу «Имперского гнева» взобрались легко: все теми же огненными канатами, под сапогами послушно сворачивавшимися в отсеки лестниц. Прислушались. Маркиз поднял голову к широкому сырному ободу дырявой луны, разглядев лишь ее очертания.

А ведь если бы у самой пристани она не привлекла его внимания, он бы так и думал, что луна скрыта завесой облаков. Только маг точно знал: ночь выдалась безоблачной, чистой, и по всему выходило, что над ними полог. Воздушный — такой мог создать лишь наследник древней крови, и крови не простой... способной заговаривать сам воздух... а это...

— Маркиз Левшин! — Голос маркиза Орлова, раздавшийся за спиной, прозвучал почти у самого уха, заставив огненного мага резко развернуться. Искры на ладонях зажглись еще ярче, предупредительно сообщив: хозяин готов обороняться. — Что вы делаете на моем судне среди ночи?

Пришлось принять навязанные хозяином «Имперского гнева» правила игры, понимая совсем дурное: маркизы Орловы — не просто древний род. Из них вышла сама действующая императрица, и весть о том, что они предали ее, больно ударит по царской гордости. Но голову змее рубить все равно придется...

— Мы пришли с обыском. — Господин Левшин примирительно развел руки, все же не погасив огни. — В министерство поступило сообщение о том, что на судне человек.

Маркиз Орлов рассмеялся, став похожим на того самого беркута, имя которого носил. А ведь и в августейшей даме это сходство есть, если приглядеться, да и много чего другого, кровного.

Старый маркиз, как и императрица, сух, худ. Изящен в тонких запястьях, сплошь унизанных широкими драгоценными браслетами, а колец, напротив, мало. Лишь фамильный перстень и еще один,

разглядеть который Николаю не позволяют. Поправляют руками теплый весенний плащ, сообщая:

— Это торговое судно, на нем можно найти с десяток человек. Ночью в порту небезопасно, даже когда корабль отмечен вензелем императорского дома.

— Согласен, — откликнулся Николай. — Но сообщили о другом. О пленнике.

— О пленнике? — В голосе старого маркиза засквозило неудовольствие. — Быть такого не может! Я могу взглянуть на бумаги? Ваш обыск должен был одобрить сам цесаревич — законы Старороссии равны даже для чиновника особого кабинета.

Левшин кивнул. Обернулся к молодому Мухину:

— Володя, подай бумаги.

Кожаная папка с императорским вензелем опустилась в ладони маркиза Орлова, раскрыв ворох разрешающих документов, и тот не смог скрыть изумления:

— Императрица знает?

Последний козырь был пущен в дело, заставив Николая ощутить неприятное движение внутри живота. Он до последнего надеялся, что осмотреть судно удастся без принятия столь резких мер, потому как Павел Алексеевич беспокоить сердце матери без надобности не станет.

И вот теперь выходит плохо.

— Об этом мне ничего не известно, ваше сиятельство. Все, что я знаю: мне нужно осмотреть «Императорский гнев». Позвольте?

— Прошу.

Орлов показательно отошел в сторону, позволяя Левшину осмотреть палубу.

— Желаете заглянуть в трюм, господин чиновник?

— Желаю, — не стал скрывать маркиз. — Только... позже.

Палуба «Имперского гнева» оказалась такой же, как и с берега: чистой, блестящей новым лаком в свете ночной луны. Отличало ее лишь то, что по контуру корабля едва заметно тянулась все та же силовая нить. Простая предусмотрительность или... нечто большее?

Проведя пальцами по колючему контуру, маркиз расслышал у себя за спиной:

— Без защиты судно оставлять нельзя, вы же понимаете.

— Понимаю, — откликнулся Левшин. И остановился в том месте, где пальцы колоть перестало...

Вход в воздушный портал был едва замечен — скрытый за разрывом силовой нити, он почти неслышно подсасывал пальцы при малейшем приближении. Откликался на силу — пусть даже огненную, и если ладонь опустить в него чуть глубже...

Маркиз Левшин заранее знал, что делать этого не стоит. Но понимание того, что пророчество старого герцога сбывалось слово за словом, заставляло забыть обо всех предосторожностях. Нырнуть в открытое окно, оставив позади себя начинающееся сражение, — и мигом перенестись на...

Пятое судно — старый рыбацкий корабль сродни тем двум, которые лишь портили вид пристани.

Портал закрылся так же скоро, как и открылся, пренебрежительно выбросив маркиза на качающиеся зеленоватые волны мертвенной силы. Влажные доски рассохшегося дерева хранили множество запахов, но только в двух из них Николай был уверен наверняка: ливимум и кровь. Хотя...

Резко развернувшись в сторону внезапного порыва ветра, Николай от ярости задохнулся. Сделал широкий шаг, увидев полные боли глаза Ольги, и, уже поняв, что его план все же терпит неудачу, снова обернулся.

На судне их ждали. Старый граф Никитин — видимо, владелец корабля. И еще двое...

Тетерин! — Николай едва сдерживал эмоции. После случившегося в министерстве понималось четко: маркиз предал цесаревича, бежав со службы. Значит, до сих пор не нашли?

Беглый маг склонился перед маркизом, скрыв третьего спутника, вокруг которого зеленоватое свечение клубилось особенно густо, но говорить ничего не стал. Некромант? Николай попытался разглядеть мага, только на сей раз у него ничего не выходило: в свободном плаще с накинутым на голову капюшоном, тот был надежно укрыт от посторонних глаз. Да и отворотные чары давались ему гораздо лучше, чем самому чиновнику.

— Ваша невеста... — начал было Никитин.

— Супруга, — поправил его Левшин.

— Супруга, — согласился граф, позволив в голосе нотку удивления. — В одиночестве гуляла по набережной. Крайне неосмотрительно, крайне! Особенно если учесть все происходящее в империи. Я взял на себя смелость пригласить ее на судно, чтобы уберечь от чего дурного. Все-таки они с сыном давно знакомы...

Маркиз промолчал. Внешне оставаясь спокойным, он призывал все больше огня, черпая его не только изнутри себя, но и со всего окружающего пространства — с тысячи верст вокруг, пытаясь дотянуться даже до крошечного тлеющего огонька в сельской печи.

— Вынужден с вами согласиться, граф. — Николай бросил испепеляющий взгляд на свою супругу, заставив ее едва ли не лишиться последних чувств, лишь затем прямо посмотрев на своего противника: — И поблагодарить за проявленную заботу. Мы немедленно откланяемся.

— Как пожелаете, — откликнулся Никитин. — Примите мои искренние поздравления по случаю свадьбы!

Маркиз подошел ближе к дрожащей Ольге, крепко обхватив ее ладонь своею. Нежно провел большим пальцем по тонкой коже, успокаивая девушку, после чего закончил:

— Только мы должны забрать с собой графа Ершова. Он здесь задержался.

Мертвенное сияние вырвалось из рук стоящего мага почти мгновенно. Пронеслось по ветхой палубе, безжалостно раскрошив по пути широкую выемку, и наткнулось на огненную преграду, шитом вставшую между ним и маркизом.

А тот все звал.

Огонь откликался так охотно, что, казалось, вся Староросская империя всего за ночь отдаст остатки тепла. Однако Николай понимал: без боя им не позволят уйти отсюда живыми, уведя с собой графа. Значит, все же придется открыться, разменяв главный козырь на жизнь Ольги и ее отца-алхимика.

Жар загудел, а вслед за ним по широкой мостовой Петергофа пронесся раскатистый гортанный рев. Выпустив огненного зверя в сторону некроманта, маркиз метнул несколько пламенных колец к самому Никитину, взяв его в прочный плен. И хотя тот пытался призвать эфир, горящие кольца прочно удерживали его.

Несколько ледяных игл вонзились под самые ноги маркизу, но тот с легкостью отмахнулся от них, бросив в сторону Тетерина пылающую огненную сферу.

— Ты должна спуститься вниз! — не терпящим возражений тоном приказал Николай Ольге. — Найди отца, открой императорский портал и унеси его в кабинет цесаревича.

Он вложил в руку жене золотую звезду, сорванную с груди, и сделал короткую паузу, пытаясь совладать с мыслями:

— Сил сдержать магов у меня хватит, не беспокойся. Я прибуду чуть позже...

— Нет! — Ольга, как всегда, была непокорна, и эта ее непокорность рождала в душе огненного мага одновременно целый вихрь чувств — от дикой, необузданной ярости до щемящего душу восхищения. — Только с вами!

— Это приказ! Если ослушаешься — пожалеешь!

И он отвернулся от жены, восполняя огненный резерв там, где мертвенное сияние испепелило его безвозвратно.

Силы истекали. Краем глаза Николай чувствовал, как Ольга удаляется от него, но он не позволял себе обернуться. Одно неверное движение могло стоить ему жизни, потому как некромант был силен.

Вода вокруг их судна пошла волнами, а на соседнем корабле резко зазвучал шум сражения — стало ясно, что из министерства прибыла подмога, которой все так ждали. Может быть, даже сам цесаревич выбрался из своего кабинета, чтобы лично приструнить изменников.

Но тот, кто стоял напротив...

— Кто ты? — Николай понимал, что спрашивать глупо, и все же...

Новая волна отбросила маркиза на несколько шагов назад, выбив из груди почти весь воздух. Тонкое зеленое щупальце, извернувшись, пробило щит. И тут же свернулось вокруг шеи огненного мага.

Дышать стало невозможно.

Было ясно: Николай либо призовет на помощь всю свою мощь, испепелив старый корабль вместе с телами изменников, либо погибнет прямо здесь, в этот самый миг. Но умирать сегодня нельзя, потому как это значило бы и гибель Ольги.

Не выбирая, маркиз взорвал вокруг себя огненную стихию, укрыв щитом лишь два сердца, бьющихся в трюме, и с болью закрыл глаза.

Он вновь провалил задание цесаревича, не будучи убежденным в том, что некромант погиб.

А ведь до бала оставалось всего шесть дней...

Императорский портал я так и не раскрыла, потому как тяжелая испепеляющая волна накрыла меня с головой, а поверх нее что-то резко громынуло.

Корабль качнулся, протяжно застонал. И тут же растерянно начал крениться вбок, рассыпаясь под ногами пеплом. Холодная вода накрыла с головой, заставляя сквозь мутный пласт, задыхаясь, тянуться к едва горящей где-то высоко луне. А вместе с собой из последних сил поднимать почти бездыханное тело отца.

Воздуха не хватало. Тяжелое шерстяное платье с не менее тяжелым плащом упрямо тянули нас ко дну, а ноги запутывались в густой сети водорослей, заставляя отчаянно сражаться за жизнь. Но я из последних сил стремилась к свету.

Внезапно чья-то рука обхватила мою — и в следующее мгновение я с наслаждением глотнула свежего морского воздуха, пока сильные пальцы за шиворот тянули меня к берегу. Нащупав рукой древесный настил набережной, я с выдохом легла на мокрые доски, пока мой спаситель вытаскивал из воды тело отца.

Только отдышаться мне не позволили, рывком подняв на ноги:

— Я же приказал не выходить из спальни!

Глаза маркиза были такими страшными, какими я не видела их еще никогда. Испытав утробный ужас, тут же пожалела, что смогла выжить. Оставалась лишь крошечная надежда на то, что муж все-таки выслушает меня, позволив оправдаться, но и она рассыпалась прахом.

Боковым зрением увидела, как пристань вокруг нас заполнилась людьми, многие из которых были в форме. Несколько из них подбежали к отцу. Бережно уложили его на носилки, унося в сторону белой кареты, какие использовались в госпиталях.

Я бросилась к едва дышащему родителю, но маркиз тут же остановил меня, рванув за локоть:

— Нет! Его отвезут в императорский госпиталь, где целители из рода Поляковых сделают все, что возможно. С ним каждую минуту будет ваш дед. Пойдемте!

И маркиз, позорно таща меня за руку перед обескураженными людьми, силой усадил в экипаж. Отдал короткий приказ, заставив лошадей мгновенно сорваться с места.

Родовой дом Левшина тягостно молчал, пока маркиз срывал с меня мокрый плащ, сжигая его в пламени камина, и разливал по бокалам бренди.

— До дна! — вновь приказал он. — И на сей раз без проделок!

Дрожащей рукой опрокинула бокал, плотно зажмурив веки. И расслышала едва сдерживаемую ярость:

— Вы понимаете, чем рискнули? — Голос маркиза был обманчиво спокойным, но даже за эти полнедели в обществе моего теперь уже супруга я понимала: в нем сейчас бушует такая ярость, с которой мне едва ли справиться.

— Я могу все объяснить...

Моего ответа не требовалось, потому как гнев маркиза нуждался в выходе. Стальными пальцами, способными, раздавить меня саму в одно мгновение, господин Левшин безжалостно запрокинул мой подбородок, у самых губ бешено зашептал:

— Вы едва не лишились жизни! И отняли у меня единственную возможность раскрыть заговор против короны до петергофского бала! Оправдания?! Вряд ли такие найдутся во всей Староросской империи!

Понимая негодование маркиза, я пыталась сдержать горячие слезы, уже струящиеся по щекам. Но несправедливость его обвинений вынудила едва слышно прошептать:

— Вы ведь сами приказали...

— Приказал что?! — разъяренно выкрикнули мне в самые губы.

— Воспользоваться воздушным порталом... в записке...

Запоздало понимая, что попала в ловушку, я лишь взмолилась, чтобы конверт, поданный мне на подносе дворецким, все еще ждал у двери. Ведь зная характер маркиза, не оставалось никаких сомнений: без доказательств он не поверит ни единому моему слову.

— Там, наверху... у самых дверей...

Глаза господина Левшина расширились от посетившей его догадки, и он, разом выпустив меня из объятий, метнулся к лестнице. Вернулся назад всего через несколько минут, яростно сжимая в пальцах клочок злополучной бумаги. И с нескрываемой ненавистью проорал:

— Это не мой почерк, Ольга!

Это оказалось выше моих сил. Понимая, что попалась на крючок так позорно, я все же должна была оправдаться:

— Но я... мне неизвестен ваш почерк, маркиз! А послушаться вашего приказа я не могла...

Господин Левшин ругнулся. Грубо. Схватив меня за руку, бешено рванул на себя и с неприкрытой яростью закончил:

— Мы слишком мало знаем друг о друге, не находите? Удавшийся заговор... Ждите меня в спальне! И на сей раз, Ольга, должен предупредить: вы горько пожалеете, если я не найду вас в комнате на исходе ночи!

Повинуясь приказу супруга, позволила ему лично провести меня в комнату. И лишь когда входная дверь громко хлопнула, дала волю слезам. Теряясь в догадках, удалось ли спастись моему отцу, я провела почти весь остаток ночи у окна в тщетных попытках услышать или разглядеть хоть малейший намек или подсказку. Но спящий Петергоф был глух к сердечным молитвам, и с первыми каплями утреннего дождя, оросившими траву перед теперь уже моим домом, я сдалась.

Было пасмурно. От этого ли или оттого, что за ночь со мной случилось много дурного, мне стало неимоверно холодно — так, словно бы я находилась не в теплой спальне родового дома Левшиных, а в крошечной тьме пещеры без малейшего намека на очаг.

Зябко пожившись, я с трудом расстегнула плотное шерстяное платье, изрядно промокшее после приключений в порту и уже слегка подсохшее за ночь. Оставила его на спинке кресла, тут же сбросив тяжелые туфли. И, обхватив себя руками, легла на кровать под покров мягкого пледа и пухового одеяла, накрывшись до самой макушки.

Сквозь ворох тканей слышала все учащающиеся капли дождя, мелко шуршащие по свежей траве. Под их мерный стук глаза начали слипаться даже несмотря на то, что меня все еще бил озноб, и когда шепот дождя превратился в отдаленные шаги, наконец уснула.

А дождь...

Он зазвучал по-иному. Тихо, очень знакомо прошелестел по толстому ворсу ковра, видимо, пробравшись через плохо запертое окно. И обнял меня горячими ладонями, прижав к себе так сильно, что дрожь отступила.

В этих объятиях было по-настоящему тепло и уютно. А еще они пахли так приятно, что даже во сне у меня закружилась голова, принося с собою образ Николая. Почему-то во сне его имя давалось мне легко, растекаясь по губам сладкой патокой, и я позволила себе снова прошептать его... во снах можно многое.

Объятия на миг замерли. Выдохнули горячо в губы и, сняв с них сладость произнесенного имени долгим поцелуем, снова сомкнулись вокруг меня прочным коконом, сквозь который больше не проникало ничего, кроме невероятного ощущения нежного покоя.

Я теснее вжалась в это тепло, уткнувшись носом в привычный запах огня и гари, и наконец оставила этот долгий день позади.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой звучат первые отголоски бунта, принося Ольге Савельевне конверт с императорским вензелем

*Пришло время, надвигается на всех нас
громада, готовится здоровая, сильная буря, которая
идет, уже близка...*

А. П. Чехов. Три сестры

— Доброе утро, маркиза. — Обнимавшее меня ночью тепло говорило голосом его сиятельства. — Пора вставать!

Раскрыла глаза, увидев перед собой широкую обнаженную грудь Николая Георгиевича, густо покрытую темным волосом. И молниеносно отпрянула от него, пытаясь натянуть одеяло как можно выше.

Догадка озарила яркой вспышкой стыда, потому как этой ночью... я безо всякого смущения тесно прижималась к маркизу, пытаясь найти в нем такое желанное тепло и покой, а поцелуй... он мне вовсе не приснился!

— Если укроетесь еще чуть выше, задохнетесь от жары — уже почти полдень! — Короткий смешок и полный довольства взгляд его сиятельства. — Нам стоит торопиться!

— Торопиться? — переспросила, краем сознания понимая: что-то не так.

Но лишь сейчас, окончательно проснувшись, расслышала гулкий шум десятка голосов, звенящий за окном. А ведь оконные рамы плотно закрыты и к тому же укрыты магическим пологом Николая Георгиевича. Неужели огненный маг снял с особняка привычную защиту? Но зачем? Или причина в другом и голосов слишком много?

Под насмешливым взглядом господина Левшина, подчеркнуто внимательно следящего за каждым моим движением, дотянулась до

тонкого халата, оставленного у постели горничной, и, забрав его под одеяло, мгновенно надела.

— Вы могли бы и отвернуться! — с чувством укорила супруга.

— Мог бы, — согласился тот. — Если бы видел в этом хоть каплю здравого смысла. Ночью между нами едва ли была тонкая ткань вашей сорочки. Так к чему эта наигранная робость сейчас?

Умирая от стыда и смущения, я с трудом сдержалась, чтобы не наговорить маркизу того, о чем тут же пожалею. Старательно отводя взгляд, указала лишь на очевидное:

— Вам прекрасно известно: после потрясения от случившегося накануне я вряд ли понимала, что рядом со мной — вы.

— Правда? — Глаза супруга грозно блеснули, в голосе проявилась сталь, после чего он с нескрываемым сарказмом спросил: — И кто же, по-вашему, мог оказаться в этой постели помимо меня?

Сомнение маркиза в том, что я могла принимать в своей постели... визитеров, не осталось незамеченным. И я, вздрогнув, застыла при этом намеренном и незаслуженном обвинении.

Окинув меня испепеляющим взглядом, господин Левшин напряженно встал с кровати и гневно проследовал к креслу, на котором лежала свежая сорочка. В темно-коричневых брюках, облегающих стройные ноги, с обнаженным мощным торсом, он выглядел совсем не так, как обычно.

Казалось, воздух вокруг него был наэлектризован, а в самом огненном маге ощущалось нечто дикое, что роднило его с подвластной стихией: уверенные движения, одновременно обманчиво плавные, но при этом исполненные такой мощи, что несколько пуговиц не выдержали напора, отлетев на драгоценный ковер. А ведь маркиз виртуозно владел собой.

Стараясь держать себя в руках, попыталась сгладить ситуацию:

— Я не это хотела сказать. — Оставшись без его тепла, под бросаемыми в мою сторону ледяными взглядами, зябко поежилась. Да и огненный запах исчез, забрав с собой ощущение покоя...

— Но именно это вы и сказали, — бросил Николай через плечо. — Собирайтесь, прошу вас!

В который раз понимая, что спорить с супругом абсолютно бессмысленно, скользнула босыми ногами по мягкому ворсу,

незаметно прошмыгнув к окну. Гул все нарастал, заполняя пространство уютной спальни.

Осторожно выглянула за полупрозрачную занавеску — и миготом отпрянула в спасительную тень, расслышав позади себя непререкаемо властное:

— Не смейте выглядывать в окно!

Однако, несмотря на запрет его сиятельства, кое-что мне все же удалось разглядеть. Широкая каменная дорога, обычно пополудни пестрящая позолотой карет и дорогим убранством экипажей, этим утром оказалась густо усыпана простыми людьми в изношенной одежде, свирепо выкрикивавшими враждебные фразы. Но прислушаться к ним господин Левшин не позволил, чуть мягче сообщив:

— В Петергофе сегодня беспокойно. Не стоит излишне провоцировать толпу. — Уже одетый в удобный дорожный костюм из мягкой коричневой шерсти, Николай Георгиевич несколькими магическими вспылками наспех возвращал безжалостно вырванные пуговицы. Закончив с одеждой, отодвинул кресло, предлагая мне занять свое место, после чего продолжил: — Ставни по всему дому закроют немедленно, запечатав внутреннюю жизнь особняка до восстановления спокойствия.

Бросив мимолетный взгляд в окно, он позволил себе на редкость нелицеприятное высказывание о происходящем, снова развернувшись ко мне:

— Похоже, бунта не миновать. — Поджатые губы выдавали недовольство чиновника. И даже мне было заметно: каждую минуту маркиз просчитывает возможные варианты, готовясь отвести нападение от цесаревича. — Прикажите своей камеристке собрать все необходимое: через два часа мы отправимся в поместье Левшиных, что в Шуваловке. Там очаг родовой силы, дом надежно укреплен.

Судя по голосу маркиза, он все уже решил, не оставив мне ни шанса для неповиновения.

— К тому же людям в тех местах хорошо известно, кто мы такие, — наш род многое сделал для окрестных деревень, навсегда заслужив их преданность. Мы выстоим, даже если это жалкое сопротивление перерастет в нечто большее.

— Нечто большее? — Резко задохнувшись от ужаса, я впервые осознала, о чем говорит Николай Георгиевич. Похоже, салонные слухи, столь скудно доносившиеся до классных комнат в Хвойном, готовились свершиться.

Я по-другому взглянула на своего, пусть и вынужденного, супруга, внезапно заметив в пролегших под глазами темных кругах печать смертельной усталости. Черты благородного лица едва ли изменились, но что-то в глубине карих глаз выдавало затаенную тревогу.

А ведь маркизу сейчас приходилось нелегко. На его плечах лежала не только защита самого цесаревича, но и сохранение имперской власти в Старороссии. И пусть огненный маг не позволял чувствам найти выход, но он, как и все, был человеком, нуждающимся в тепле не меньше прочих.

Перешагнув через ущемленную гордость и забыв о недавнем разногласии, мягко коснулась ладони мужа, спросив дрогнувшим голосом:

— Неужели ваши худшие опасения грозят исполниться?

Господин Левшин устало потер виски, выдав этим простым жестом тяжелую бессонную ночь.

— Вам следует знать, Ольга: многие из изменников, присутствовавших вчера на кораблях, уже мертвы, — холодно сообщил он, всем своим видом давая понять, что жертв может оказаться гораздо больше, если потребуется. — Кто-то погиб во время сражения, другие казнены рано утром. Но считать проблему решенной пока рано.

Сняв белоснежную салфетку, огненный маг с ненавистью в голосе продолжил:

— Среди народа пущен слух о том, что старый император почил, а молодой цесаревич едва ли удержит престол. В свете бедственного положения государственной казны и раздора внутри высокородных семейств, которым последние смерти не добавили любви к августейшему дому, разгорается сила, готовая смести гораздо больше, чем один лишь императорский престол. Боюсь, нам с вами ничего не остается, как покинуть Петергоф до предстоящего бала. За это время уличный бунт будет подавлен, престолонаследник определится с невестой, и, надеюсь, все встанет на свои места.

Каждое слово маркиза казалось правильным и понятным, кроме одного...

— Но как же мой отец? Я не могу уехать из города, бросив его здесь! — Помня, как вчера ночью в бесчувственно лежащем на моих руках теле едва теплилась жизнь, надеяться на чудо не приходилось. И все же, если оставалась хотя бы малейшая возможность спасти его, я должна ею воспользоваться. — Прошу вас, позвольте мне остаться, чтобы ухаживать за ним!

— Ни в коем случае! — незамедлительно откликнулся огненный маг. — Обещаю вам: вы сможете навещать графа Ершова, как и сам Петергоф, в моем сопровождении едва ли не каждый день. К тому же герцог Соколов напрочь отказался покидать стены императорского госпиталя до полного выздоровления зятя. Но вам находиться здесь слишком рискованно.

Дед останется вместе с отцом? Волна глубокой благодарности затопила мое сердце, потому как я отчетливо понимала, чего стоило ему это решение. Многолетнее, урывками — исключительно по необходимости — их общение с отцом заметно испортило и без того плохие отношения. А после смерти матери контакта не стало вовсе. Но сейчас... Герцог Соколов поступал единственно верным образом, оставаясь для меня образцом во всем.

Пришлось согласиться с его сиятельством, позволив ему усадить меня за стол. Завтрак подали без промедления, но по тому, как старательно прислуга отводила глаза, поняла: маркиз рассказал мне не все.

— Ваше сиятельство... — Подождав, пока девушка покинет комнату, настойчиво взглянула на супруга, тут же поправив себя: — Николай, что произошло?

Дожевав отрезанный кусочек бекона и запив его чаем, господин Левшин промокнул губы салфеткой.

— Ввиду тревожных событий, случившихся накануне, пришлось задержать дворецкого, служившего в доме последние пять лет. Сегодня поутру его казнили вместе с остальными изменниками. — Маркиз говорил об этом обыденно, и только по крепко сжатым вокруг чашки пальцам я поняла: огненному магу это признание дается нелегко.

Понемногу становилась понятной чрезмерная подозрительность супруга: вряд ли он ожидал предательства от человека, столь

приближенного. А ведь всего пару дней назад на него напали в доме женщины, делившей с ним постель, и если к этому добавить происшествия с некромантом...

Едва ли стоило обманываться в том, чтобы маркиз позволил себе хотя бы кайлю доверия в мой адрес. Да и кто я для него? Дочь предполагаемого изменника? Навязанная глупыми законами морали жена? Или же та, кто вонзит клинок в спину, когда он не будет того ожидать?

Нет, требовать в такой сложный момент от господина Левшина доверия было бы крайне недальновидно. Впрочем, с учетом обстоятельств заключенного договора, скорее всего, этому уже не суждено случиться. Осознание безвыходности наших с маркизом отношений внезапно обрушилось на плечи тяжелым грузом, испортив и без того дурное настроение.

Завтракали молча. Быстро расправившись с воздушными пышками, поданными вместе с сочными фруктами, я наскоро запила все уже успевшим немного остыть теплым чаем. И, дождавшись разрешения его сиятельства, встала из-за стола:

— Мне нужно привести себя в порядок.

Находиться в присутствии мужа в одном лишь халате было непривычно. Да и волосы, намокшие вчерашней ночью, лежали на плечах пушистым облаком, которое следовало бы немедленно причесать.

Спешно пройдя в ванную комнату, выбрала тонкую темно-синюю юбку из джерси, чудесно подходящую для весеннего утра, дополнив ее нежно-голубой хлопчатобумажной блузкой. Тщательно расчесала спутанные локоны, стянув их на затылке в аккуратный узел, и лишь затем внимательно осмотрела себя в зеркале.

Оставшись довольной увиденным, вышла к уже закончившему завтракать супругу.

— Времени осталось немного. Поторопитесь, Ольга. Нам нужно выехать в течение часа.

Кивнув, позвала к себе горничную, привезенную из дома деда, и наспех собрала то, что могло оказаться нужным. Взглянула на настенные часы, понимая, что минута в минуту уложились в отведенное время, и шагнула в распахнутую дверь.

По коридору в форменной одежде сновали слуги. Они торопливо несли к парадной двери разного размера коробки и чемоданы с вензелями лучших портных и сапожников Петергофа, а отдельная вереница из картонок со шляпами заставляла удивиться размаху предстоящего переезда. Сдержанно ответила несколькими горничным, по пути вежливо поздоровавшимся со мной, и по широкой лестнице спустилась в просторный холл, где меня уже ждал супруг.

— Надеюсь, вы сложили несколько вечерних платьев? — уточнил он, принимая твердой ладонью мои пальцы. — Несмотря на вынужденное отсутствие в Петергофе, несколько выходов в свет мы все же совершим. И сегодня — первый из них.

— Театр? — Неприятные воспоминания о непререкаемой властности маркиза и его холодной решимости, с которыми он сминал малейшее сопротивление, видимо, отразились на лице отчаянным испугом, отчего господин Левшин натянуто улыбнулся:

— Не сегодня, моя дорогая. Вот, смотрите.

Он протянул мне небольшой конверт из драгоценной лощеной бумаги, украшенной гербом императорского дома. Едва сдержав удивление, аккуратно сломала сургучную печать, вытащив наружу белоснежную карточку с золочеными буквами.

«Ее императорское величество Екатерина Дмитриевна рада приветствовать на светском рауте, даваемом в честь ежегодного открытия сезона, маркизу Ольгу Савельевну Левшину».

И еще — несколько слов о месте и времени встречи.

— Что это? — Запоздало поняла, что наряд для столь высокого случая вряд ли отыщется во всем моем гардеробе, потому как новые платья были пошиты лишь для первых выходов в свет, а положенную по случаю выпуска из пансиона встречу с модисткой я пропустила. — Разве возможно, чтобы сама императрица приглашала меня на раут?

Однако супруга, похоже, лишь забавляла моя растерянность. Он вынул конверт из моих рук, бережно опустив его в карман своего жакета, с лукавой улыбкой поясняя:

— Мы с Павлом дружны со времен учебы в институте, вам это, должно быть, известно.

Вспомнив о том, что рассказывал дед, кивнула, получив чуть больше разъяснений:

— Я давно вхож в дом императора, и в оставшиеся шесть дней вам не остается ничего иного, кроме как, отдавая дань роли хорошей супруги, следовать за мной. Кстати, конверт нужно сберечь: на нем магическая печать, без которой вас не пропустят во дворец.

— Но... наряд...

— Вам чудесным образом шло белоснежное шелковое платье, надетое по случаю помолвки.

— Украшения?

— Кажется, о них мы уже договорились. У вас есть замечательный комплект из ожерелья и кольца, — маркиз позволил себе чувственно провести ладонью по моей шее, — которые в оставшиеся дни сделки вам снимать категорически запрещается. Ясно?

Пришлось согласиться. И хотя рубины были не совсем позволительны для первого выхода молодой девушки в свет, но для замужней дамы вполне подходили. Пришлось нехотя напомнить себе: со вчерашнего дня любые камни были допустимы для моих туалетов.

Отвлекая меня от мыслей о предстоящем рауте, маркиз настороженно прислушался к усиливающемуся шуму, долетавшему через плотно закрытую дверь.

— Ничего не бойтесь, ясно? — Супруг вновь превратился в чиновника кабинета его императорского высочества, проявив во взгляде холодную ярость. — И держитесь рядом, что бы ни происходило.

Он подал руку, уверенным шагом выйдя в открытую дверь.

Толпа гудела. Смолкнув на мгновение, десятки горожан растерянно воззрились на нас, и спустя полминуты возбужденный гул полностью стих. Открытая враждебность и недовольство сменились испуганным замешательством, и в потрясенных взглядах засквозила паника. Маркиз же...

На лице моего супруга не дрогнул ни единый мускул, пока он чинно вел меня к карете. Его движения были размеренными и четкими, а холодный взгляд был готов испепелить пламенной стихией любого, кто осмелится сделать лишний шаг в нашу сторону.

Усевшись в экипаж, бросила последний короткий взгляд в окно, прежде чем господин Левшин скрыл его алым всполохом, и лошади

сорвались на скорый бег. Чтобы не показать терзавшего меня волнения, постаралась как можно незаметнее спрятать дрожащие пальцы в складках юбки, тут же расслышав:

— Рядом со мной вам нечего бояться, моя дорогая.

— Я... знаю. — Бросила полный благодарности взгляд на своего супруга. — И я... вам очень признательна.

Он удивленно сложил руки на груди, подозрительно оглядев меня:

— Не желаете объясниться, чему обязан? — Маркиз криво улыбнулся, проявив этим всю степень недоверия ко мне.

Первым моим желанием было ответить столь же язвительно. Или же промолчать, вновь проглотив незаслуженную обиду. Но я напомнила себе: на оставшиеся шесть дней наши судьбы неразрывно связаны друг с другом, и я... я ведь искренне обещала господину Левшину стать ему хорошей женой. Набравшись храбрости сделать шаг навстречу супругу, произнесла со всем чувством:

— За отца и еще... вы ведь были вчера у цесаревича, верно? Ночью, когда оставили меня дожидаться вас в спальне? Я догадалась об этом по тому, что вы так и не ложились спать до рассвета, вернувшись домой изрядно уставшим. — Коснулась ладонью его плотно сжатых пальцев, растерянно понимая, что взгляд маркиза с каждым произнесенным словом становится все более жестким. — Думаю, разговор вышел не из легких, а всему виной моя глупость, когда я не смогла различить такую постыдную уловку заговорщиков... Понимаю, что едва ли заслуживаю вашего прощения, но все же мне хотелось бы, чтобы вы знали: я всей душой благодарна вам!

Упоминание о визите к цесаревичу заставило губы его сиятельства превратиться в прямую линию, и я с запозданием осознала, что в сказанном он разглядит лишь еще один повод для недоверия. Принесенная мною жертва обернулась еще большим потрясением, когда господин Левшин с нескрываемым цинизмом произнес:

— А вы ведь понимаете гораздо больше, чем кажется. Верно, моя дорогая? — Подозрение снова сквозило в каждом слове, напроочь сметая безмерную благодарность, переполнявшую мое сердце всего минуту назад. — Может быть, именно этим объясняется ваша неожиданная нежность, подаренная мне этой ночью?

Незаслуженное обвинение больно отозвалось в груди и зажглось ярким румянцем на щеках — как будто мне наотмашь дали пощечину.

— Моя неожиданная нежность, — слова приходилось дробить, чтобы не сорваться, — не стоит ровным счетом ничего. И именно поэтому не продается ни за какие блага. Она либо есть, либо ее нет!

Показательно отвернувшись к окну, до конца дороги не проронила ни слова. Впрочем, маркиз и не настаивал. Он так же нарочито безразлично отвернулся к окну, лишь изредка бросая в мою сторону короткие взгляды, отвечать на которые в свете последних обвинений я не стала.

До поместья добрались довольно быстро — огненная сила, гнавшая лошадей, значительно ускоряла путь. Всего с полчаса — и усадьба Левшиных встала перед нами огромной белой глыбой. Даже из окна было заметно, насколько велики владения огненного мага.

В конце аллеи, по обеим сторонам которой раскинулись многолетние клены в юной по весне шевелюре, стоял огромный белоснежный особняк с широким мраморным подъездом в окружении десятка колонн. У парадной двери выстроилась вереница слуг, ожидавших прибытия хозяина.

— Маркиза? — Николаю Георгиевичу пришлось поторопить меня. — Не задерживайтесь. На все у нас есть не более двух часов.

Подав затянутую в белую перчатку руку, позволила супругу подвести меня к дому и представить прислуге. Приятно удивилась, поняв, что господин Левшин не солгал ни словом: здесь им действительно восхищались, не проявляя ни малейшего намека на недовольство.

Пройдя в широкую двустворчатую дверь, поняла, что поместье ничем не уступает по размаху петергофскому особняку: дом был обставлен с тем же тонким вкусом, что и в городе, быть может отличаясь лишь чуть более тяжеловесной мебелью, характерной для убранства большинства загородных резиденций.

Мои покои, как и в Петергофе, оказались смежными с комнатами его сиятельства.

— Вы можете обставить здесь все по своему вкусу, — заверил Николай Георгиевич, раскрывая тяжелую дверь. Но выражение его лица тут же приобрело холодный оттенок, и он уточнил: — Если, конечно, пожелаете остаться по истечении срока договора.

Огненный маг смерил меня испытующим взглядом, приказав:
— Вы должны быть готовы к шести, не опоздайте.

Глухо хлопнув дверью, маркиз оставил меня посреди огромной гостиной, еще одна дверь из которой открывалась в просторную светлую спальню.

Пригласив камеристку, попросила приготовить горячую ванну. Теплая вода мгновенно смыла тревоги трудного дня, и я немного расслабилась. Как следует вымывшись, вытерла волосы пушистым полотенцем и, облачившись в халат, вышла в спальню.

На широком ложе, укрытом коричневым с золотом покрывалом, блестело шелковое платье, приготовленное к сегодняшнему выходу. Просушив волосы полученной в дар силой, позволила камеристке уложить их почти тем же образом, что и в день помолвки.

И блестящим белоснежным вихрем обернулась на звуки приближающихся шагов.

Маркиз одним лишь взглядом приказал прислуге покинуть комнату, остановившись позади меня. Шеи коснулись горячее дыхание, мгновенно разжегшее волнительное чувство сродни легкому опьянению. Едва устояв на ногах, замерла.

Сквозь настороженность от того, что неприятный разговор может иметь продолжение, внезапно осознала: на сей раз его сиятельство решил оставить взаимные упреки. Облегченно выдохнула, тут же ощутив новую волну ласки.

Пальцы супруга запорхали по коже, рождая на ней вереницу мягких огненных вспышек. Закрыв глаза, внезапно задохнулась от острого восторга, едва сдержав тихий стон, и вовремя прикусила губу, когда поняла, что маркиз склонился к моему ушку, опалая его своим дыханием.

Слабо отдавая себе отчет в происходящем, отклонилась назад, окунувшись в жар ставшего огнем тела. Легкий вздох и тихий смех, за которым от ладоней его сиятельства по коже пробежали крошечные искры. От этих огоньков рождалось ласковое тепло, сворачивавшееся под кожей тугим узлом. И мне стоило огромных усилий удержаться, чтобы не обернуться к супругу, проявив нежность, случившуюся ночью.

Будто бы умея читать не просто мысли — желания, маркиз уже в следующий момент развернул меня лицом к себе и заключил в

объятия, накрыв губы яркой вспышкой. Голова закружилась, в разы усиливая краски чувств, и, кажется, моя робость совсем исчезла, потому как ладони вспорхнули к шее супруга, сползая с каждой секундой все ниже к груди.

Позволив понять свои желания, господин Левшин медленно прижался ко мне всем телом. Заскользил губами по влажной шее, по пути игриво поясняя:

— Еще немного — и мы окажемся не на светском рауте, а в вашей постели. — Он нежно сцеловал остатки сладости с губ, заставив меня раскрыть глаза.

Качнувшись, я снова оказалась в его объятиях, постепенно возвращаясь в настоящее. С разочарованием поняла, что волшебство момента безвозвратно утеряно, и крепко сжала кулаки, пытаюсь увеличить расстояние между нами.

— Спустя пятнадцать минут мы должны быть во дворце, Ольга, — уже серьезнее произнес господин Левшин, с сожалением заглянув в глаза. — Императорское приглашение отклонить невозможно.

Он коснулся разгоряченными губами моего лба, бережно приподняв рукой подбородок, и, словно бы извиняясь, произнес:

— Но я с удовольствием продолжу вечер с того места, на котором мы остановились. Если вы, моя дорогая супруга, все так же изъясите желание.

Последнее слово особенно выделилось маркизом, заставив меня пристыженно опустить взгляд.

— Вы стесняетесь своих чувств? — Николай Георгиевич, похоже, запоздало понял свою оплошность, тут же предприняв попытку ее исправить: — Не нужно. Поверьте, это единственное, что стоит хотя бы чего-то в нашем мире.

Он нехотя отстранился и, снова заглянув в глаза, достал из кармана черного фрака довольно широкую коробку, покрытую черным же бархатом:

— Позвольте? Ваш гарнитур неполон, а мне было бы совестно, если бы моя супруга вышла в свет без должного лоска.

Приподняв крышку, господин Левшин достал пару восхитительных серег и тонкий обод браслета, прекрасно

гармонирующих с теми украшениями, которые уже были у меня. Настойчиво попросил:

— До конца недели не снимайте этого, Ольга. Вам понятно?

Послушно кивнула, проведя кончиками пальцев по изящным камням:

— Они прекрасны, благодарю вас... Николай.

— Артефакты, — пояснил он. — И тоже фамильные.

Позволив супругу помочь надеть украшения, раздумывала, является ли это подношение подарком лично мне или все же супруге его сиятельства. Однако, в итоге придя к выводу, что фамильная ценность должна остаться в семье маркиза, проговорила:

— Я... верну украшения, когда все закончится.

Огненный маг резко замер. Заледенел, словно превратившись в каменную статую, и ровным голосом, не выражавшим ни единой эмоции, согласился:

— Как скажете.

Не до конца понимая, чем так расстроила его сиятельство, я с недоумением подняла на него глаза.

— Ваш плащ, маркиза. — Старательно избегая столкновения взглядов, господин Левшин легко набросил мне на плечи нарядную накидку из тонкой шерсти. — Мы опаздываем.

Позволив супругу обнять себя, хотя в это мгновение его прикосновение мало чем походило на объятия, ощутила знакомое чувство свободного падения, за которым остро проявились запахи моря. Петергоф?

Императорский дворец ошеломлял редким богатством и великолепием. Белоснежный, щедро украшенный золотом, он притягивал взгляд сотней фонтанов, мелодично журчащих под шум собравшейся в великолепном парке толпы разряженных гостей.

Затаив дыхание, я позволила маркизу увести себя к веренице приглашенных, устремляющихся к высоким дверям.

— Как только войдем, — холодно предупредил Николай Георгиевич, — цесаревич пригласит меня к себе. Вас же уведут в салон императрицы.

Он ненадолго остановился у зеленой ограды, за которой нас было не разглядеть. Слегка вжал меня спиной во влажную по вечерней росе

листву, оставив одну руку у самого лица, чтобы другой приподнять подбородок, пронзительно заглянув в глаза.

Со стороны могло казаться, что мы — всего лишь влюбленная пара, пожелавшая уединиться. Видимо, на то и был расчет маркиза, который, низко склонившись к моему лицу, без тени улыбки предупредил:

— Будьте осторожны, Ольга. Сегодня вы окажетесь среди блистательных дам всех высокородных семейств Старороссии, а накануне волнений это не лучшее место...

— Я понимаю. — Нервно сглотнула, тщетно пытаюсь привести чувства в порядок. Пусть наши с маркизом отношения оставляли желать лучшего, но все же... я полагала, что на предстоящем рауте мы будем вместе, и это придавало сил. Теперь же... у меня словно выбили весь воздух из груди, и стоило невероятных усилий держаться так, как того ожидал свет от молодой маркизы Левшиной.

— Я буду рядом, если понадобится. — Николай Георгиевич склонился чуть ниже, стараясь говорить еще тише: — Но вам следует знать: на территории дворца все порталы отслеживаются, поэтому кольцо... им пользоваться нельзя. А вот серьги — напротив. Согрейте руками камень — и я пойму, что вы нуждаетесь во мне. Все ясно?

Обратив полные страха глаза к его сиятельству, я постыдно вцепилась пальцами в ладонь маркиза, выдавая даже самые глубинные сомнения и страхи перед предстоящей встречей.

Все будет хорошо, — чуть смягчился он. Ласково провел большим пальцем по подбородку, пытаюсь успокоить меня. Ненадолго замер, словно бы решаясь, как поступить, и наконец легко коснулся моих губ.

Никогда бы не подумала, что одно прикосновение может вернуть человеку покой, но, ощутив губы мужа на своих, я почему-то отчетливо поняла: он сдержит слово. И, доверившись ему, позволила провести меня внутрь.

Как и предупредил Николай Георгиевич, едва мы вошли в просторный холл, слепивший блеском идеально начищенных полов и золотом статуй, к нам тут же подоспел элегантно одетый лакей, подавший на серебряном подносе конверт господину Левшину. И уже мне:

— Ваше сиятельство, императрица ожидает вас в своем салоне. Прошу, следуйте за мной.

Попрощавшись с маркизом легким пожатием пальцев, проследовала за лакеем вглубь дворца, стараясь запомнить каждый шаг пройденного пути. Пусть со стороны это могло показаться обычной детской глупостью, но все же ощущение контроля над положением постепенно возвращалось ко мне.

Остановившись у двустворчатых дверей, расслышала громкое:

— Ее сиятельство маркиза Ольга Савельевна Левшина.

Присела в глубоком реверансе, сделав несколько шагов в сторону Екатерины Дмитриевны лишь после легкого кивка и довольно любезного:

— Прошу вас, моя дорогая, присаживайтесь.

Этим вечером царствующая императрица выглядела великолепно. Затянутая по последней моде в несколько слоев блестящего шелка цвета дорогого шампанского, она гордо сидела в высоком кресле, обилие позолоты в обивке которого не могло не напомнить об императорском троне.

Вокруг ее величества столпилось несколько фрейлин самого разного возраста из высокородных семейств. Все они больше походили на алчных сорок, с готовностью кружащих над блеском дорогих камней, усыпавших шею и руки императрицы. Но она словно бы не замечала этого, величественно улыбаясь всем сразу и каждой по отдельности.

А ведь Екатерина Дмитриевна по-прежнему была хороша. Тонка в осиной талии, изящна жестами — она притягивала взор, рождая желание существовать вблизи нее. И улыбка ее — в меру снисходительная, в меру располагающая к беседе, казалась... да, именно такой, как и сама ее обладательница, — во всем знающей меру.

— Давно среди моих фрейлин не было столь юного и очаровательного создания. — Императрица благодушно окинула взглядом мой туалет, оставшись довольной им. Лишь чуть дольше положенного задержала взор на фамильных камнях. Догадалась? — Расскажите же нам, как вам удалось украсть сердце самого чиновника кабинета его императорского высочества?

Десятки глаз уставились на меня со смесью удивления и едва скрываемой неприязни, а кое-где послышался завистливый шепоток. Показалось?

Пропустив несколько ударов сердца, позволила себе приподнять глаза лишь на миг, чтобы дать ответ:

— Боюсь, ваше величество, моя история слишком скучна для столь изящных слушательниц.

Екатерина Дмитриевна гортанно рассмеялась, оценив инстинктивную попытку уйти от нежелательной темы.

— Бросьте излишнюю скромность, моя дорогая! — Императрица вмиг засияла, радушно раскрыв ладони. Похлопав рукой по невысокому креслу подле себя, она жестом пригласила меня составить ей компанию. — В высоких родах давным-давно известен тяжелый нрав вашего супруга, снести который под силу лишь моему сыну. Быть может, объяснением всему — сдержанность неопытной молодости, готовой закрыть глаза на то, что зрелый взгляд отринуть уже не может?

Глаза Екатерины Дмитриевны светились добротой и заботой, но в словах сквозил невысказанный упрек. Ощувив легкое волнение, я осторожно улыбнулась:

— Я искренне восхищаюсь маркизом, ваше императорское величество.

— Вот как? — Брови императрицы поползли вверх, на секунду лишив ее магического очарования. Но она быстро вернула себе ореол блистательности, заметив: — Впрочем... это понятно. Господин Левшин всегда умел обращаться с юными дамами.

Укол.

В душе разливается неприятное чувство, преступить которое, затаив эмоции и оставшись внешне безупречно спокойной, совсем нелегко. Только мне совершенно ясно: здесь не время и не место для переживаний.

Да и что в прошлом маркиза могло лишить меня покоя? Всего неделю назад я и подумать не могла о том, что стану женой чиновника кабинета его императорского высочества. И если его сиятельство выполнит условия сделки — а в честности супруга, в отличие от его сдержанности, сомневаться не приходилось, — уже спустя всего шесть дней я смогу уехать так далеко от Староросской империи, как только возможно, если, конечно...

— Знаете, моя дорогая, а ведь у нас, маленьких женщин, гораздо меньше возможностей проявить себя, чем у наших прославленных мужей. Так не стоит ли нам держаться вместе? — Екатерина

Дмитриевна вновь благосклонно улыбнулась, предложив раскрытую ладонь, на которой ярко вспыхнула силовая сфера.

Подняла вопросительный взгляд на ее императорское величество, расслышав то, ради чего была приглашена на раут:

— Я предлагаю вам службу, Ольга Савельевна. Ваша верность в обмен на расположение самой императрицы. Что скажете?

Августейшее предложение не имеет права отказа — это аксиома. И возможных вариантов ответа — лишь один.

В горле пересохло. Не успев произнести ни слова, ощутила, как ладонь сама скользнула к теплomu камню подаренных серег. И постаралась как можно скорее согреть его жаром уже подвластной мне огненной стихии.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Ольга обретает и теряет все одновременно, а господин Левшин возвращается к руинам

Туман стал так силен, что, несмотря на то, что рассветало, не видно было в десяти шагах перед собою.

Л. Н. Толстой. Война и мир

А ведь раньше я не знала, что кровная клятва дается с такой болью.

Слова, произносимые мною, тут же выжигались буквами на тыльной стороне ладони, и мне стоило огромных усилий, чтобы, прикусив губу, сдержать крик.

Буквы появлялись и тут же гасли, навсегда запечатывая данное обещание:

«Я, маркиза Ольга Савельевна Левшина, кровью клянусь быть верной ее императорскому величеству Екатерине Дмитриевне. Залогом клятвы оставляю свою жизнь».

Последний символ, догорев, втянул под кожу каплю едва проступившей алой жидкости, когда в комнату твердым шагом вошел маркиз. В идеально сидящем черном фраке, надетом поверх белоснежной сорочки из прекрасного шелка, в строгих прямых брюках и блестящих черных туфлях из драгоценной кожи аллигатора, он мгновенно заставил сорочьи голоса испуганно затихнуть. Головы высокородных дам, все как одна развернувшихся в сторону чиновника особого кабинета, уважительно склонились.

Атмосфера в салоне тут же изменилась. Властность, с которой императрица восседала на кресле-троне, всего за один миг дрогнула, уступив место привычной женской мягкости, потому как вслед за господином Левшиным уверенно вошел цесаревич, за которым салон заполнили другие министры.

Окинув меня скорым взглядом, супруг внимательно посмотрел на покрасневшую ладонь. Едва заметно поджал губы, выдавая этим внутреннее негодование, и слегка склонил голову в успокаивающем жесте, чтобы показать: знает. Только недовольство прячет не из страха перед монаршей особой, но потому, что сам цесаревич просил его об этой услуге.

Спасительное облегчение разом лишило остатков боли, позволив сделать глубокий вдох, когда возле меня возникло облако знакомых ароматов. Престолонаследник неторопливо прошел к креслу матушки, низко склонился, выразив глубокое почтение и сыновнюю любовь, и коротко поцеловал протянутую ручку. Уже выпрямившись, шутливым тоном произнес:

— Боюсь, милые дамы, вы недопустимо долго находились без мужского общества. Позвольте исправить ситуацию.

Императрица тут же нежно сжала пальцы сына, приняв легкий тон беседы:

— Вы и вправду задержались, мой дорогой. Пожалуй, госпожа Третьякова успела заскучать. Верно, Елизавета?

Она обернулась к невысокой девушке лет двадцати пяти, одетой довольно блистательно, по меркам высшего света, но обладающей весьма неброской внешностью. С обычными светло-серыми глазами и узким овалом лица в обрамлении негустых русых волос, скромная фрейлина едва не затерялась в ожившей толпе своих более ярких товарок.

Но вот госпожа Третьякова улыбнулась Екатерине Дмитриевне — тепло, дружественно, и мне вдруг стало ясно: именно ее выбрали на роль невесты наследника.

Цесаревич тут же подошел к названной девушке, галантно коснувшись ее руки губами. Очаровательно улыбнулся невесте, с видимым интересом заговорив с нею, и пока внимание царственных особ было приковано друг к другу, маркиз украдкой увел меня в сторону.

Остановившись в уютной нише с невысокой кованой скамьей, предусмотрительно скрытой от посторонних глаз обильно цветущим крылатым бересклетом, господин Левшин бережно усадил меня подле себя, незаметно для остальных укрыв пространство вокруг нас прозрачным пологом.

Многоголосый шепот придворных, яркость вечерних платьев и звон наполненных шампанским бокалов перестали существовать, оставив в созданном маркизом пространстве лишь нас двоих.

— Не стоит слишком доверяться магическому положу во дворце, — шепотом сообщил супруг. — Здесь вообще доверять никому нельзя. Кроме меня, разумеется, — убедительно добавил он.

Низко склонившись к моему лицу, он нежно пробежал горячими пальцами по щеке. Заботливо заключил ладони в свои, стянув перчатку с той, что еще не была свободной, и с сожалением произнес:

— Совершенно ледяные... вам холодно?

Пережитое напряжение лишь сейчас схлынуло, и я осознала: руки действительно замерзли. Попытавшись отнять их, почувствовала, как его сиятельство проявил привычную властность, удержав дрогнувшие пальцы. Ласково подул на обожженную кожу горячим дыханием, добавив в него толику огня, и, пронзительно взглядевшись в глаза, угрожающе спросил:

— Вам сделали больно?

В голосе маркиза сквозило неподдельное волнение, ставшее еще более заметным, когда пламя вернулось к нему, видимо, сообщив о произошедшем. Глубокая морщинка залегла между темных бровей, когда Николай Георгиевич пустил по коже огненные искры, забирая с собой глухие отголоски свершившейся присяги, и мягко поцеловал догорающие всполохи.

Всего мгновение — и он снова изменился в лице, с холодным блеском глаз осведомившись:

— Кровная клятва, данная вами, обязывает служить Екатерине Дмитриевне, верно?

— Я... да, но... откуда вам известно?

В этот миг мой супруг снова превратился в чиновника, и мне стоило невероятных усилий, чтобы оставаться в его обществе прежней.

— Цесаревич предупредил меня. Жизнь в старом государе едва теплится, так что даже лучшие целители рода Поляковых уже не справляются. — Голос Николая Георгиевича сейчас слишком отличался от шепота, звучавшего в спальне. Жесткий, с твердыми стальными нотками, он заставлял держать спину прямо, словно бы мы находились в его кабинете в министерстве. — Смерть его — дело

нескольких дней, и императрица, ратуя за единственного наследника, пытается укрепить императорский дом всеми доступными ей способами, но... ее методы мне не совсем по душе. Клятву невозможно нарушить, вам ведь известно?

Конечно, являясь наследницей двух высоких родов Старороссии, я прекрасно отдавала себе отчет в том, что такое кровное обещание. Испокон веков главы великих домов клялись на крови в верности императору — так поступали мой дед и отец. Так поступила бы и я после исчезновения четвертого графа Ершова, если бы не ужасное стечение обстоятельств и навязанный брак с его сиятельством. Но теперь главой нашего рода был он, огненный маг, и лишь в его власти было любое важное решение.

— Простите, я... Императрица не приняла бы отказа.

Маркиз снова успокаивающе провел пальцами по щеке, заставив оборвать объяснения.

— Конечно нет, — тепло улыбнулся одними уголками губ, заверив: — Однако, Ольга... в этом вечере есть и толика хороших новостей.

В глазах его сиятельства зажглись задорные искорки, которых я не видела уже очень давно, а сам он внезапно стал похожим на мальчишку, спрятавшего за спиной крошечного щенка.

— Правда? Вы о чем?

Улыбка маркиза стала шире. Убрав непослушный локон с моего лица, он поведал:

— Цесаревич сообщил мне, что ваш отец пошел на поправку. Еще несколько дней — и он придет в себя.

Едва сдерживая радость, с нетерпением спросила у его сиятельства:

— Можно мне увидеть его?

Николай Георгиевич испытующе смотрел на меня всего с минуту, после чего позволил себе еще одну мальчишескую проделку.

— Пожалуй. — Почти невесомое касание губами ладони. — Прямо сейчас его перевозят на госпитальной карете в особняк герцога Соколова в Петергофе. Доставить вашего отца в загородное поместье пока, к сожалению, нельзя: состояние еще слишком нестабильно. Но это всего на пару дней, после которых он прибудет в нашу резиденцию. Ваш дед, к слову, согласился его сопровождать.

Едва не запрыгав от радости, сжала ладонь господина Левшина, горячо поблагодарив:

— Спасибо!

— Пожалуйста, Ольга. — Маркиз снова стал серьезным, чтобы заручиться моим обещанием: — И да, если до конца вечера вы будете вести себя хорошо, я позволю вам навестить их. Мне самому придется вернуться в министерство по срочным делам, но, думаю, одну ночь вам все же можно будет провести в родовом особняке деда. Что скажете?

Остаток раута я старалась во всем угодить супругу. И когда он повел меня в первом вальсе, ослепительно улыбнулась:

— Вы подарили мне чудесный вечер, Николай. Спасибо!

— Правда? — лукаво поддел муж, чуть сильнее прижав меня к своему торсу. — Очень рад, моя дорогая.

Заинтересованные взгляды, бросаемые в нашу сторону придворными господами, почти болезненно ощущались кожей, а несколько раз слишком уж любопытные пары едва ли не сталкивались с нами в танце. Лишь природная грация маркиза наряду с четкостью выверенных, грациозных движений спасали ситуацию.

В перерыве между танцами господин Левшин угостил меня бокалом шампанского, после чего снова закружил в вальсе. И, несмотря на придворный этикет, не позволил принять ни единого приглашения, заверив претендентов на танцы в том, что моя бальная книжка уже заполнена.

— Это неприлично, — с шутливой серьезностью укорила я супруга, когда его рука в очередной раз уверенно легла мне на талию. — В конце концов поползут совершенно неприглядные слухи...

Маркиз приподнял одну бровь, выразив этим степень своего недоверия:

— Правда? Наподобие тех, о которых вас спрашивала императрица? — Заметив мое смущение, он тут же попытался галантно исправить ситуацию: — Среди высоких родов, Ольга, слухи столь же привычны, как частая смена туалетов. Не обращайтесь внимания.

Внутренне согласившись с господином Левшиным, я решила насладиться танцем, намеренно пренебрегая любопытными взглядами

и короткими шепотками, все еще долетавшими до нашей пары. Впрочем, если всего этого не замечать, светский раут можно было считать вполне приятным.

Напрочь забыв о болезненном инциденте с кровной клятвой, я совсем не заметила, как время приема подошло к концу.

Прохладный ночной ветер охладил разруганные щеки, пока супруг вел меня сквозь великолепный парк к дальним фонтанам — месту, с которого гостям было позволено открывать стихийный переход.

Огненный портал раскрылся в петергофском доме деда, прямо посреди привычной с детства спальни. Маркиз помог снять плащ, ненадолго задержав ладони на плечах, и с сожалением заметил:

— Похоже, сегодня мне впервые придется нарушить данное слово. — Он чувственно поцеловал мою раскрытую ладошку, задержав губы чуть дольше положенного.

А ведь я начинала привыкать не только к нему самому, но и к его прикосновениям, становившимся крайне приятными. Быть может, даже больше: что-то внутри меня замирало в предвкушении, когда господин Левшин вот так останавливался рядом, окутывая уютным облаком тепла.

Удивленно приподняла бровь, едва ли понимая, о чем говорит супруг.

— Обещание о продолжении вечера. Помните, маркиза? — Он довольно улыбнулся, разглядев на моем лице тень смущения. — Похоже, его придется отсрочить... скажем, до рассвета. Что думаете?

Обещание господина Левшина пробежало дрожью по коже, отозвавшись в груди острым предвкушением. И осознание этого стало сродни... запретной сладости, безмерное удовольствие от обладания которой могло сравниться лишь с горячим стыдом за содеянное.

Легко разгадав мои мысли, Николай Георгиевич вновь заставил меня взглянуть на него. В теплых карих глазах заплясали искрящиеся чертики, снова превращая чиновника особого кабинета в моего супруга.

Моего?..

Оступившись, я почти упала, но крепкие объятия господина Левшина прочно удерживали. Вожделенно коснувшись губами

крошечной ямки внизу шеи, он продолжил прокладывать цепочку из нежных поцелуев к плечу, с которого мигом взобрался к самому уху:

— Мне кажется, у нас с вами появилась чудесная семейная традиция: встречаться на рассвете в вашей постели после долгих и весьма утомительных приключений. Верно, моя дорогая?

— Вы... правы, — смущенно откликнулась я. — Вот только от последующих утрот препирательств я бы с удовольствием отказалась.

Маркиз весело рассмеялся, нежно прикусив тонкую мочку, хранившую его подарок:

— Как скажете, маркиза. Что ж... вы все помните: из дома не выходить, камни не снимать и дожидаться меня в постели. Обещаете?

Я кивнула, спрятав разгоряченное лицо у него на груди. Но это не удовлетворило маркиза, тут же приподнявшего мое лицо в ладонях, заставив встретиться с ним взглядом:

— Похоже, нам с вами придется научиться разговаривать, моя дорогая. А потому еще раз: обещаете?

— Обещаю, — полусшепот-полустон.

И огненный маг растворился в буйном пламени, напоследок коснувшись меня губами.

Я проследила глазами за тихим ходом часовых стрелок, стремящихся почти к двум часам ночи. С огорчением поняла, что встречи с дедом придется ждать до самого утра, но вот повидать отца, до сих пор находившегося без сознания, было возможно.

Не став пока переодеваться, прошла по коридору, разбудив свою горничную. Попросила ее согреть мне немного молока, уточнив, где расположена комната отца. И, тихо приоткрыв дверь, прошла внутрь и коснулась губами прохладного лба.

Впервые за последние восемь лет я была так близка к нему. И впервые понимала причины его поступков. Глядя на полузабытые, изможденные последними испытаниями черты, вдруг явно осознала: гой детской обиды, что жила во мне все время пребывания в Хвойном, больше нет.

Как и нет сироты Ольги, что жила без семьи...

Теперь у меня есть все: муж, дом и очаг, который нужно беречь. И лишь от моего выбора зависит наша дальнейшая судьба.

С чувством абсолютного, всепоглощающего покоя я вернулась в свою спальню, где уже ждала сонная горничная. Неторопливо

разделась, наскоро приняв теплую ванну и выпив полстакана молока. И, облачившись в гонкую сорочку, легла на мягкую постель, блаженно прикрыв веки.

Сон пришел не сразу.

Живой и пластичный, он как будто изменял пространство вокруг, отламывая от родового дома по крупице. С пронзительным грохотом сыпалась крупная крошка, скрежетали старые ставни. Жалостливо стонали двери, вырванные из петель, а сам дом звал на помощь...

Камень крошился, заставляя глыбу за глыбой падать вокруг меня. Он бы и мое тело подмял под обломками, но каждый раз, когда очередной кусок летел в мою сторону, подаренный маркизом браслет резко раскалялся, рождая защитный огненный полог. И камень отступал.

Кажется, где-то внизу отрывисто закричала прислуга. Всего мгновение — и визг, резко оборвавшись, потонул в утробном рокоте полуразрушенного дома. А особняк продолжал меняться. И во всем этом безумии я расслышала голос, не принадлежащий ни одной живой душе Старороссии:

— Приди ко мне! Ольга... Приди ко мне!

Сопротивляясь мгновенному порыву встать, постаралась плотнее укутаться в одеяло, но не получилось. Ноги словно бы сами спустились с кровати, подчиняясь мертвому голосу. Заскрежетали по полу, усыпанному толченой известью, осыпавшейся с потолка, и двинулись вперед.

Через длинный коридор, по винтовой лестнице — в пространство широкого холла.

Зачем?

Я понятия не имела, зачем спускаюсь в зеленоватое свечение, дурно пахнущее старым хвойным лесом и растревоженным кладбищем, древней силой и людской жадностью. Но не идти не могла.

— Остановись! — новый приказ. — Гляди! Гляди, что ты натворила!

Меня словно бы толкнули, вынудив очнуться ото сна и от того наваждения, которое заставляло следовать чужим приказам. Почти не понимая, где нахожусь сейчас и почему все кругом разрушено почти

до последнего камня, я широко распахнула глаза, пытаюсь разобраться, где во всем этом безумии моя спальня.

Я должна вернуться в комнату!

Еще до рассвета, потому как с первыми лучами солнца ко мне придет мой муж. Он будет уставшим, но не позволит этого заметить. Ляжет тихо на край кровати, схватив меня в охапку, и заключит в смесь пряных ароматов, среди которых будут запахи огня и гари. А еще... еще в его объятиях станет тепло и тихо, спокойно. И мне не захочется открывать глаза, потому как следом его губы найдут мои, а целоваться с открытыми глазами совершенно невозможно...

Но вокруг было по-прежнему темно. Мощным порывом ледяного по весенней ночи ветра мигом загасилось несколько упавших в руины свечей, видимо, слетевших с высокой люстры в гостиную. И увесистый участок последней ровной стены рухнул с протяжным стоном.

Закружив вокруг босых ног стопки измятых бумаг, злой ветер погнал их дальше по улице. А я все не могла понять, что же произошло.

Оглядевшись по сторонам, запоздало потянулась к разрушенному крылу дома, в котором прежде были спальни отца и деда, расслышав позади себя знакомый до боли голос:

— Не стоит туда идти, Ольга. В этих руинах никому выжить не удалось.

Связь со временем испарилась. Осознание накрыло болезненной волной, заставив задохнуться беззвучным криком: едва обретя такой долгожданный покой, я снова все потеряла.

Николай вернулся к цесаревичу тут же, как только проводил юную супругу в родовой особняк ее деда. Принял бокал драгоценного виски из рук друга и, усевшись в высокое кресло, услышал:

— Думаешь, некромант погиб в той схватке?

Господин Левшин и сам задавался этим вопросом, раз за разом теряясь в догадках. Тела тех, кто был с ним на корабле, найти не смогли: огненная стихия испепелила все на расстоянии двадцати метров, не сохранив даже воспоминаний о старом судне. Шансов уцелеть почти не осталось, но сказать наверняка...

— Не знаю, Павел. Должен был. Но все же эта тварь несет в себе кровь Воробьевых, а с ними всегда было много проблем. Помнишь

Смутные времена?

— Как же... отец заставлял заучивать книги по истории наизусть. Даже будил по ночам, каждый раз спрашивая о чем-то новом. Твердил: император не может править страной, о которой ничего не знает...

Николай понимающе рассмеялся:

— Да уж... мой тоже будил меня по ночам! Только я еще и пламенные сферы должен был создавать за считанные секунды. Если не защититься от огня вовремя, потом, знаешь ли, ожоги выводить приходится долго. Особенно без помощи целителей.

Чиноподчиненный отпил еще немного виски, проговорив с грустью:

— Только сейчас я ему благодарен за все.

Молчание затягивалось, возвращая внимание цесаревича к Смутным временам.

— Знаешь, а я ведь тоже все думал о Воробьевых. Помнишь, сколько семейств тогда полегло почти под корень? Родовое дерево едва ли не усохло... а они выжили. Едва ли не в полном составе... — Павел Алексеевич вновь припоминал прочитанное, сравнивая настоящие волнения с давно ушедшими. Понимал: если Старороссия один раз выжила, значит, получится и теперь. — А ведь среди тех казней не уцелел ни один высокородный мерзавец... Что думаешь делать сейчас?

Маркиз позволил себе еще несколько обжигающих глотков, задумчиво размышляя:

— Первые отголоски бунта подавлены, и на улицах стало заметно тише. Только расслабляться пока рано. — Он прямо посмотрел на цесаревича, открыто обозначая перспективы, и немедленно продолжил: — Старый алхимик должен выжить — Поляковы обещали. А там, как придет в себя, многое прояснится. Необходимо будет, конечно, задержать еще с полдюжины отпрысков древней крови — это помимо тех, что выходят на улицу. Но... до бала дотянем. Дальше — твоя задача, не подкачай. Женишься, тут же заведешь наследника, и за год-другой разумного правления престол окрепнет — в этом я абсолютно уверен.

Цесаревич тут же изменился в лице, миготливо лишившись благодушного выражения. Положил руку на высокий подлокотник, выровняв спину, и сделал слишком крупный глоток.

— Видел Третьякову?

Маркиз кивнул, все еще не понимая, к чему клонит друг, но тот решил не тянуть с объяснениями:

— Не нравится мне она. Помимо того, что невзрачна, как серая мышь, так еще и...

— И — что? — уточнил Николай Георгиевич, внимательно наблюдая за другом.

— Вот скажи мне, Коля, — цесаревич резко развернулся в сторону огненного мага, — ты ведь тоже женился не из великой любви. И все же... только слепой мог бы не заметить эту искру между вами. Ты даже не позаботился о слухах, которые, безусловно, поползут после сегодняшнего раута. А все из-за твоей несдержанности: малышка могла бы танцевать и с кем-то другим, так положено в свете. Никто ведь не претендовал на твои права в постели...

— Она моя жена, — предупреждая произнес Николай. — А слухи меня заботят мало. Как и сам свет.

— Слухи... А что с заданием, которое ты провалил из-за своей Ольги? — Павел нехотя укорил друга. — Ты не подумай, я не пеняю, не со зла... просто... не тянет меня к Третьяковой, понимаешь? Вот никак! И если говорить совсем по-честному — то прямо наоборот. Однако ж матушка...

Наследник мог сказать куда больше, только был вынужден резко прерваться, когда увидел, что правая ладонь его друга вспыхнула огнем — мощным, яростным, за которым на лице лучшего боевого мага империи проступило отчаяние и почти сразу проявился... испуг.

А испуганным своего чиновачальника цесаревич не видел еще никогда.

Вскочив вслед за маркизом, он ухватил того за локоть, прежде чем господин Левшин вспыхнул в пламени, пояснив:

— На родовой дом герцога Соколова напали!

Дрожащими руками координаты закладывались плохо. Дерганные пальцы, торопясь, раз за разом стирали горящие символы, пока маркиз не мог сделать ни единого полного вдоха. Вязь из заданных точек прерывалась почти в самый последний момент, и приходилось начинать все заново. А времени у него не оставалось...

Но вот огонь вокруг боевого мага взвился — и тут же выплюнул его на усеянную мелкой крошкой каменную дорогу, возле которой корявым, изуродованным и вырванным с корнем деревом стоял

разрушенный дом старого герцога. Будто после урагана, он лишился одного крыла, и, метнувшись туда, господин Левшин тут же с облегчением выдохнул: она, его испуганная маркиза, была здесь.

Обескураженно озираясь по сторонам, Ольга стояла на ночном ветру в одной лишь тонкой ночной рубашке до самых пят и выглядела такой растерянной, что у огненного мага защемило сердце.

А ведь это он виноват, что отпустил ее, — хотелось стать для этой несчастной девочки кем-то лучшим, чем он был на самом деле.

Ежесекундно коря себя за недальновидность, из-за которой чуть не потерял свою супругу, господин Левшин не сразу разглядел мертвенное зеленоватое свечение — и слова вырвались сами собой:

— Не стоит туда идти, Ольга. В этих руинах никто выжить не смог.

Плечи девушки затряслись, а сама она медленно опустилась на разбитый камень. Обхватила себя руками, тщетно пытаясь укрыться от промозглой ночи, и с нескрываемой болью посмотрела на него.

Не в силах больше стоять в стороне, Николай бросился к ней, по пути срывая с себя элегантный фрак. Помог продеть дрожащие руки в слишком длинные для нее рукава, и бережно укутал жену оставшейся тканью, которой с лихвой хватило едва ли не до самых колен. Молниеносно сгреб ее в охапку, стараясь скорее убрать от этого убийственного камня и безжалостного ветра, и, заботливо подхватив на руки легкое тельце, слишком уставшее от пережитого потрясения и потому не способное сопротивляться, огненным вихрем перенесся в загородный дом.

Пока портал прокладывал путь в родовое поместье, маркиз слышал лишь яростные звуки пламенной стихии, готовые смести любого, кто осмелился бы встать на его пути. Но когда переход выбросил их в хозяйской спальне, он наконец смог разобрать едва заметные рыдания своей маркизы.

— Ольга... — Николай мягко коснулся ее щеки, тщетно пытаясь стереть с нее ручейки горячих слез. — Прошу вас, не плачьте...

Плечи девушки беззвучно затряслись, пустив по коже волну мелкой дрожи, а сама она только сильнее вжалась в его тело, словно пытаясь найти в нем надежную защиту. Тоненькие ледяные пальчики смяли шелковую ткань белоснежной сорочки, когда полным боли и разочарования голосом Ольга спросила:

— Это я? Это ведь все я, верно? — Она подняла слегка покрасневшиеся глаза к лицу мужа, пронзительно глубоко вглядываясь в малейшие изменения, и снова с нестерпимой горечью спросила: — Прошу вас, Николай, скажите мне правду: их убила я?

Огненный маг отшатнулся. Осознание отвратительной реальности подействовало на него отрезвляюще, и он впервые взглянул на события последней недели глазами этой бедной девушки. В памяти болезненно остро воскресли несколько дней, проведенных рядом с Ольгой, и Николай вдруг отчетливо понял весь расчет врага.

Это ведь очень умно: сначала отнять у малышки отца — горячо любящего, но делающего все, чтобы она этого не знала. Но просто убить главу алхимического факультета нельзя, мало, потому как... золото... ливиум опять же... власть, даруемая ими... А вот объявить изменником — в самый раз, чтобы, доказав вину всего рода, разом лишить единственную наследницу имени и денег.

Многолетний замысел четвертого графа Ершова раскрылся перед ним так же, как и задумка врага, и теперь огненный маг не сомневался ни минуты: главный алхимик, попав в жернова измены имперскому дому, пожелал сберечь свою дочь, рожденную с невероятно мощным даром, единственно верным способом — лишив ее семьи еще до того, как его отважились убить. Это сделало ее сильной, невероятно сильной — ведь она и так потеряла все на свете.

Но взамен отцу нужно было подбросить кого-то другого... служащего. Человека, готового из верности императору снести все доводы логики, поверив: она, эта семнадцатилетняя девочка, способна предать.

А все-таки их враг умен...

Николай впервые так четко осознал это, потому как заговорщик смог просчитать главное: на роль ведущего следователя молодой цесаревич выберет его — огненного мага, чиновника особого кабинета министерства. Человека без веры в людей, без жалости и... да, без сердца.

«И ведь не ошиблись», — с горечью подумал Николай, вспомнив, как за прошедшее время он не выказал молодой графине ни капли сочувствия, раз за разом подвергая ее все новым испытаниям и подозревая на каждом шагу, ища предательство там, где его не могло существовать вовсе.

Что дальше? А дальше всего-то и нужно было, что снова и снова испытывать юный разум и невероятную силу духа, подбрасывая препятствия одно за другим: встречу с некромантом в лесу под Хвойным... нападение графини Зайцевой... записку с воздушным порталом, перенесшую Ольгу в старый порт... и завершить все этой ночью.

Огненный маг не знал, не мог знать наверняка, переживет ли эта девушка гибель единственных родственников. Он даже не понимал, возможно ли преодолеть нечто подобное...

Кровь резко прилила к лицу, пока он вглядывался в такие милые черты молодой жены, пытаясь найти в них вполне заслуженную ненависть и обиду. Но в огромных синих глазах, затуманенных нестерпимой болью, жил лишь щемящий душу вопрос, и огненный маг в который раз упрекнул себя: а ведь она снова оказалась гораздо храбрее его.

Эта смелая девочка пошла на опознание отца глубокой ночью, гордо распрямив плечи и попытавшись доказать ему, едва заслуживающему одного ее взгляда, что она невиновна. Согласилась помочь короне даже после того, как он глубоко унизил ее, поцеловав безо всякого разрешения и позволив себе в карете совершенно немыслимое...

Господи, каким же ничтожеством казался он сам себе рядом с нею! А она...

Он снова оглядел хрупкую фигурку, едва заметно дрожащую у него в руках. До чего же довели эту умную, смелую и решительную девочку, раз она смогла допустить, чтобы ее семья стала жертвой пробуждающейся в ней самой силы? И как он сам позволил подобному случиться?

— Это ведь все мой просыпающийся дар, верно? — в очередной раз спросила она, не отводя от него взгляда, со смелой решимостью настаивая: — Не стоит жалеть меня, прошу вас! Я должна знать правду!

Она с размаху опустила кулаки ему на грудь, пытаясь выбить из него болезненную правду, но это не принесло ему ни капли боли. Вся боль, на которую было способно сердце огненного мага, сейчас жила в глазах напротив, и он как можно мягче произнес:

— Вы ни в чем не виноваты, Ольга. Боюсь, во всем случившемся виноват только я. — Николай никогда бы не подумал, что способен так открыто признать свою ошибку. Но даже это признание не давало уверенности, что жена простит его. — Это из-за меня выжил некромант, напавший на ваших близких... и из-за меня заговор не был раскрыт вовремя.

— Бросьте, Николай! Вам и самому известно, что во мне течет кровь Воробьевых! Наверняка отец недаром прятал меня в Хвойном! Он ведь не глупец...

— Такой силы, что сокрушила ваш родовой дом, не найдется ни у кого в Старороссии! Боюсь, даже некромант сотворил это не в одиночку...

— Не хочу больше слышать, как вы успокаиваете меня! — Девушка яростно попыталась вырваться из его объятий. Бешено колотя кулаками в его грудь, она едва ли отдавала отчет своим поступкам. — Скажите мне, Николай, зачем я вам?! Без меня... без меня вы были бы гораздо сильнее, не отвлекаясь на спасение последнего отпрыска двух высоких родов...

Господин Левшин на миг замер. Отшатнулся от прямого вопроса, будто пытаясь сохранить последний шанс на отступление. Запнулся, глядя в бездонные аквамариновые озера, — не потому, что не знал ответа, просто... пока слова не прозвучали, еще можно было что-то изменить.

Но Ольга смотрела на него так пронзительно, что ему не оставалось ничего иного, как искренне прошептать:

— Потому что рядом с вами я жив. Впервые за долгое время.

Девушка удивленно распахнула глаза, словно пытаясь разглядеть, не шутит ли он. Но в бездонно-аспидной бездне напротив не существовало ни капли лжи, и даже огненные искры притаились, выжидая замедления в глубине широких зрачков.

Несколько гулких ударов сердца — и огненный маг решился. Чувственно коснулся рукой белоснежного плеча, ночная рубашка с которого сползла еще там, у дома, и, жадно проведя пальцами по прохладной после ночного ветра коже, прошептал:

— Правда в том, что вы... нужны мне.

Ольга медлила с ответом всего секунду, но и эта секунда показалась Николаю целой вечностью. А потом эта юная девушка,

только что испытывавшая наивысшую горечь утраты, приподнялась на носочках, крепко цепляясь все еще ледяными пальчиками за его разгоряченную кожу, и осторожно, будто боясь, что он оттолкнет ее, коснулась губами губ.

Поцелуй опалил Николая. Растоптал его черствую душу той неповторимой искренностью и нежной чувственностью, какая бывает лишь в поистине чистых душах. А вот сладостное предвкушение, рождаемое несмелыми, по-детски неопытными движениями супруги, враз перевернуло его представление о близости, заставив осознать: то, что было до нее, оказалось ненастоящим, не всерьез — всего лишь простыми попытками плоти утолить вполне объяснимый голод. Но лишь с нею даже мимолетное касание, даже легкий поцелуй искрились чувством всеобъемлющей наполненности, как будто можно было жить лишь ими, и больше ничем другим...

Уже не подвластная ему, жадная ладонь огненного мага сама собой двинулась к шее маркизы — и следом чуть ниже, пока не остановилась на упругом холмике груди, под которым бешено колотилось ее сердечко.

— Останови меня, — попросил он. — Пожалуйста. Потому что... если этого не сделаешь ты, я сам не смогу.

Он был готов ко всему. К ее слезам и отказу принадлежать ему этой ночью. К упрекам, перепалке, просьбам прекратить, но... когда она внезапно поделилась с ним таким сладостным и вожделенным поцелуем, он с глухим стоном впился в ее податливые губы.

Сомнений не было.

Был легкий страх неизбежности чего-то большого — гораздо большего, чем я сама. А еще... ожидание чего-то нового: столь мощного и неизведанного, что способно затянуть в бездонный омут. Вывернуть наизнанку, переделать наново — и уже никогда не выпустить из объятий мужа.

Я жалобно всхлипнула, ощутив, как губы маркиза яростно сминают последние преграды, и, коснувшись обнаженной кожей спины холодных простыней, широко распахнула глаза.

Мой муж глядел на меня черными озерами бескрайнего огня — яростного, пылкого, готового испепелить меня, крошечную песчинку его мира, в одно мгновение. Так могла ли я остановить его?

Огненную стихию невозможно сдержать. Невозможно пленить другой подвластной силой. И невозможно изменить.

Она дика и необузданна. Она способна смести на своем пути любые преграды, оплавив их в мгновение ока. Так могла ли я противиться ей?

Приподнявшись, снова коснулась губ маркиза, позволив ему сделать мне больно всего на миг, — и внезапно ощутила, как его сила, не послушная мне, сворачивается вокруг нас плотным коконом.

Огонь пылал. На разгоряченной влажной коже и белоснежных простынях. Охватывал наши сомкнутые ладони, слизывая крошечные капли влаги жадными языками пламени. И оставлял после себя легкий запах, так хорошо знакомый мне.

Огонь играл со мной. Поднимал высоко в небо, заставляя теснее прижиматься к мужу, а потом в один миг резко обрушивал на землю, чтобы тут же снова поднять...

Кажется, я звала Николая по имени. Снова дарила ему нежность, раз за разом ощущая себя частью его самого. И забирала ответную страсть с толикой ненасытной жажды, принадлежа этой ночью лишь одному человеку во всем мире.

А поутру, развернувшись в объятиях мужа, встретила с его полными страсти глазами, расслышав:

— Ты веришь мне?

Не думая ни минуты, не позволяя даже капле сомнения отразиться во взгляде, кивнула, тут же услышав:

— Тогда мне понадобится твоя кровь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой маркиз Левшин будит высокородное дерево вместе с древним камнем, а цесаревич впервые признается во лжи

Обстоятельства управляют поступками.

*Жизнь в свете, дома и при дворе.
Петергоф, 1890 г.*

Снопы первых лучей рассветного солнца рассыпались по серому камню королевской усыпальницы, когда маркиз Левшин впервые нарушил закон. А ведь он как никто иной знал: в последнее пристанище древних правителей разрешено входить лишь их потомкам, потому как иначе — смерть.

Но ворох внезапных догадок, озаривших его вчерашней ночью, гнал к изношенным временем стенам, чтобы подтвердить уже почти очевидное: цесаревич солгал ему. И сделал это абсолютно намеренно.

Назойливая золотая звезда, привычно приколотая к бортику сюртука, вибрировала со вчерашнего вечера — наследник императора явно хотел его видеть, но Николай точно знал: если послушает вызова, никогда не решится пойти против августейшей воли.

Только отчаянные времена требуют отчаянных мер, и огненный маг снова забыл о приказе цесаревича вернуться во дворец через имперский портал.

Открыв тяжелую дверь при помощи огненной стихии, он зажег на пальцах небольшую сферу-светлячка, озарявшую пространство длинного коридора всего на пару метров. Этого хватит, чтобы добраться до высокородного дерева, — нужно всего лишь не разбудить каменных стражей, укрытых в темных холодных нишах.

Протянув ладонь своей жене, опасливо жавшейся к нему, огненный маг легонько сжал прохладные пальцы: а ведь она боится,

хоть и старательно не показывает этого. Идет за ним без лишних расспросов, доверяя мужу во всем.

Знает о мертвых стражах? Наверняка, ведь она тоже несет в венах древнюю кровь. Но ни эта кровь, ни даже ее дар, проснувшийся после того, как пламенная сила разбудила его в теле юной маркизы, не спасут их, если они выдадут себя. И потому... нужно двигаться осторожно, стараясь не спугнуть лишней тени.

Длинный коридор узок. Тих и пуст, наполненный затхлыми запахами старой ткани, давно изношенной самой тьмой, охраняющей гробницу. А вот телесным тленом здесь уже не тянет — последняя смерть случилась слишком давно, чтобы позволить хотя бы чему-то напомнить о себе.

Древняя гробница голодна. Она чувствует: ее нутро оживет спустя всего несколько дней, проглотив принесенное в дар тело старого императора. Благодарно заберет его, уговорив стражей подождать несколько часов, и снова сомкнет беззубый рот. Успокоится на несколько ближайших десятков лет.

Огненный маг втайне надеялся на такой исход, ведь открывшееся накануне заставляло продумывать и иные варианты, но в них все так или иначе оборачивалось слишком многими смертями, а смерть была слишком чужда огню, бегущему по его жилам.

Остановившись на развилке, попытался вспомнить, куда идти дальше. Кивнув собственным мыслям, увлек Ольгу в небольшой коридор, вившийся волнистой стеной из старого камня. Стараясь ступать едва заметно, он каждый миг прислушивался, не разносит ли податливое эхо каких иных звуков, не принадлежащих живым.

Но гробница по-прежнему была тиха и безжизненна, открывая за новым поворотом поворот, пока не закончилась довольно высокой нишей — раза в два превышающей рост самого маркиза.

Позволив огненной сфере спугнуть тьму, густыми клоками притаившуюся в каменном ответвлении, огненный маг едва смог подавить восхищенный возглас, впервые увидев перед собою то, о чем так часто упоминал цесаревич.

Огромное дерево, сверкающее сотнями сияющих цветов, раскинулось перед ними, протягивая живые суки-руки к раскрытым ладоням. Узнало?

Как же — узнало. Вспыхнуло двумя цветками на разных ветках, и Николай с грустью отметил: последние. Их соцветия, горевшие едва ли не ярче прочих, отмечая силу полученного дара, остались единственными на голых, почти высохших ветвях. Хуже них гляделись только безжизненные пристанища почивших семейств Воробьевых и Ершовых, напрочь лишенные светящихся цветов.

Понимая, как тяжело его супруге смотреть на это дерево, снова напоминающее о горьком чувстве утраты, маркиз достал небольшой кинжал, обернувшись к испуганной Ольге. Уже привычным жестом приподнял ее личико, заглянув в настороженные глаза, и снова спросил:

— Ты мне веришь?

Его маркиза оставалась верна себе. Дав слово однажды, она бы ни за что не забрала его назад, а потому просто кивнула, протянув раскрытую ладонь. Николай позволил клинку сделать на ней небольшой надрез, тихим шепотом пояснив:

— В наших с тобой жилах течет кровь разных родов, но есть и то, что ее объединяет. Понимаешь?

Ольга отрицательно покачала головой, прислушиваясь к тишине спящего камня, и снова подняла глаза на мужа, расслышав:

— Оба семейства когда-то роднились с Воробьевыми. Объединив нашу кровь и напитав ею старое дерево, мы сможем проследить, какие еще дома отмечены мертвенной силой.

Лицо девушки озарилось пониманием, когда он тоже сделал надрез на своем запястье — гораздо глубже и больше, чем тот, что оставил у нее. Соединив оба кровавых ручейка в один, позволил каплям заструиться по сухой коре, мгновенно впитавшей багровую жижу, и тут же пригляделся.

Дерево ожило. С облегчением вздохнуло, по широкому стволу пробежали огненные дорожки-всполохи, с легкостью дотянувшиеся до ближайших к корням веток, и маркиз стал считать:

— Бароны Щукины...

Еще всполох:

— Бароны Волковы...

Несколько ярких вспышек, взбегающих чуть выше, к ветвям графских кровей, за которыми звучит пересчет маркиза:

— Род Никитиных и Зайцевых...

Вспышки стали реже, а сухие ветви дерева снова потянулись к окровавленным ладоням. Мало? Бросив на Ольгу сочувственный взгляд, муж чуть сильнее сжал линию надреза, заставляя почти угасшую кровь снова выглянуть любопытной змейкой, — и тут же соединил ее со своей, давая дереву напиться.

— Видишь, это мой род, за которым вспыхивает ветка твоего деда. — Николай снова не смог с собою ничего поделать, коснувшись губами жены. — Этот единственный цветок — ты! Узнала?

Девушка ободряюще улыбнулась мужу, но свет от ее улыбки тут же померк, когда яркие вспышки разбежались в стороны. Одна — на соседнюю с ним ветку, другая же...

Огонек заметался между двух суков, словно бы не совсем понимая, где ему стоит остановиться, и затем осторожно попытался пробраться к самой верхушке, в нерешительности остановившись почти у ее края. А Ольга впервые расслышала ругательство маркиза, от которого ее щеки заалели гуще, чем минутой раньше.

Резко развернувшись на каблуках, маркиз ненадолго забыл об осторожности, запоздало понимая, что легкий скрежет, едва слышимый сейчас, всего секунду назад еще не существовал. Властным движением задвинув жену за спину, коротко приказал:

— Ничего не бойся рядом со мной, поняла?

И прежде чем она успела что-то ответить, перед ними возник один из каменных стражей. Сотканный из камня, воздуха и тьмы, он подчинялся одновременно как минимум трем высоким родам Старороссии, а это — любой маг понимал явно — дурно. Дурно потому, что такие служители подчиняются каждому из создателей лишь понемногу, не прислушиваясь ни к одному из приказов до конца. А ведь стихия Николая — огонь.

Наспех создав пламенную сферу, маркиз пустил ее в сторону стража, опутав его с ног до головы и временно обездвижив, но так и не приказав испепелить его. Им просто нужно пробраться к выходу, незачем будить гробницу больше, чем уже случилось.

Древний страж предупреждающе зарычал, разворошив старые стены. Протяжный рокот разнесся по длинным коридорам, давая им всего минуту на пробуждение. И вот уже сама усыпальница ожила.

Надо же! Николай знал лишь о каменных охранниках, но о том, что существовали и другие, цесаревич не говорил ему. Опасался? Или

же просто не считал нужным?

Понимая, что справиться с таким количеством чужой силы ему будет трудно, огненный маг с недовольством решился: нужно воспользоваться предложением цесаревича. Так он сможет спасти Ольгу, а заодно и спросит Павла о причинах лжи.

Зажав золотую звезду в ладонях, он крепко прижал к себе жену, мигом перенесшись в привычные стены зеленого кабинета. В ответ на взлетевшие от удивления брови цесаревича, поднявшиеся при взгляде на его супругу, тут же произнес:

— Я перенесу ее в родовое поместье, буду здесь через минуту.

И тут же позволил огню проглотить себя, выплюнув в уютной спальне, которую они оставили на рассвете.

— Не покидай этих комнат ни при каких условиях, — попросил маркиз, ласково пробежав губами по пальчикам жены. — И обязательно дождись меня, слышишь?

Ольга сама поцеловала его, нежно обхватив ладонями лицо.

— Дождусь, — пообещала она, когда очередной пламенный переход был готов проглотить мужа.

И снова — зеленый кабинет, изобильное пространство которого измеряется размашистыми шагами наследника императора. На полный ярости взгляд серых глаз огненный маг ответил не менее жестко, позволив себе грубый окрик:

— Ты солгал мне!

Разом опешив и не найдясь с ответом, старый приятель растерянно остановился прямо посреди комнаты, непонимающе воззрившись на институтского друга, после чего спросил:

— Не понимаю, о чем...

— Ты! Солгал! Мне! — С каждым шагом Левшин подбирался все ближе к цесаревичу, яростно сжимая кулаки, чтобы огонь, готовый вот-вот сорваться с его ладоней, не сжег этот чертов дворец дотла. — Ты, Паша!

Он впервые за множество последних лет назвал старого друга просто, по-приятельски. Но в сложившихся условиях это казалось единственно верным, и Николай не сомневался: цесаревич простит ему эту вольность. Вот только можно ли в ответ простить предательство?

— О чем ты? — все еще недоумевал цесаревич. Тон его голоса лишь поначалу казался обычным, тут же сорвавшись на гневный рев:

— Это я тебя вызвал, помнишь?! Не хочешь рассказать мне, кто напал на дом герцога Соколова, убив разом его самого и единственного живого свидетеля, способного поведать об изменниках?! Или о том, почему среди руин оказалась лишь твоя юная маркиза, в обожании которой ты совсем потерял разум, раз позволил себе закрыть глаза на очевидное?! Или, может, ты пояснишь, почему взломал вход в королевскую усыпальницу, разбудив древних стражей?! Не удивлюсь, если и там с тобой была эта крайне умная и невероятно талантливая малышка!

Цесаревич возмущенно взирал на друга, уже не беспокоясь о том, какое впечатление производит. Его ноздри яростно расширились при каждом вздохе, а на ладонях тоже зажглись силовые сферы.

— Выбирай выражения, — обманчиво вкрадчивым голосом напомнил маркиз. — Ты все еще говоришь о моей жене!

— Которую ты, несмотря на мой приказ, поторопился сделать своей во всех смыслах этого слова! — Наследник староросского престола в отчаянии запустил пальцы в волосы, разметав и без того неидеальную прическу. — Господи, Коля, что ты натворил?! Я же просил повременить с наследником!

Николай откликнулся нехотя:

— У нас была всего одна ночь. Вряд ли стоит так опасаться за ее последствия.

— Не стоит?! — снова взревел цесаревич. — Ну что ж, раз ты так сказал... тебе больше нет доверия, друг!

Последнее слово, выделенное особой интонацией, повисло в воздухе, тут же подхваченное маркизом:

— Как и тебе, друг!

Да о чем ты?! Объяснись наконец! — Павел по-прежнему не понимал причин негодования своего чиновначальника, но злость, с которой тот смотрел на него, заставляла задуматься о ее причинах. — Что случилось?!

— Ты солгал мне! — снова повторил огненный маг, на сей раз подробно пояснив: — А я ведь спрашивал тебя, в каких родах течет кровь Воробьевых. И ты намеренно сказал неправду!

— Я сказал правду, — возразил цесаревич. — Только не всю. Те два...

— Те два, — Николай нарочно выделил каждое слово, — скрывают некроманта, который все еще жив!

— Ты же сам сказал накануне, что выжить во взрыве твоей силы вряд ли удалось хоть кому бы то ни было...

— И все же некромант выжил, теперь я знаю это наверняка!

— Почему? — удивился Павел. — Уж не потому ли, что на дом герцога Соколова напал человек с мертвой силой? Но позволь напомнить: утерянный дар течет в венах и твоей маркизы...

— Верно, — сощурился огненный маг. — Как и в моих. А еще... в венах Щукиных, Волковых, Зайцевых, Никитиных...

— Никитиных в империи больше нет. После смерти старого графа единственным наследником остался Алексей, но он давно пересек Лигурийское море...

— В Орловых, — продолжил перечислять маркиз, словно не замечая слов друга, — древнем роде, из которого вышла твоя матушка. И в...

— Род матушки лишь единожды был отмечен мертвым даром, который не пробуждался уже много веков. Это не они! Я не раз спрашивал у высокородного дерева, окропляя его своей кровью!

— Быть может, — отмахнулся огненный маг. — Но ты не упомянул об этом, а в свете причастности самого маркиза Орлова к измене...

— Укоряешь меня? — Наследник впервые позволил себе оправдания. — В любом роду может быть предатель, но семейство матушки слишком близко к престолу, чтобы пожертвовать всем ради призрачного шанса... чего?

— Не знаю, Паша. А ради чего готовы пожертвовать своими жизнями Третьяковы?

— Третьяковы? — вновь удивился цесаревич. — Так это они — второй род, о котором ты упоминал?

— Я не уверен, — нехотя откликнулся Николай. — Мертвая сила мимолетно указала на это семейство, но тут же заметалась. Запрыгала, как шальная, с ветки на ветку, устремившись к самой верхушке высокородного дерева. И только одному богу известно, что бы это могло значить...

— Вот как? — протянул цесаревич. — Значит, невесту мне подкинули не просто так.

— Может быть, — отозвался Николай, в раздумье пожав плечами. — А может, девчонка ничего и не знает, оставаясь на задворках заговора.

Цесаревич снова растерянно провел ладонью по волосам, раздраженно дернув рукой:

— Не верю я этому неведению, Коля. Ты переносишь события на себя, и в тебе снова говорит твоя глупая привязанность к юной маркизе. Но все же... мою невесту нужно проверить, пока дело не дошло до бала. Там ведь помолвка... а наследнику нехорошо забирать данное однажды слово жениться.

— Нехорошо, — согласился маркиз.

Цесаревич медленно прошел к столу, усевшись в кресло с высокой спинкой, и тихо произнес:

— Твою малышку тоже нужно проверить, Николай. — Он предупреждающе поднял правую ладонь, заставляя огненного мага прислушаться к голосу разума: — Я не говорю, что она виновна, но все же... слишком много совпадений для одной крошечной девчонки. Ты вот сам подумай...

Павел помолчал.

— Восемь лет жизни взаперти в Хвойном под зорким взглядом одной из самых строгих матрон Старороссии — госпожи Поляковой. Такое кому угодно покажется редкой мукой. И ведь если другим девушкам после обучения суждено было выпрыгнуть в яркую жизнь веселых балов и светских раутов, то ее ждало... что? Скорое замужество — в лучшем случае, со старым другом детства. Брак, в котором нет любви, обычен для высоких родов, но разве о таком мечтается юной графине в семнадцать лет? Я не давяю на тебя, Николай, только ты сам посуди... Участвовала она в заговоре или нет — это дело второе, но верный выбор все же сделала. А ведь всего-то и нужно было, что подобраться к тебе поближе. В свете все знают тебя как человека, напрочь лишенного чувств и эмоций, но только мне известно, каков ты на самом деле. Ты не смог оставить ее в беде, забрав от опасности к себе домой. А там... только дурочка бы не воспользовалась близостью к одному из самых желанных женихов империи. Несколько томных взглядов. Коротких, легких и будто бы совершенно случайных касаний. Удачное стечение обстоятельств — и

девчонка стала маркизой, крупным алмазом в ожерелье из драгоценных камней других блистательных дам высшего света.

— Она не желала нашей свадьбы, — с сомнением в голосе проговорил маркиз. — И всеми силами пыталась избежать ее.

— Как по мне, это тоже частица плана, если хочешь знать. Тебе как никому другому должно быть известно: женщина тем привлекательнее для мужчины, чем она недоступнее для него. А твоя малышка как нельзя лучше сыграла в недотрогу.

Кровь ударила в виски так резко, что Николай едва смог совладать с собой. Перед глазами пронеслась вереница вечеров, когда он, опытный и известный в свете искуситель, совершенно бесчестным образом забирал у этой крошечной девочки ее гордость, по крупницам отламывая ее от чистой души. Но высокородное общество всегда скорее обвинит женщину в распутности, чем позволит запятнать имя соблазнившего ее мужчины, — и, похоже, наследник императора не был исключением.

— Вот, значит, как? — Николай, не помня себя от ярости, сделал несколько размашистых шагов в направлении друга. Судорожно сжал кулаки, пытаясь затушить в них оживающий огонь, и ошеломленно замер, запоздало беря себя в руки. Не позволяя чувству сомнения в невинности своей жены зародиться в сердце, он все же отметил неприятное ощущение, растекшееся внутри прогорклой патокой. Голос маркиза заledenел, и он с показным сарказмом заметил: — А свою семью тоже, по-твоему, убила она?

Павел пожал плечами:

— Тут могло быть по-всякому. Все же... семьей их назвать было сложно с учетом того, что мне известно.

— Отец любил Ольгу, — уверенно проговорил Николай, с невыразимой тоской понимая, что после внезапной гибели родителя его жена этого больше никогда так и не узнает. — Он и увез ее подальше от себя, когда понял, что выжить ему не позволят. Да и дед в ней души не чаял...

— Может, оно и так. А может, и нет. Здесь мне сложно судить, Коля, — печально возразил цесаревич. — Но мертвая сила в твоей малышке живет, этого отрицать нельзя. И если представить, что некромант был не один... тогда легко объясняется, как наследник крови Воробьевых смог выжить.

— И как же? — с издевкой спросил огненный маг.

Павел выжидающе посмотрел на старого друга, раздумывая, стоит ли говорить ему обо всех своих опасениях. И все же решился, совершенно явственно понимая: на кону стояло не только личное счастье чинователя особого кабинета — судьба огромной империи могла решиться в эти минуты.

— Никак! — с чувством произнес он. — Как по мне, погиб он в ту ночь. А вот его союзницу ты сам охотно спас, укрыв от своей же силы созданным тобой щитом. Не находишь, что в этой истории слишком много совпадений?

Николай и сам понимал это. Тряхнув головой, будто бы пытаясь отринуть все сказанное цесаревичем, он медленно повернулся в сторону широкого окна со стоящим подле него резным столиком. Молча наполнил бокал янтарным бренди, осушив его всего парой глотков, и снова обернулся к цесаревичу.

Слишком много правды звучало в его словах, но это-то и настораживало. Ведь если бы так просто можно было решить эту загадку, он, Николай, наверняка бы уже справился... или нет? А что, если Павел прав и он действительно позволил себе то, чего позволять не следовало?..

Вот только два новых рода, отмеченных мертвой силой, не давали ему покоя, рождая надежду.

— До бала осталось пять дней, — задумчиво напомнил он цесаревичу. — У нас еще есть время.

— Тут я с тобой не соглашусь: времени почти не осталось. Поляковы говорят, отец может не протянуть даже этих нескольких дней...

Понимая всю сложность ситуации, Николай, плеснув себе еще бренди, поинтересовался:

— Что же ты планируешь делать?

— Что и всегда, — спокойно ответил Павел, подходя к другу и следуя его примеру. — Выстоять вопреки всему. С твоей помощью, кстати.

Огненный маг согласно кивнул:

— Мне нравится твой план.

Залпом выпив содержимое бокала, быстро позволившее ему расслабиться, цесаревич снова опустился в кресло, заняв на сей раз

более удобную позу, и уже спокойнее улыбнулся:

— Вынужден признать, твоя малышка маркиза мне по душе, но все же... я прошу тебя быть с ней осторожнее. Боюсь, даже если девчонка ни в чем не замешана, ее постараются убрать. И сделают это как можно скорее — как убрали отца и деда... С сожалением замечу, что ни в одном месте в Старороссии для нее больше не безопасно.

Огненный маг понимающе кивнул. Распрямил плечи, готовый уйти, но в последний момент предупреждающе обернулся к престолонаследнику. Тон его голоса снова изменился, но на сей раз в нем не сквозило ни капли недозволенной ярости — лишь холодная решимость и сухое предупреждение:

— И да, Павел. Не знаю, понял ли ты, поэтому проясню: если среди высокородных бездельников и их жен-сорок я услышу хотя бы слово беспричинной клеветы на Ольгу, сдерживать себя не стану. Это относится *ко всем*.

Цесаревич возмущенно сжал зубы, резко выпрямив спину. До сих пор ни единому человеку в Старороссии не позволялось говорить с ним подобным образом, и даже сам чинов начальник всегда держал себя в руках, но сейчас... Видимо, эта девушка была по-настоящему дорога ему, раз он допустил не просто намек — открыто высказанную угрозу его императорскому высочеству.

Не дожидаясь ответной реплики старого товарища, огненный маг мигом взвился в пламени, чтобы минутой позже открыть портал в особый отдел министерства. Бумаги для него подготовят немедленно, в этом Николай не сомневался. Его беспокоило другое.

Осознание того, что за принятое решение придется заплатить слишком высокую цену, скребло душу острыми когтями, ведь даже несмотря на столь короткое время, пока он знал свою жену, становилось очевидным: Ольга не простит предательства.

И все же... иного выхода ему не оставили.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой наступает пугающее время прощаться и прощать

*...что началось необыкновенным образом, то
должно так же и кончиться.*

М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени

Перрон петергофского вокзала гудел переполненными составами, отправлявшимися с путей едва ли не каждые полчаса.

Повсюду сновали мальчишки-носильщики, готовые за пару медяков доставить багаж любого веса к нужному поезду. Слишком мелкие, они порхали между пассажирами так проворно, что едва были заметны в толпе.

А та все ширилась.

Разбивала стоптанными сапогами уже начавший сгущаться вечерний воздух у каменного настила платформы и торопливо двигалась дальше. Десятки взволнованных горожан, слишком занятых своими проблемами и абсолютно глухих к чужим, толкаясь, пробегали мимо.

Пытаясь найти в царившей суматохе хоть какой-то ориентир, я бросила беглый взгляд на часы — всего лишь половина шестого, но поезд, видимо, должен скоро подойти, потому как гул голосов и двигателей протяжно слился в единую какофонию резкого свиста и оглушительного шипения, от которого отчаянно захотелось если не спрятаться, то хотя бы закрыть уши.

Помня, что вокруг нас живое море толпы, пришлось сдержаться. Незаметно ухватиться за ладонь маркиза, отчего-то привезшего меня к месту прощаний безо всяких объяснений, и оглянуться на гремящий звук приближающегося железного великана, медленно вынырнувшего из густых облаков дыма и пара.

Густо запахло машинным маслом. Лежащей на переносных прилавках уже несвежей выпечкой и чем-то сладким, к чему то и дело

протягивались детские ручонки. Кое-кому лакомство доставалось сразу, другие вынуждены были отойти — и к общему шлейфу звуков добавлялся обиженный детский плач.

— Есть хочешь? — с заботой спросил муж, угадав направление моего взгляда.

Но я отрицательно замотала головой: хотя после обеда прошло довольно много времени, еда — последнее, что приходило сейчас на ум.

— Спасибо, не нужно...

Позади раздался восторженный возглас нескольких мальчишек, заставивший интуитивно обернуться.

Арка, в считанные мгновения проглотившая очередной поезд, тут же вспыхнула бледным светом, наподобие того, что жил в фонарях улиц, и по этой вспышке стало ясно: последняя разработка моего отца применялась не только для иллюминации улиц. Конечно, на какое-то время оставшегося в распоряжении короны ливиума еще хватит, но дальше...

Воспоминание о родителе отдалось острой болью в сердце, усилившейся от неприятного предчувствия надвигающейся опасности. Я подняла глаза на мужа. Приняв условия его игры, не спрашивала ни о чем до самого вокзала, но тревожное волнение с каждой минутой становилось все нестерпимее, заставляя терять остатки самообладания:

— Николай, что происходит? Мы уезжаем? — Пытаясь найти в карих глазах ответ, натолкнулась на щемящий душу взгляд, которого до этого дня ни разу не видела у супруга, и осознание еще не произнесенных слов вдруг накрыло с головой, лишая оставшихся сил и напрочь выбивая последний воздух из легких. — Уезжаю только я, верно?

Раскачиваясь, заработали тяжеловесные литые диски, застучавшие по отполированным до блеска рельсам, проглотив в нарастающем гуле слова мужа:

— Прости.

Привычным жестом подняв ладонь к моему лицу, он мимолетно коснулся кончиками пальцев подбородка, почти мгновенно отдернув руку, будто бы больше не имел права на подобную ласку. С сожалением произнес:

— Ты должна знать... — Слова давались ему с огромным трудом, приходилось раз за разом прочищать горло. Муж протянул довольно тяжелый кожаный ридикюль, попытавшись пояснить: — Все документы в порядке, я сам проверил их сегодня утром.

Он растерянно улыбнулся:

— Помнишь, тебе все время хотелось уехать? Разорвать помолвку и больше никогда меня не видеть? Начать новую жизнь вдали от Староросской империи, забрав деньги отца, встретиться с Алешей...

Николай мягко коснулся сжатой ладони, осторожно раскрывая сомкнутые пальцы, и вложил в них ручку увесистой сумки.

— Ты выполнила свое обещание, и теперь мой черед исполнить свое. — Его голос чуть дрогнул, выдав эмоции, но лицо по-прежнему оставалось бесстрастным. Почти — ведь подрагивавшую темную жилку у самого виска разглядеть можно было лишь вблизи. — Обещанный счет открыт, и он в два раза больше того, о котором мы договаривались поначалу.

Николай рассеянно вытянул из нагрудного кармана сюртука длинный билет, сверяя время и номер прибывшего поезда. Подвел меня к нужному вагону и тряхнул головой, словно пытаюсь восстановить нить разговора:

— Что еще? Алексею сообщил о твоём прибытии огненным порталом, отследить который совершенно невозможно. Ответ получил незамедлительно: он встретит тебя на платформе. Молодого графа опасаться не стоит, ты по-прежнему дорога ему...

На лице моего мужа — впрочем, в статусе последнего я уже не была уверена, — отразилась глубокая внутренняя борьба, как будто он вот-вот был готов прервать этот театр абсурда. Но волевым усилием огненный маг скоро взял себя в руки, уже более твердо взглянув на меня.

— Я напишу, когда все закончится... сразу после бала. О похоронах не беспокойся, я позабочусь о твоих родных.

Уже понимая, что решение принято и изменить ничего нельзя, я все же заставила себя проглотить соленую воду, подступившую к самым ресницам. Понимала, что, если задам вопрос, навсегда потеряю не просто гордость — нечто гораздо более важное, частицу себя. Но уехать от него, так и не узнав причин, просто не смогла:

— Ты... гонишь меня?

— Что?! — Глаза Николая словно затянуло чернильной тьмой, и он порывисто шагнул ко мне. Остановился, когда его сюртук уже касался распахнутых пол моего плаща. И, не замечая осуждающих взглядов прохожих, с чувством произнес: — Я запрещаю тебе так думать, поняла?!

В глубине огненных омутов свернулось нечто темное — страшное, дикое и необузданное. Грозящее смести на своем пути любые преграды, и лишь сейчас мне стало ясно, кем был мой супруг.

В высоких родах всегда считалось, что наследник крови только управлял подвластной ему стихией, но именно в этот момент я целиком осознала: маркиз Левшин, последний боевой огненный маг Староросской империи, оказался не чем иным, как самим пламенем.

Огонь рождался внутри его глаз, и его сиятельство безо всяких усилий повелевал им по своему усмотрению, а я... Кажется, когда-то я разбудила эту стихию, как и он — мою...

Дрожа от волнения, сделала шаг назад, едва не споткнувшись об отвесный край платформы. Вовремя ухватившись за сюртук мужа, разом вспомнила об услышанном утре. Если Николай не соврал о проснувшемся даре, тогда я могла незамедлительно приказать ему рассказать правду — и во всей Старороссии не существовало бы ни единой души, способной противостоять силе моего убеждения.

С надеждой взметнула ладони к самому его лицу. Коснулась прохладной кожи, уже начавшей покрываться колкой щетиной, но тут же расслышала отчаянную просьбу:

— Не нужно, не заставляй меня...

Что ж, маркиз свой выбор сделал, и я не могла противиться. Взгляд задержался на широком золотом ободе кольца, украшенном огромным, почти черным камнем, — гарнитур из могущественных артефактов, на протяжении последних нескольких сотен лет принадлежавших женщинам семьи Левшиных.

Понимая, что не имею больше ни малейшего права носить эти украшения, потянулась к серьгам, попытавшись снять их, но тут же была остановлена крепкой рукой мужа.

— Прошу, не стоит, — прошептал Николай. — Мне будет приятно знать, что они у тебя.

— Твоя жена... они должны принадлежать ей, когда придет время.

Огненный маг склонился непозволительно близко к моему лицу, с болью прошептал в самые губы:

— Мы можем обмануть друг друга, сделав вид, что все еще женаты...

Грустная улыбка, которую хочется вернуть. А вместе с ней — поцелуй. И, пожалуй, эта ласка — первая, подаренная мной с таким чувством...

Я могла бы сдержаться, но что тогда осталось бы в моих воспоминаниях после того, как эта платформа исчезнет за блеклой вспышкой отцовского ливиума? Да и чего стоила гордость, если взамен нее нужно было отдать столь многое?

Закрыв глаза, позволила себе в последний раз ощутить аромат мужа.

Пряный, с примесью огня и гари. Пожалуй, сейчас он чуть горчил, противно щипля в носу, но я все равно вдохнула его полной грудью.

— Ольга? — Во взгляде Николая почему-то проскользнула надежда, хотя это и казалось лишенным всякого смысла.

Только не ответить было нельзя. Сглотнув набившуюся в горло горечь, прошептала в ответ:

— Я заберу этот обман с собой, а пока... это все еще поцелуй твоей супруги...

Каждая ступень, ведущая в одноместное купе, опустошала меня все сильнее, и к тому моменту, как я закрыла за собой дверь, чувств не осталось вовсе. Тут же задернув грубые, молочного цвета низенькие шторы, больше похожие на занавески в кукольном домике, опустилась на кожаное сиденье. Я сейчас и сама походила на куклу: безжизненное тело с такими же остановившимися глазами. Только руки подвижны...

— Вам что-то понадобится, госпожа?..

Молоденькая проводница в темно-синем дорожном платье с огромным белым знаком железных дорог Петергофа на груди вежливо улыбнулась, выжидающе смотря на меня.

Рассеянно взглянув на билет, увидела на нем совсем не свое имя: Вера Матвеевна Калинина. Ошибки быть не могло, этот билет совершенно точно передал мне мой супруг. Значит, подменил имя намеренно?

Доверяя ему даже после расставания, все же согласилась:

— Госпожа Калинина. — Называть себя чужим именем было странно, но ввиду последних событий осторожность маркиза казалась оправданной. — Скажите, сколько времени уйдет на путешествие по территории Старороссии — до того, как мы пересечем границу?

— Еще две вспышки, — любезно сообщила девушка, сверяясь с небольшой папкой. — Поезд скорый, поэтому время следования вдвое меньше.

Она окинула меня внимательным взглядом и с пониманием пояснила, видимо, догадавшись, что путешествие железной дорогой для меня происходит впервые:

— Второй ливиумный всплеск может показаться слегка... некомфортным — так всегда бывает, когда пересекаем границу. Однако, надеюсь, это доставит вам совсем немного беспокойства. Переход можно облегчить, приняв вот это. — Она достала из нагрудного кармана небольшой стеклянный пузырек, доверху наполненный грязно-серыми пилюлями, тактично предложив: — Стоимость трансформатора следует оплатить отдельно: она, конечно, довольно велика, но если вас укачивает в карете...

Понимая, что передо мной находится не что иное, как флакон с уже знакомым лекарством, слишком резко закачала головой. И пусть содержимое его было, скорее всего, представлено каким-то соединением с весьма низкой долей самого ливиума, — а в этом я была уверена, — только все же восемь лет приема отцовского трансформатора не оставляли ни капли сомнений: справлюсь.

— Что-то еще?

Подумав, заказала стакан черного чая, без сахара и пирожных, — понимала, что есть сегодня не смогу. Дождавшись своего заказа спустя пять минут, щелкнула задвижкой, попросив проводницу не беспокоить меня до самого прибытия.

Поезд тронулся. Протяжно запыхтел, загудел — и уже в следующую минуту стал набирать скорость. Под ложечкой опасно засосало — сказывалось недавно пережитое волнение и легкий голод. Но мне удалось справиться с эмоциями, прикрыв глаза на несколько минут и глубоко задышав, привычно спрятав пальцы в складки платья.

Вдох — выдох.

Вдох — выдох.

Вдох — выдох.

Гулкая вибрация чуть ослабла, а ход железного гиганта постепенно выравнился. Сторонние звуки поутихли, вновь вернув тишину одноместного купе.

Постаравшись как можно удобнее устроиться на жесткой подушке сиденья, звонко скользнула язычком замка дорожной сумки, подаренной супругом. С грустью подумала, что с этого дня мне снова придется научиться справляться со всем самой, после чего вытянула всю уложенную туда поклажу.

На дне ридикюля нашла две кожаные панки с вензелями дома Левшиных, один небольшой конверт, запечатанный перстнем маркиза, довольно крупный, звенящий монетами, кошелек и увесистый сверток, запакованный в ворох тонкой оберточной бумаги. Всего мгновение колебалась, решаясь, стоит ли именно сейчас снова напоминать себе о прошлом: расставание раз за разом увлажняло глаза и я по-настоящему боялась постыдно разреваться.

Но в голове прозвучал знакомый голос: «Держи себя в руках, Ольга! Ты — наследница Соколовых, а мы в любой ситуации держим спину прямо». И, сев ровнее, дрогнувшими пальцами развернула бумагу, покрытую идеально ровными буквами.

«Прежде чем ты возненавидишь меня, мне хотелось бы оставить тебе последние ориентиры. Поясняться не стану — вряд ли моему поступку найдется прощение даже в твоём сердце. А потому запомни вот что.

Внутри сумки ты найдешь два комплекта документов: один — на твоё настоящее имя, другой — на вымышленное. Прости, но до петергофского бала тебе придется для всех на время исчезнуть, превратившись в простую девушку без высокородного имени и наследного дара.

Подвластную стихию пока не используй — она словно маячок для ищеек, которыми полнятся ряды изменников. На нее смогут выйти даже за пределами империи. И да, не беспокойся: имя вымышленное, но в документах неточности быть не может — проверял сам.

Постарайся затеряться в Итальянских землях — Алеша поможет».

В этом месте почерк маркиза чуть заметно менялся, как если бы он вынужден был прерваться на время. Но уже внизу страницы со столь же выверенным изяществом была сделана крошечная приписка:

«Отцовская друза всегда принадлежала тебе. Прости, что не отдал сразу.

Верю, что ты все сделаешь правильно. Николай».

Поспешно развернув сверток, задохнулась: это действительно была та самая друза, найденная в кабинете отца на второй день знакомства. Прозрачный кристалл отблескивал гладкими гранями, но запускаться по-прежнему упрямо не желал. Так что спустя минуту тщетных попыток я просто оставила его на дне ридикюля, решив, что сохраню как единственную память о своей семье.

Разложив перед собой кожаные папки, бегло осмотрела их содержимое. Одна из них действительно оказалась на вымышленное имя. С документами и ворохом банковских бумаг, позволявших прожить оставшиеся до петергофского бала дни едва ли не в роскоши. Вторая же...

Чувство всепоглощающего разочарования затопило меня хлесткой волной, когда пальцы коснулись лощеного документа, заверенного главной печатью министерства и подписью самого цесаревича. В акте о расторжении брака я снова увидела свое старое имя: Ольга Савельевна Ершова, наследная графиня четвертого графа Ершова и единственный потомок герцогского дома Соколовых.

Дышать стало совсем невозможно, потому как жар на мгновение накрыл с головой. Глупая, а ведь я думала, что лишилась чувств...

Снова размеренно задышав, смогла разглядеть остальное.

Денежные бумаги поражали размахом цифр. Оказалось, Николай побеспокоился не только о данном обещании, щедро удвоив его, но и предусмотрительно перевел наследуемые мной деньги на несколько различных счетов на случай любой непредвиденности.

Внизу полученных документов стояла витиеватая подпись моего уже бывшего супруга, вернувшая острые воспоминания о вечере в порту. Я как будто снова ощутила хлесткие удары ночного ветра на своей коже и не менее болезненные слова маркиза: «Мы слишком мало знаем друг о друге, не находите?»

А ведь тогда я действительно попала в ловушку по глупости, ведь почерк мужа был мне совсем незнаком. Хотя... я вообще мало что знала о нем, впрочем, как и сейчас. Но почерк... с этого дня ничто бы не позволило мне ошибиться. И вот теперь, сверяясь с воспоминаниями, я точно видела: та записка принадлежала не его руке. Слишком небрежная и простая, без характерных завитков, украшающих большие буквы...

Болезненные воспоминания лишили остатков сил, и я запретила себе снова думать о маркизе. Бережно спрятала обе папки в дорожную сумку, после чего выпила уже остывший чай и раскрыла занавески.

За толстым окном поспешно мелькали высокие деревья, лишь изредка сменяясь коротким сельским пейзажем. С десятков минут я с любопытством разглядывала местность, но совсем скоро поняла: все, что можно было увидеть, мною уже увидено. И сейчас единственно важное — не уснуть, чтобы не пропустить первую вспышку.

О ливиумном всплеске догадалась заранее: сиденье подо мной, как и весь поезд, мелко-мелко задрожало, пустив под ногами почти незаметные частые волны. Сам свет могла бы не заметить, если бы не смотрела в окно, но любопытство все же заставило выглянуть.

Мы приближались к огромной арке с бешеной скоростью. В воздухе едва заметно запахло отцовским ливиумом, запах которого мне теперь не спутать ни с чем, и краем сознания я ощутила легкий толчок — словно бы прошла сквозь мембрану огромного мыльного пузыря.

Пейзаж в окне мигом изменился, как сменяются в альбоме дагеротипические снимки: переворачиваешь страницу — и унылая сосновая зелень сменяется солнечными бликами на свежей шелестящей листве.

Уже знакомый голос молодой проводницы сообщил через отверстия громкоговорителя:

— Поезд прибывает в Западноросские земли через пять минут. Просьба пассажиров пройти к выходу.

Снова бросила взгляд на свой билет. Вера Матвеевна Калинина должна была продолжить путь, но я с самого начала знала, что на сей раз подчиняться приказу маркиза не стану...

Осознание того, что спустя несколько ливиумных всплесков я вновь увижу Алешу, почему-то неприятно кольнуло сердце. Внезапно совершенно ясно возникла вспышка озарения: возвратиться к

прошлому уже невозможно, а начать совершенно новую жизнь под вымышленным именем даже легче здесь, в Староросской империи. Да и заговорщики... Вряд ли они обратят внимание на простую девушку.

Тихо звякнула защелкой замка. Осторожно выглянула в узкий коридор, стараясь не попасться на глаза пассажирам. И, не найдя никого, кто бы следовал к началу вагона, окончательно решилась.

Запахнула полы пальто, подхватив тяжелый ридикюль, и спешно прошла к выходу.

Поезд останавливался нехотя, рвано. Грохотал обиженно, что должен прервать с таким трудом набранный быстрый бег, и затихал всего на несколько минут. Но этого оказалось достаточно, чтобы по полной его остановке выпрыгнуть на перрон незнакомого вокзала, тут же скорым шагом пройдя в здание.

Вокзал гудел не хуже петергофского.

Здесь тоже сновали мальчишки-носильщики, и, изловчившись, я остановила одного из них. На вид ему было от силы лет десять, но внимательные ярко-синие глаза выдавали недетский жизненный опыт.

Мне стало по-настоящему жаль ребенка.

— Подскажи, пожалуйста, где можно снять комнаты. На неделю или месяц... пока не знаю. За помощь дам вот это. — Протянула на ладони четверку медяков, оставленных в кармане плаща, — сумму, по меркам столицы небольшую, но здесь, видимо, довольно значительную.

Глаза мальчишки широко распахнулись, с явным восторгом разглядывая уже почти добычу, а детский голос заверещал:

— Моя тетушка сдает квартиру! — Мальчишка засеменил рядом, попытавшись выхватить ридикюль из моих рук. Но, поняв, что вещи понесу сама, довольно заскакал по каменной дорожке: — Здесь недалеко: можно пешком, а можно и коляской. Коляской будет пара медяков...

Позволила мальчугану остановить грязный экипаж с хилой, заезженной лошадью и, забравшись внутрь вслед за прошмыгнувшим туда мальчуганом, попросила:

— Только чтобы чистая.

— Так это... тетушка — женщина опрятная, она не станет селить барышню где попало.

Получив на ладошку половину обещанного жалованья, мальчонка и вовсе просветлел. Стал рассказывать о важных для их городка новостях, до которых мне не было ровным счетом никакого дела. Запросился:

— Если барышня заплатит медяк в день, я смогу приносить газеты. Сопровождать в плательные лавки. — Он бросил внимательный взгляд на мой скудный багаж, понимающе кивнув своим мыслям. — Лавки у нас, конечно, не чета столичным. И ткани в них дрянные — так говорит моя родственница, но что-то подобрать можно. Модистка, правда, приличная, одна на весь город, только очередь мы подвинем — она старая знакомая нашей семьи. Договорились?

С благодарностью кивнув своему помощнику, заметила, что коляска спустя всего два-три поворота остановилась у небольшого двухэтажного домика. Расплатившись с возницей, позволила мальчишке увести себя внутрь:

— Квартирка небольшая, — он как будто не верил, что остаток жалованья попадет ему в ладошку, — но уютная. С едою, что тоже хорошо. Барышня будет довольна...

Квартирка и вправду оказалась хорошей. С одной лишь крошечной спальней, кровать которой укрыта грубым вылинявшим пледом с едва угадывавшимся от времени цветом. С горкой подушек разных размеров у изголовья.

Столь же скромная гостиная невелика — едва ли больше ванной комнаты в особняке господина Левшина, а главным украшением в ней — невысокий круглый стол с парой стульев. Но столешница покрыта чистой, хотя и старой скатертью, удерживаемой по центру незамысловатой вазой из простого прозрачного стекла.

— Цветы стану приносить каждый день. Полевые, — неловко извинился мальчишка. — Здесь недалеко — целое поле бубенчиков. Они у нас растут буйными, красивыми. С темно-синим колокольчиком и прочным стеблем — такие и в дом графу поставить не стыдно... — Малыш осекся, поняв, что сболтнул глупость. — Барышня согласна? Только листов нужно беречься — режутся.

Я ободряюще улыбнулась своему помощнику, узнав, что его зовут Славкой. И тут же отдала оставшуюся часть жалованья. Попросила передать тетке, чтобы ужин сегодня не подавала.

Наскоро умылась теплой водой из медного кувшина, заботливо оставленного хозяйкой дома, и укрылась с головой тяжелым, пахнущим свежестью одеялом. Кровать подо мной глухо скрипнула, после чего звуки крошечного городка на западе Старороссийской империи перестали существовать.

Вернувшись в опустевший родовой особняк на Парковой, Николай плеснул себе старого бренди в граненый бокал из дорогого хрусталя. Залпом выпил, снова наполнив бокал до краев, — и поступил с ним так же, как и с предыдущим. Впрочем, последующие два-три — счет давался ему уже с особым трудом — постигла та же участь.

Ненадолго заглушив навязчивый голос, все время звучавший в голове, огненный маг остановился у горячей решетки высокого камина. Пламя едва догорело, и железо местами еще не остыло. Только Николая это пугало мало. Обожжется?

Он рассмеялся, подумав о физической боли как о мимолетной неприятности. Ему, лучшему боевому магу империи, способному укротить само пламя, теперь была знакома иная боль. И вот ее уже не вывести ни лекарствами, ни стараниями Поляковых.

— Коля? — Кажется, он так напился, что не расслышал шипения императорского портала, открывшегося всего в паре шагов. — Что с тобой? Это правда, что малышка...

— Уехала, — закончил за друга огненный маг. — Я отослал ее далеко. Туда, куда не дотянутся руки ни одного мерзавца из высоких родов.

Цесаревич показательно замолчал, окидывая фигуру друга с явным неодобрением:

— До чего же ты довел себя? Только посмотри! Я мог бы заявиться сюда со всем зверинцем, еще не казненным из-за бунта и ожидающим своей участи в подземелье министерства. И все равно ты бы остался глух к вторжению извне. Где защита дома?

— Защита? — Николай растерянно обернулся к другу. — Зачем? Моей маркизы здесь больше нет, на дом теперь незачем нападать...

— Твою мать! — с чувством ругнулся наследник императора. — Что ты несешь?! Встань прямо, когда с тобой говорит цесаревич!

Но Николай не слушал его. Все еще облокотившись о горячее железо решетки, он стоял с опущенными плечами, едва заметно подрагивавшими словно от порывов невидимого ветра. Лицо его было осунувшимся, а огонь в глазах притаился так глубоко, что едва ли мог выбраться наружу, даже если бы огненный маг призвал его.

— Дерьмово выглядишь! — констатировал Павел. — Ну же, Коля! Бал всего через пять... уже через четыре дня, а ты... Мы все погибнем, если ты не возьмешь себя в руки.

— Я уже мертв, — откликнулся Левшин, поднимая к другу пустые глаза. — Умереть дважды невозможно. Совершенно невозможно. Может, и тебе — вслед за мной? Тогда бы ты их всех переиграл...

Цесаревич злобно выругался. Резко шагнул к другу, призывая силовую сферу на ладони. И, отпустив силу по периметру дома, приказал:

— Моя защита, конечно, не чета твоей, но до утра протянет. Выспись как следует. А завтра я жду тебя в стенах зеленого кабинета. Четыре дня, Коля. И, может, твое желание смерти исполнится.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой простые бубенчики оказываются совсем не простыми, а маркиз Левшин снова вынужден нарушить покой королевской усыпальницы

*Сражение выиграет тот, кто твердо решил
его выиграть.*

Л. Н. Толстой. Война и мир

Первые лучи теплого весеннего солнца еще несмело пробирались сквозь легкие, чисто выстиранные занавески, когда у входной двери раздался тихий стук Славки. В высокородных домах в это время суета начиналась лишь на нижних ярусах, пробуждаясь пока только в комнатах прислуги. Господа же вставали обычно гораздо позже, вернувшись со светских раутов поздней ночью.

Но городок, в котором я оказалась, притаился так далеко от пасмурного Петергофа, что мне пришлось напомнить себе о твердом намерении начать новую жизнь. И потому, наскоро надев вчерашнее платье, я босиком пробежала по прохладному полу.

Мой вчерашний знакомый, как и обещал, протягивал в ручонках сверток свежих газет, переминаясь с ноги на ногу: видимо, торопился к началу работы вокзала. Измазанные пальчики благодарно приняли обещанный медяк, а ободренный малыш с радостью поделился последними новостями:

— Видели, барышня, как вам повезло? Поезд, на котором вы прибыли в западные земли, взорвался аккурат при следующей вспышке — ровно в тот момент, когда пересекал границу. Говорят, такое иногда случается: все же арка-ускоритель — разработка

алхимиков, а они народ чудной и ждать от них можно всякого. Только тетушка думает, что вы родились в рубашке...

Выражение недетских синих глаз тут же изменилось, едва на моем лице проступил испуг. Завидев, что сболтнул лишнего, Славка расстроенно склонил белобрысую голову, перебирая пальчиками висящую на длинной нитке пуговицу застиранной рубашки:

— Простите, барышня. Тетушка просила не болтать. И газеты говорила не нести, но у нас с вами договор...

Я присела у самых ног своего помощника и ласково провела ладонью по взъерошенным волосам. Отвернула край рубашки, потянув за длинную нить, и, завязав узел у самой ткани — так, чтобы придать устойчивости созданной конструкции, — бережно приподняла измазанный подбородок. Убедительно заверила малыша:

— Все правильно. Договор есть договор. Принесешь мне цветов с поля? Бубенчиков? Пустая ваза дурно смотрится на столе...

Славка облегченно выдохнул, с подозрением уточнив:

— Не расскажете родственнице, что я проболтался? Она выпорот, если узнает...

С жалостью погладила растрепанные волосы, поправив на нем изношенную одежонку:

— Не беспокойся, не скажу. Я умею хранить секреты.

Мальчишка широко улыбнулся, тут же хлопнув себя по лбу:

— Совсем забыл! Когда станете завтракать?

При упоминании о завтраке мгновенно ощутила приступ голода, как если бы не ела несколько последних дней. Попросив Славку передать тетке, что можно накрывать на стол, прошла в спальню, чтобы закончить утренний туалет. Нужно будет уговорить малыша свести меня хотя бы в готовые лавки с одеждой: я ведь ничего не привезла с собой, а носить вчерашний наряд — признак дурного воспитания даже для столь крошечных городков.

Наскоро позавтракав хрустящим беконом и парой вареных яиц, я запила все стаканом парного молока. С теплом поблагодарив хозяйку дома, забрала из ридикюля отцовскую дружз и присела у уже убранного стола, решив снова попробовать активировать кристалл. Только и в этот раз у меня ничего не вышло: поврежден.

С огорчением вспомнила, что до петергофского бала осталось всего четыре дня. Воспоминания о столице заставили с ужасом

вскочить, как если бы меня обдали ушатом ледяной воды: если новости о крушении поезда достигнут Николая, он перевернет не просто всю Старороссию — весь мир, чтобы найти мой след. Оставалось лишь надеяться, что взрыв ливиумной арки — событие не приметное, мало интересующее газетчиков «Императорского советника».

У дверей снова послышалась возня — это заскочил Славка, принесший целую охапку крупных, совершенно очаровательных бубенчиков. И пока он торопливо наливал воду в вазу, я подхватила один цветок, стараясь спросить как можно обыденнее:

— Славка, ты ведь здесь живешь давно... — Труднее всего было сделать так, чтобы голос не дрожал, и это у меня почти вышло. — Как думаешь, вчерашнее крушение поезда попадет в газеты Петергофа? Или же это — дело обычное?

— Скажете тоже! — громко фыркнув, откликнулся мальчишка. — «Обычное дело»! Последний поезд не доходил до места лет эдак пять назад, точнее даже и не вспомню. Сразу видно, что вы — барышня столичная: все вас удивляет.

— Правда? — Крутя между пальцев стебелек с темносиним бубенчиком, резко дернулась при словах Славки, совсем не заметив, как на коже выступила крошечная капелька крови. И когда малец подскочил к столу, потянувшись к отцовской друзе, торопливо выхватила ее из его рук.

Кровь не просто попала на камень — выкрасила на нем широкую багряную полосу, скользя в пазы между группами кристаллов. А вслед за этим случилось чудо.

Громко щелкнул незнакомый механизм, заставив друзу зашипеть, зажужжать, — и уже в следующее мгновение передо мною появилось лицо отца, настраивающего кристалл памяти. Руки его порхали вокруг камня, заставляя изображение идти волнами, но постепенно оно стало более четким, позволив разглядеть: хозяин взволнован.

Знакомым голосом с теплыми нотками, почти растворяющимися в словах из-за суеты, отец проговорил:

— Эксперимент «Ливиум-223». Трансформация некоторых представителей группы легких металлов под действием препарата.

Славка ошеломленно притих, остановившись в полушаге от меня. И даже обиженное выражение сошло с его лица, сменившись

удивлением.

— Неужели это друза?..

Не обращая внимания на мальчонку, я продолжала наблюдать за крупными размашистыми шагами родителя, которыми он мерил уже виденный мною кабинет. А ведь из-за беспокойства он совсем не заметил, как от нескольких неловких движений обрушил со столов пару склянок с кипящей жидкостью, и та благодатно растеклась по полу, подняв в воздух несколько паровых облачков.

Отчетливо послышался звон бьющегося стекла, но отец обернулся на другое. Входная дверь открылась не им — чужой силой, вспыхнувшей яркой синеватой сферой. А вслед за этим в комнату вошли двое.

Фигуры их были укутаны тяжелыми плащами — по меркам петергофской весны выглядевшими довольно уместно, только что-то в этих людях все же заставило меня насторожиться. Как будто где-то совсем глубоко сворачивалось странное предчувствие, подобное тому, что я уже испытала однажды. Когда?

На память пришла недавняя ночь в родовом доме деда. Станный сон сродни видению и ощущение того, что все вокруг разом становится мне неподвластным. Кажется, отец ощутил нечто похожее, неестественно выпрямившись и высоко подняв подбородок. Бойтся?

А вот посетители, напротив, чувствовали себя уверенно, снимая плотные накидки. И в первом, мужчине средних лет, мне совсем незнакомом, наметились черты, как будто схожие с беркутом...

— Маркиз Орлов. — Отец говорил ровно, жестом приглашая мужчину присесть. И уже более галантно: — Ваше императорское величество! Чему обязан такой честью?

Я ошарашенно прикрыла ладонью губы, чтобы не вскрикнуть, а Славка с размаха плюхнулся на пол, поджав под себя тонкие ноги. И рот раскрыл, видимо, впервые увидев, как работает известный артефакт.

— Добрый вечер. — Изображение Екатерины Дмитриевны, ожившее в кристалле памяти, принадлежавшем отцу, дождалось ответного приветствия. — Прошу вас, не стоит излишне беспокоиться, граф. В конце концов, наш визит носит неофициальный характер, и цесаревичу знать о нем совсем не обязательно.

Незамысловатая просьба, не исполнить которую будет нельзя, — отец это тоже понял. В покорном жесте склонил голову, все же выдав себя глазами: напряжен. И выжидающе проследил, как императрица нарочито медленно прошла вглубь комнаты, без спроса удобно устроившись на невысоком стуле.

В противовес последней нашей встрече, тогда, в кабинете главы алхимического факультета, она была одета по-простому: в длинное шерстяное платье пурпурного оттенка — конечно, безупречно сидящее на стройной фигуре, только... незамысловатое. И украшений на ней — крошечные серьги с фамильным перстнем императорского дома.

С удивлением отметила, что облик ее, лишенный былого величия и блеска, присущих ей на светском рауте, делал ее слишком схожей с обычной женщиной.

— Вы, верно, догадались о цели моего визита, уважаемый Савелий Яковлевич? Все же величайший ум империи. Ваш ливиум...

— Всего лишь основа для нескольких изобретений. Фонарной иллюминации, к примеру. Или железной дороги. Арки, знаете ли, в разы ускоряют прибытие поездов, — настороженно откликнулся отец. — К тому же лекарство для дочери.

— О ней мы поговорим чуть позже, — пообещала императрица, тут же добавив: — Обязательно поговорим. Но сейчас о другом. Нам нужны ваши разработки. И, как вы понимаете, не только ради освещения Петергофа. Императорская казна почти пуста, а накануне бунта...

Екатерина Дмитриевна специально не договорила: она по-прежнему принадлежала к августейшему роду, и любое ее слово должно четко следовать высокому протоколу, позволив собеседнику додумать неудобные детали за нее.

— Ливиум не трансформирует материю в золото. — Отец не зря так строго наказывал меня за ложь, ведь он и сам лгать, как оказалось, не умел. И мать престолонаследника тут же догадалась об этом.

— Правда? Зайцев сообщил другое...

— Зайцев? — эхом отозвался отец, и черты его лица озарились догадкой. — Ты вот почему вы пришли... пилюли помогали и его дочери сдерживать безумие...

— Старый друг, — задумчиво напомнила императрица. — Знаете, Савелий Яковлевич, почему у меня нет друзей? Это как с любовью и

ненавистью: всего один шаг отделяет одно от другого. Вот вы, к примеру, тщетно пытались вернуть молодую графиню в род, а она по глупому любопытству раскрыла ваш секрет. А беда секретов в том, что их нужно уметь хранить... Я хочу предложить вам кое-что, граф. Сделку — довольно выгодную, если на нее взглянуть с верного ракурса...

Отец незаметно обернулся в сторону окна. Скользнул внимательным взглядом по почти идеально ровной стене, и поначалу этот взгляд показался мне непонятным. Однако уже спустя мгновение мне удалось заметить крошечную выемку между ровных камней, тотчас узнав ее.

Такая же выемка помогла мне когда-то проникнуть в отцовский дом, уложив фамильный перстень в паз, и я запоздало догадалась: отец готовился к отступлению. Тогда почему не ушел? Не успел? Или же вспомнил обещание Екатерины Дмитриевны вернуться к разговору обо мне?

Тонкий намек...

Маркиз Орлов тоже заметил поведение моего родителя. Позволил себе медленное, ленивое движение вдоль столов, словно бы разглядывая расставленные по ним склянки-колбы и примеряясь к находкам. Только этим представлением отца не обмануть, и он опустил ладонь в карман. Оружие?

— Не стоит, Савелий Яковлевич. Этим вы сделаете себе в разы хуже, — с угрозой предупредил маркиз. — Да и предложение императрицы не так дурно, чтобы его не выслушать. Екатерина Дмитриевна?

Женщина поднялась со стула, царственно ступая по проходу. Пристально глядя отцу прямо в глаза, произнесла:

— Я предлагаю вам принести мне кровную клятву о службе взамен на мое покровительство... во всем. Любая ваша разработка, любое научное начинание будет как нельзя лучше воспринято обществом... Новый титул, возможность вернуть дочь в лоно семьи, не боясь о последствиях... Согласны?

На лице отца проскользнуло гневное выражение. Позволить себе нечто подобное в адрес августейшей особы казалось совершенно невыносимым, но родитель не был рожден в высокородном семействе и потому держать себя умел едва ли.

— Я уже принес одну — клятву самому императору, и пока он жив...

— Смерть императора — вопрос всего лишь нескольких дней. После нее вы освободитесь от старого обещания, оставшись должным новому договору.

— После смерти государя, если империю постигнет такое горе, я, как и положено, присягну на верность цесаревичу, — твердо сообщил отец. — Сделаю то, что следует в подобных случаях.

Императрица злобно сверкнула глазами:

— А вот этого делать не стоит. Цесаревич тоже почти мертв. Он слишком слаб, чтобы управлять целой Старороссией. Если наследник старой крови взойдет на престол — погубит вместе с собой всех нас. Есть альтернатива...

Я схватилась руками за горло, удушливо сжавшееся от осознания происходящего. Но отец, кажется, лишь сейчас понял всю задумку Екатерины Дмитриевны:

— Вы не хотите видеть Павла Алексеевича императором, верно?

Едва заметный наклон головы вместо ответа, за которым последовал вопрос:

— Тогда кто же? Вам самой власть не удержать — главы высоких родов не подчинятся. Нужна сила! Ливиум и золото, им данное, — всего лишь малость, ваше императорское величество. Староросскую власть сможет удержать лишь сметающая все на своем пути мощь.

— Дара некроманта хватит? — смеясь, спросила императрица, лукаво оглядев отца. — Удивлены?

Мне удалось разглядеть изумление в глазах отца. А еще — недоверие, потому как любому в целой империи известно:

— Некроманты мертвы. Род Воробьевых почил много лет назад.

— Не все, — возразила Екатерина Дмитриевна. — Есть семейства, отмеченные мертвой силой. И есть тот, в ком этот дар пробудился в должной мере, к тому же с каплей монаршей крови. Так вы готовы принести нерушимую клятву?

Отец колебался всего секунду. Нерешительно сделал шаг назад, пробежав глазами по расставленным колбам, и я вдруг осознала, что в части из них кипело оружие не хуже, чем клинковая сталь. Но потом его взгляд на короткий миг остановился на том месте, где была

припрятана друга памяти: как будто давал понять, что увидит меня спустя все эти дни.

Снова развернулся к императрице, широко расправив плечи, и со спокойной уверенностью ответил:

— Вы заставляете меня повторяться, ваше императорское величество: кровная клятва уже прозвучала, и я не в праве совершить измену против короны и собственной совести.

Екатерина Дмитриевна раздраженно поджала губы, а ее спутник грозно зашипел:

— В таком случае, господин Ершов, вынужден предъявить вам обвинение в измене самой империи! — Голос маркиза прозвучал приговором. А ведь суда еще не случилось, и — теперь я знала это наверняка — уже не будет. — Прошу следовать за мной.

Кристалл памяти снова раскалился добела, тут же угаснув. А я подняла растерянные глаза на Славку. Малыш был так напуган, что дрожал всем телом. Стало ясно: после услышанного он тоже не мог рассчитывать на безопасность, ведь если хотя бы намеком озвучить накопленное в дружбе — смерть.

Заботливо сгребла мальчика в охапку, успокаивающе поглаживая по белокурым волосам. Позволила чуть перевести дух, шепотом спросив:

— Пойдешь со мной? Будет немного страшно и жарко, но потом — хорошо. Здесь теперь небезопасно.

Дождавшись несмелого кивка, повернула почти черный камень на родовом перстне маркиза.

Сноп искр обдал меня мягким теплом, заставив плотнее прижать к себе мальчишку. Ощутилось свободное падение — пожалуй, слишком резкое, — и уши заложило от испуганного детского визга.

Огонь почти не жегся, мигом переместив нас в огромный кабинет, знакомые стены которого были отделаны драгоценным зеленым сукном. Гул голосов, всего минуту назад звучавший в помещении, мгновенно смолк, заставив супруга и цесаревича развернуться в нашу сторону. Их глаза удивленно распахнулись, а маркиз сделал широкий шаг, остановившись всего в полуметре от меня.

— Ольга? Как ты... Кто это?..

Радость от встречи с Николаем тут же померкла, как только я запоздало поняла: в зеленом кабинете помимо моего супруга и

цесаревича присутствовали еще двое.

Утро у господина чиновачальника выдалось тяжелым.

Нестерпимая головная боль заставляла думать, что двух бокалов вчера было бы вполне достаточно, но воспоминания об Ольге все же оправдывали свершившуюся глупость, снова искушая напиться до беспамятства.

Однако Николай не привык погрязать в печали и горечи сожалений, да и неотложные дела, связанные с похоронами родных его жены, теперь уже бывшей, заставляли выбраться из-под теплого пледа, которым, видимо, его укрыла прислуга прямо здесь, в нижней гостиной.

Пробираясь в свою спальню сквозь полчище спешащих ускользнуть из-под ног ступеней лестницы, маркиз на ходу отдавал указания прислуге:

— Приготовьте ванну, добавив в нее целый пузырек специального отвара. Завтрак плотный. Одежда... костюм должен быть траурным, меня ждут распорядители бюро.

Налив себе стакан чистой воды, он задержался у широкого шкафа: бутылек со снадобьем все не находился в карманах его сюртуков. Но потом Николай вспомнил, что последний раз использовал его в день свадьбы, когда Ольге стало плохо. Значит, следует отыскать парадный фрак.

Залпом осушив бокал целебного напитка, маркиз с трудом забрался в ваину: чудодейственное средство подействует спустя минуту-другую, а пока придется потерпеть.

Костюм на влажную кожу садился плохо, то и дело собираясь непослушными складками. И огненному магу пришлось поднапрячься, чтобы призвать подвластную стихию. Использовать огонь для бытовых нужд казалось ему постыдным, но золотая звезда на мундире вибрировала уже с полчаса, а ввиду предстоящих событий...

Императорский портал сработал почти молниеносно, на сей раз без проверок и промедлений выбросив огненного мага у самых дверей зеленого кабинета. Мгновенно сориентировавшись в пространстве, Николай заметил цесаревича у окна.

По напряженной позе престолонаследника было ясно: дело не терпит отлагательств, и чиновачальник с неудовольствием подумал,

что столь сумасшедший ритм жизни ему начинает надоедать. Может, сказывался возраст: все же главному министру Старороссской империи совсем скоро исполнится тридцать, о чем с охотой напоминали лучистые морщинки в уголках глаз.

Но лишь когда Павел Алексеевич развернул к нему озабоченное лицо, покрытое тенью растерянности, тот понял: случилось совсем дурное...

— Что?..

— Тебе не следует беспокоиться. — Цесаревич предупреждающе поднял ладонь, стараясь жестом успокоить министра. Однако все его уловки странным образом действовали на огненного мага совершенно противоположно, раздражая с каждой секундой. Чтобы не позволить старому другу испепелить дворец, Павлу пришлось выложить разом все, что было известно к тому моменту: — Поезд, следующий до Итальянских земель, подорван. По сообщениям ищек, отправленных к месту трагедии сегодня утром, в живых не осталось никого...

Николай остановился на полушаге, резко побледнев, и сам себя выдал:

— Ольга?..

— Высокородное дерево показывает, что жива. Я самолично проверял этим утром, — снова предпринял попытку успокоить друга цесаревич. — Но Коля... если она поехала этим поездом, тогда где может оказаться сейчас?

Николай и сам не знал. Конечно, госпожа Полякова предупреждала его относительно графини Ершовой еще в первый день знакомства. И все последующие дни девушка не раз подтверждала слова куратора: внутри нее имелся твердый стержень, который вкупе с сильным характером и незаурядным умом заставлял противиться почти любому решению маркиза, но... где искать ее сейчас, когда вся империя катится в тартарары?!

— Я заговорю оставшийся у меня отцовский перстень: если она все еще жива и не находится под магическим куполом, смогу ее найти.

Павел согласно кивнул:

— Приступай. И да, мне сегодня понадобится твоя помощь. Конечно, после всего. Нужно...

Дверь кабинета резко распахнулась, явив взволнованную императрицу. Туалет ее все еще смотрелся изящно, но в деталях

присутствовал едва заметный намек: Екатерина Дмитриевна торопилась. К слову, стоящая за ней смущенная Елизавета Третьякова выглядела не лучше самой августейшей дамы.

Одетая с прежним лоском, она как будто была больна: пожелтевшее лицо с темными кругами под глазами — их, конечно, попытались скрыть приличным слоем рисовой пудры, привезенной с Востока, и все же болезнь проступала...

Вот и бурые пятна, уже, видимо, сводимые стараниями Поляковых, проявлялись под тонким кружевом. Они как будто были знакомы Николаю еще с тех времен, когда он менял истрепанную огнем одежду после тренировок с отцом... Но откуда у наследницы герцогской фамилии ожоги? Неужели в поместье случился пожар? Или виной тому болезнь, о которой не сообщают высокородному свету, не желая лишаться кровного родства с домом императора?

— Матушка?! — Цесаревич с недоумением оглянулся на друга, позволив себе столь редкий укор родительнице: — Если вы подождете всего с минуту, я смогу принять вас... вместе с невестой.

— Прости, дорогой, — откликнулась действующая императрица, скользнув напряженным взглядом по огненному магу, — дело не терпит отлагательств. Впрочем, твой министр может остаться, я пришла с крайне дурными вестями, касающимися всех нас.

На лицо цесаревича упала темная тень, позволившая Николаю догадаться: его друг не просто был готов — ждал этого.

— Прошу, присаживайтесь, дамы. Напитки?

— Некогда, мой дорогой. Ты должен узнать незамедлительно: твой отец почил несколькими минутами ранее. Я просила Поляковых до меня тебе ничего не сообщать: хотелось в этот тяжкий для всех нас момент быть вместе, семьей...

Павел Алексеевич растерянно уселся в высокое кресло, с шумом выдохнув. Накрыв вспотевшей ладонью широкий лоб и, приняв тяжелый бокал из рук огненного мага, даже не проверяя, тут же опрокинул его.

— Мне очень жаль, матушка, — с грустью произнес он. — Отец навсегда останется в нашей памяти...

— Конечно, — отмахнувшись, прервала престолонаследника императрица. — Но сейчас речь о живых. Если не заключить помолвку

до объявления о его кончине, бунта не миновать. Ты должен поторопиться — еще до петергофского бала. Елизавета согласна.

Екатерина Дмитриевна бросила мимолетный взгляд на свою протезу, заручившись ее уверенным кивком, и снова стала увещевать сына:

— Ну же, дорогой! Я говорила с Поляковыми, они помогут сохранить все в тайне где-то с неделю: видишь ли, вход в королевскую усыпальницу доступен лишь тебе, и высокородное дерево не сможет никому сообщить о кончине отца, пока мы сами не позволим. Бальзамирование его трупа позволит представить тело без малейших следов разложения — подобная практика издавна используется во многих монарших семьях Европы.

Павел с недоумением воззрился на матушку, словно бы не понимая, о чем она говорит. Бросил полный извинений взгляд на невесту, после чего коротко попросил:

— Мы должны обсудить это наедине. Особые обстоятельства, знаете ли...

— Особые? — Императрица подозрительно сузила глаза, в ободряющем жесте сжав ладонь выбранной ею невесты сына, и метнула колкий взгляд в сторону огненного мага: — Девушка уже почти в семье. Прошу простить меня, но если и просить кого-то об уходе, так это...

Она красноречиво остановилась глазами на Николае, впрочем, нисколько того не смутив. Он развернулся к цесаревичу, ожидая его приказаний: если тот пожелает, огненный маг исчезнет в пламенном портале всего за секунду. Однако цесаревич полным отчаяния взглядом пригвоздил его к месту, тут же отозвавшись:

— Как пожелаете, матушка. Если на то будет ваша воля, тогда скажу при госпоже Третьяковой: наша с ней помолвка все еще не определена ввиду последних событий.

— Каких?! — громко выкрикнула императрица, разъяренно покраснев. Ей едва удалось сдержаться, чтобы не наговорить лишнего. Но высокородное воспитание позволило все же взять себя в руки и огорченно обернуться к протезу: — Прости, дорогая, видимо, и вправду не стоило тебе слышать этих кощунственных слов.

И уже сыну:

— Да о чем же ты говоришь, Павел?! Объяснись немедленно!

Это имя она с детства использовала как наказание: обращение «дорогой» — нечто повседневное, привычное; «Паша» — когда тот допустил легкий промах; но «Павел»... Такое-то и случилось всего дважды — и оба раза Павлу Алексеевичу вспоминать не хотелось.

Только теперь он вырос, превратившись из престолонаследника в почти самого императора, и с подобным следовало заканчивать. Цесаревич собрался с силами, твердо пояснив:

— Николаю удалось узнать, что некромант выжил.

— И что с того? Как это может помешать твоей помолвке?! — Алые пятна гнева уходить не желали, медленно сползая с лица августейшей дамы на шею и грудь. И смотрелось это крайне неприглядно.

— Никак, — уже увереннее рассудил Павел. — А вот помолвке именно с госпожой Третьяковой — вполне: все же ее род несет в себе мертвую кровь Воробьевых, как совсем недавно оказалось.

— Ты же знаешь, — явный упрек перемежался с выраженным раздражением, — даже мой род когда-то озарялся этим даром, но что мертво, то мертво.

— Верно, — отозвался император. — Только у нас есть еще три дня, чтобы проверить это.

Он встал, подошел к Елизавете и, опустившись к ее ладони, коснулся тонкой ткани перчатки губами:

— Прошу меня простить, но до того, как мы установим личность некроманта, я вынужден просить вас об отсрочке. Уверен, вы поймете.

Глаза Елизаветы зло сверкнули, но тут же погасли, снова став похожими на застывшие стекляшки. И в следующую секунду она уже следила за императрицей — ожидала указаний?

— Моя дорогая, я все улажу, — пообещала Екатерина Дмитриевна, бросая испепеляющие взгляды поочередно на молодого императора и его чиновника, — но прежде...

Договорить она не смогла: пришлось интуитивно поднять к глазам руку, чтобы укрыться от пламенной вспышки открывшегося портала. Прямо в кабинет цесаревича грубо ввалились двое: скромно одетая девушка и небольшого роста белобрысый мальчишка — оба выглядели столь просто, что их едва ли пустили бы на порог дворца, заявись они обычным способом.

— Ольга? Как ты... Кто это?.. — Николай тут же сделал к ней широкий шаг, остановившись прямо напротив.

Но прежде чем она успела ответить, ее взгляд настороженно скользнул по присутствующим, с ужасом остановившись на императрице. В нерешительности девушка стояла всего минуту, после чего протянула на дрожащей ладони прозрачный кристалл памяти, уже активированный ранее.

Изображение вспыхнуло, поначалу пойдя волнами, и в скором времени императрица узнала в нем себя.

— Что это значит?! — возмущенно завопила Екатерина Дмитриевна. — Измена! Эта женщина участвует в измене Староросской империи! Стража!

Вбежавших в комнату магов с зажегшимися силовыми сферами остановил сам цесаревич. Внимательно окинул всех хмурым взглядом, тут же отдав приказ:

— Вон!

Наступило оглушительно тягостное молчание, какое-то время прерываемое лишь шумным дыханием молодого императора. Когда он с сожалением задал вопрос, в его единственном слове прозвучал надрыв:

— Почему?

Императрица растерянно улыбнулась, приоткрыв рот для оправданий. Захлопала веерами длинных ресниц, так и не решаясь дать правдивый ответ. Смогла сказать лишь:

— Прости.

Цесаревич с болью смотрел на нее, надеясь услышать объяснения, но его матушка гордо распрямила плечи, снова обретя царственную осанку, а потом развернулась к Ольге, чтобы забрать обещание, данное на крови:

— Прикажи цесаревичу и огненному магу убить друг друга!

И вместе со словами императрицы по высокому ворсу ковра поползло мертвенно-зеленоватое свечение, быстро спускавшееся с раскрытых ладоней бывшей императорской невесты.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой все заканчивается и начинается заново

Смерть не ждет, и жизнь ждать не должна.

И. С. Тургенев. Дворянское гнездо

Первым порывом было сделать шаг по направлению к мужу. Положить горячие ладони ему на лоб, чтобы, глядя прямо в глаза, исполнить приказ императрицы. В этот момент во мне бесновалась такая сила, что не оставалось ни малейшего сомнения: я справлюсь и ничто в целой империи не остановит меня.

Кровная клятва, данная на светском рауте ее императорскому величеству, бурлила в венах, отзываясь памятным:

«Я, маркиза Ольга Савельевна Левшина, кровью клянусь быть верной ее императорскому величеству Екатерине Дмитриевне. Залогом клятвы оставляю свою жизнь».

Сделала крошечный шаг по направлению к мужу, натолкнувшись на полный сожаления взгляд и раскрытую ладонь любимого. А родной голос с нежностью остановил:

— Тебе больше не нужно подчиняться императрице, малышка. Помнишь, ты больше не Левшина?..

Остановилась так резко, словно бы Николай наотмашь ударил меня по лицу ладонью. И все же... чинов начальник особого кабинета министерства не ошибся: я действительно больше не имела права носить его фамилию. Значит, и клятва еще со вчерашнего дня не имела надо мной никакой власти.

Обернулась к растерянной и раздраженной Екатерине Дмитриевне, подробно пояснив:

— Николай... Георгиевич прав: мы больше не женаты. Я не могу исполнить принесенную клятву, ваше императорское величество.

Слишком поздно заподозрила месть государыни. Совсем не думая о собственной безопасности, затолкала испуганного мальчишку себе за спину, попытавшись дотянуться до ладони мужа.

Мой огненный маг вспыхнул буйным пламенем, отбрасывая живые щупальца мертвенного свечения к окну. Но все же одной вспышке удалось до меня добраться. Я сделала шаг в ее сторону, чтобы увести подальше от Славки, и дурно пахнущая тьма накрыла меня с головой.

Наверное, тьма умела творить миражи, в которых яростно звучал грохот сапог боевых магов — все тех же, которых молодой император только что попросил уйти. А еще... в этих миражах пылали магические сферы. Огненные и водные, мертвенно-зеленые — но эти с каждым разом все более блекли.

И уж явно тьма могла кричать десятками голосов.

Только один голос и один мираж удался ей все-таки лучше прочих: среди других звуков и действия, среди сражения я по-прежнему ощущала рядом с собой своего мужа. Пусть бывшего. И пусть ненастоящего, подаренного миражом. Однако его голос звучал по-прежнему мягко, словно баюкая, шепча у самого уха:

— Ничего не бойся, слышишь? Ничего не бойся, потому что... я люблю тебя.

Лучшего повода перестать бояться не могла бы предложить даже самая восхитительная реальность...

...Веки упорно не желали раскрываться, но знакомый и такой родной голос раз за разом звал по имени, заставляя вернуться:

— Ольга! Ты должна открыть глаза, слышишь?

Я ощущала присутствие мужа и на сей раз от души хотела подчиниться ему, но сил хватило лишь на то, чтобы спросить:

— Где Славка?

Совсем рядом, у самого лица, прозвучал тихий смех. Грустный, совсем не такой, каким обычно смеются люди, когда им весело. Только я была так рада ему, что заставила себя улыбнуться в ответ. Пусть даже и уголками губ, истратив на это последние силы.

— А ведь ты снова заботаешься о других... — Упрек Николая прозвучал мягко, покрыв щеку таким же невесомым прикосновением. — С ним все в порядке. Обещаю рассказать подробнее, если постараться открыть глаза.

Настойчивый. И все-таки он точно знал, какие слова произнести, чтобы заставить меня подчиниться.

Покорно взглянула на огненного мага, болезненно щурясь даже от скудного огонька свечи, оставленной у изголовья кровати. Его настороженное лицо замерло всего на расстоянии ладони, а во взгляде замерло крайнее беспокойство.

— Малыш жив и здоров, — исполнил обещание он. — Правда, пришлось ему очистить память при помощи Поляковых, но ты не волнуйся, все прошло безболезненно.

Он провел ладонью по моим волосам, заставив задуматься о том, как я выгляжу после схватки с некромантом. Видимо, жалко, потому как взгляд бывшего мужа исполнился сочувствия и нежности, а нежность в наших отношениях присутствовала крайне редко и каждый раз имела под собой особые причины.

— Он сейчас дома. С увесистой сумкой золота, которую его тетюшка охотно приняла взамен молчания о том, что ее постоялица, Вера Матвеевна Калинина, сбежала из дома ради безответной любви.

Маркиз снова глухо рассмеялся, позволив себе заметить:

— Мальчонка, кстати, оказался весьма толковым парнем. И мы с цесаревичем подписали с его тетюшкой договор о том, что она отпустит его на учебу в Петергоф, когда придет время. По счетам нужно платить, а этот крошечный смельчак выручил мою супругу, когда меня не было рядом.

Николай помог мне устроиться на высоких подушках, заботливо приподняв их в почти вертикальное положение. И только сейчас мне удалось разглядеть, что я нахожусь не в госпитале, как прежде, а в спальне родового особняка Левшина: прямо напротив меня на высоком камине стоял памятный дагеротип, подаренный маркизу дедом в день нашей свадьбы.

Чувство горечи затопило душу, и я с надеждой спросила:

— Похороны?

— Состоялись, — извиняющимся голосом пояснил огненный маг. — Ты была без сознания почти неделю, я не мог ждать так

долго. Вынужден также с разочарованием сообщить, что на первый петергофский бал ты тоже не успела. Будет много других...

Николай пытался успокоить меня, но упоминание о петергофском бале возродило в памяти другое. Вспомнился злосчастный высокородный договор о браке, в спешке подписанный дедом. И поскольку я находилась на территории Староросской империи, не исполнить его казалось совершенно невозможным. Если только сам маркиз пожелал бы отказаться...

Похоже, по напряженному выражению лица огненный маг догадался о тревожащих меня мыслях. Ровнее уселся на краю кровати, оставив мне чуть больше свободного пространства, и, заключив мои ладони в свои, с сожалением произнес:

— Снова ледяные. Тебе холодно?

Отрицательно покачала головой. От волнения не могла чувствовать ни холод, ни жару. В настоящий момент все мои мысли были заняты другим, и спасибо маркизу за проявленное великодушие — он тут же пояснил:

— Высокородный договор вошел в силу, но обстоятельства... Свадьба так и не состоялась, ввиду чего ты можешь обжаловать бумаги в суде. Я сделаю все, как захочешь... приму любое твоё решение.

Он остановился на мгновение, следя за выражением моего лица, — как будто не отваживался даже подумать о согласии. Пришлось собрать ещё кроху сил, чтобы ободряюще улыбнуться.

Черты маркиза разом просветлели, и уже более твердым голосом он попросил:

— Тогда... Ольга Савельевна Ершова, я прошу тебя стать моей супругой. Чтобы до конца отпущенных нам дней у меня оставалась возможность наслаждаться твоим поистине незаурядным образом мыслей, блестящим умом и... да, все той же непоколебимой непокорностью — пресловутым качеством наследной графини Ершовой, приведшим ее в стены зеленого кабинета в самый необходимый момент.

Муж тепло улыбнулся, тут же заверив:

— Ты спасла нас всех, знаешь?

Удивленно распахнула глаза: все же последнее, что я видела, — это зеленая вспышка мертвой силы. Конечно, существовали еще и

миражи, рожденные тьмой, только... о дальнейшем развитии событий мне до сих пор ничего не было известно.

— Что случилось после?..

Чрезмерное любопытство заставило меня забыть о предложении, озвученном супругом, и ему пришлось укоряюще напомнить:

— Я жду твоего ответа, моя дорогая. Все подробности — после.

Пришлось согласиться, позволив ему чувственно и совсем по-хозяйски коснуться губ. А затем огненный маг рассказал:

— Некромант, которого я так давно преследовал, оказался не кем иным, как невестой цесаревича. Не удивляйся, рано! Вот узнаешь, откуда появилась эта девушка...

И он начал рассказ:

— Тебе, верно, неизвестно, но императрица вышла замуж за старого императора, будучи совсем юной и безвозвратно влюбленной в молодого наследника дома Третьяковых. Кто станет думать о чувствах, когда в дело вступают амбиции? Брак этот, как и большинство высокородных союзов, с самого начала был обречен: всего лишь ставка в августейшей игре. Выгоду получили все, кроме самих молодых.

Старый император, который на тот момент, кстати, едва ли не вышел уже из возраста жениха — все же сорок с небольшим, тоже имел любовь на стороне. Ничего особенного, всего лишь необременительная связь с простой певичкой, но чувства, знаешь ли...

Молодая императрица какое-то время сдерживала ярость, вынашивая нелюбимого сына от опостылевшего мужа, и честно пыталась привязаться к малышу. Поддавалась уговорам матери терпеть как самого супруга, так и скучную жизнь при дворе. А потом... выгорела.

Совершенно случайно вспыхнула связь на стороне с бывшим возлюбленным — конечно, сперва возникшая как ошибка, единожды. Но после... каждая встреча заставляла увядающую императрицу вновь оживать, пока не произошло то, что обычно происходит в подобных случаях.

Возрождение старых чувств абсолютно закономерно привело к беременности, от которой у стареющего императора появились силы жить, пока... сияющий бутон не проклюнулся совсем не на той ветке. Ты же знаешь, стихия императора — вода, императрицы — воздух.

Если бы девочка пошла даром в мать, адюльтер возможно было бы скрыть. Однако отцовский талант — камни, и распутившийся на каменной ветке цветок совершенно однозначно подсказал государю, где стоит искать следы тайного поклонника супруги.

Конечно, беременность Екатерины Дмитриевны пришлось скрывать. Недомогания часто случаются с молодыми женщинами высоких родов, и как подвергнуть сомнению тот факт, что даже августейшей даме понадобилось лечение на водах? Всего несколько месяцев, пока фигура ее величества вновь не приобрела былую стройность...

Внебрачный приплод пришлось отдать в семью любовника — там девочку тоже не особо любили, но выжить нехотя позволили. К слову, императрица о дочери не забывала, приезжая к малышке ежемесячно. Конечно, с гневом супруга справляться было все сложнее, но эти визиты удерживали многочисленную родню ребенка от дурных мыслей, и когда пришло время пробуждаться дару, августейшая мать заметила в своей малышке гораздо большую силу, чем умение говорить с камнем.

Давняя связь с Воробьевыми, которыми лишь единожды был отмечен род императрицы, внезапно дала свои плоды — Елизавета Третьякова оживила найденную во время прогулки птичку. Событие для масштаба вселенной небольшое, но для амбиций Старороссии — крайне существенное.

Думаю, именно тогда план Екатерины Дмитриевны окончательно созрел. Отнятая дочь была чуть младше нелюбимого сына, и при верном расчете ее можно было выдать за него замуж. Не пугайся: до кровосмешения дело бы не дошло, на помощь в таких случаях обычно приходит скорая смерть молодого наследника и почти мгновенная беременность его жены. Главное, чтобы талантом внебрачный ребенок пошел в мать...

Николай остановился ненадолго, понимая, что все озвученное им дико и чуждо и что говорить об этом почти немыслимо в стенах нашей спальни. Но все же продолжил, стараясь закончить как можно скорее:

— А ведь даже я не сразу понял, что в плане императрицы центральных фигур было две. Дочь и... ты. Конечно, поначалу она очень рассчитывала на помощь твоего отца, но, как ты уже знаешь, он был связан кровной клятвой со старым императором. А вот никому

пока не известная наследная графиня, только что покинувшая школьную скамью в Хвойном, — это интересно. Особенно если учесть, какой мощи дар течет в ее венах.

Думаю, твои детские воспоминания так слабы, потому что отцовский ливуим частично стирал их, однако твой дед сам рассказывал мне, что с тех пор как у тебя начались головокружения, никто не мог противиться твоей просыпающейся мощи. Любая просьба, любой самый незначительный намек на желание — все исполнялось почти мгновенно. И ведь даже герцог Соколов, наследовавший схожий дар, не мог противостоять силе твоего таланта.

Ты только представь себе, Оля, что могло случиться, если бы кровной клятве суждено было исполниться... твой талант — единственный дар убеждения во всей Старороссии. Императрица могла просто приказать — и любое ее желание исполнилось бы мгновенно. Знаешь, я ведь много раз думал, насколько был умен твой отец, решив отдать тебя в Хвойный...

С горечью подумала, что Николай прав: отец действительно от многого меня уберег. Только по-прежнему неизвестным оставалось другое.

— Тот труп, который духовной дружкой отмечен как мой отец...

— ...простой бродяга с похожим пятном, — пояснил супруг. — Зачарованный кристалл можно было поднести к любому, чтобы показать схожий результат. Наша беда в том, что предположить нечто подобное мы даже не осмелились...

— Значит, поэтому некромант, которым оказалась бывшая невеста цесаревича, с легкостью узнавал о твоих планах? Из-за матери?

— Верно. Она все знала наперед: что именно я поеду забирать тебя из Хвойного и что дорога наша должна будет пролегать через старое кладбище. Оpozнание трупа, моя помолвка... светский раут и мой последующий отъезд к цесаревичу — любой, еще не свершившийся шаг был уже отмечен для нее.

— И доступ на нижние ярусы министерства, который получить кому-то другому было бы невозможно, тоже выдан императрицей?

Легкий кивок, за которым последовало пояснение:

— Императорский перстень позволял проникнуть на любой уровень министерства... и не только. Да и кто станет проверять

наличие фамильного камня на руке почти покойника, к тому же когда вокруг него едва ли не постоянно находится августейшая супруга?

— Значит, когда на дом деда напали, я подчинялась приказам самой...

— Екатерины Дмитриевны, да. После светского раута они вместе с дочерью и небольшой свитой изменников прибыли к родовому особняку твоего деда и, призвав подвластные стихии, разрушили его, позволив тебе выжить. Тогда еще кровная клятва была в силе, и послушаться ее ты не могла никак. В том-то и был ее расчет — клеймить тебя постыдной печатью монстра, убившего свою семью, и когда весь высокородный свет отринул бы изгнанницу — снова предложить любовь и дружбу. Не даром, конечно, — за услугу. За ряд услуг.

Недостающие части грубой мозаики сложились, позволив мне понять разом всю задумку отчаявшейся женщины. Как и то, с чьей силой приходилось сталкиваться при нападении Зайцевой... Все же мертвая мощь со стихией камня — явная подсказка.

Припомнилась и древняя усыпальница с высокородным деревом. Яркая вспышка, заматавшаяся между семьей маркизов Орловых, из которых брала свое начало мать престолонаследника, и семьей герцогов Третьяковых — отца девушки-некроманта. А ведь тогда огненный всполох не зря устремился к самой верхушке — если бы не удача, он бы ее уже достиг...

Дернувшись от осознания ужаса того, что все могло сложиться совсем иначе, спросила мужа:

— Что сейчас с императрицей? И с невестой цесаревича?

— Обе отбыли в дальние монастыри. По двум крайним точкам нашей империи. Мера, конечно, вынужденная, и Павел хотел оставить шанс хотя бы... хм, сводной сестре... — Николай недовольно свел брови, выражая этим всю глубину своего недоверия столь великодушной идее. — Но мертвый дар — редкость, как и твой, и оставлять его без присмотра нельзя. Быть может, чуть позже, когда мы найдем артефакт-накопитель, у девушки появится возможность вернуться в свет, выйти замуж... Ведь ливиум твоего отца уже на исходе, и его хватит совсем ненадолго, Староросской империи придется придумать что-то другое, чтобы запускать иллюминацию улиц и домов, ускорять ход поездов и многое другое. Все же

разработка твоего отца была крайне удачной, но ее секрет безвозвратно утерян вместе с его создателем.

— А бунт? — вспомнила я.

— Бунта не будет, — убедительно заверил Николай. — Вестью о смерти старого императора никого не удивили. Скорбная неделя заканчивается сегодня.

— Но главы высоких родов... Многие из них участвовали в измене! Что с ними?!

Огненный маг успокаивающе улыбнулся, вновь проведя ладонью по моим волосам:

— Оставшимся в живых после расследования было предложено принести новую кровную клятву молодому императору, как и полагается в случае смерти отца. К слову, предложение приняли почти все, потому как пара отказавшихся была скоро повешена, что не могло не послужить весьма веским аргументом...

— Алеша?..

— Цесаревич предложил ему вернуться в Старороссию. — Пальцы мужа чуть дрогнули, дав понять: ревнует. А я еще раз позволила себе улыбнуться одними уголками губ. — Граф Никитин прибыл всего на день. Принес клятву наследнику и снова отбыл в Итальянские земли, узнав, что ты принадлежишь мне согласно высокородному договору. Прости, Оля, я должен был сказать ему правду... Если ты захочешь...

— Не захочу, — отозвалась я. — В конце концов, у меня были целые сутки, чтобы как следует разобраться в себе.

Глаза огненного мага довольно блеснули.

— И что же ты думаешь о том, чтобы не тянуть слишком долго со свадьбой, моя дорогая невеста? — предвкушая скорую награду, вновь лукаво поинтересовался маркиз, украв у меня еще один поцелуй.

— Что полностью согласна с этим, потому как мне снова хочется уснуть под шум дождя в твоей спальне... но позволить себе нечто подобное до брака абсолютно невозможно.

Лицо Николая выдало крайнее разочарование, когда он, встав с моей постели, подошел к окну. Раскрыл занавески, впуская в комнату косые серебряные лучи полной луны, и с сожалением заметил:

— Пришлось бы угрожать священнику смертью, чтобы заставить его обвенчать нас поздней ночью. Тогда... утром?

— Утром, — эхом откликнулась я.

ЭПИЛОГ, в котором Ольга все же попадает на долгожданный петергофский бал... год спустя

Что непонятно, то и есть чудо.

А. П. Чехов. Дом с мезонином

Теплый ночной воздух приятно ласкал щеки, разгоряченные венским вальсом. Я смогла бы остаться в зале, но приглашение его сиятельства, написанное на изящном прямоугольнике лощеной бумаги, заставило с предвкушением выскользнуть за дверь.

За спиной раздавались приглушенные ритмичные звуки мазурки, горячо полюбившейся мне за последний год, и я втайне пожалела, что сегодня лишилась этого танца. Тем более что бальная книжка была полностью расписана — впрочем, как и всегда.

С нежностью улыбнулась постоянству привычек своего супруга, изменившего себе лишь текущим вечером: с явной неохотой он позволил записать вторым кавалером Павла Алексеевича, с шутливой угрозой напомнив другу:

— Не сведу с вас глаз ни на секунду!

Николай исполнил данное обещание сполна, снова породив в высоком свете ряд сплетен о горячности характера чиновника особого кабинета. Только слухи мало тревожили нас, как и сам свет.

Миновав десяток мраморных ступеней, едва не вскрикнула, внезапно ощутив сомкнутую властную ладонь вокруг своего запястья. Легкий бережный рывок — и нас заботливо окутала тень густых зарослей сирени.

Головокружительно запахло первыми буйными бутонами, снова распускившимися в этом году довольно поздно, и я в предвкушении зажмурила веки, предчувствуя такой долгожданный поцелуй.

— Ваше сиятельство? — Голос маркиза обволакивающе скользил по обнаженной коже шеи, следуя за жадными губами. И, кажется, те

спускались все ниже, пока я, смеясь, не остановила его:

— Николай!

Муж нехотя вернулся к шее, снова опалив ее горячим дыханием, и шутя ответил:

— Как скажешь, дорогая. Любое твоё желание для меня — закон!

Позволила себе насладиться долгим поцелуем, прежде чем протестующе уложила кулаки на грудь огненного мага:

— Мы должны вернуться, ты же знаешь. Бал дается в честь помолвки молодого императора...

— Вернемся, — ласково заверил супруг, впрочем, не остановившись ни на миг. — Его императорское величество поймет, он и сам по уши влюблен в свою невесту. Внутреннее чутье подсказывает мне, что конца бала они тоже не дождутся...

Слова о приятном завершении судьбоносных испытаний Павла Алексеевича тепло отозвались в душе, напомнив о том, что всего год назад судьба целой империи могла решиться совсем иначе.

— Хорошо, что все закончилось так... правильно. — Пришлось спрятать лицо на груди мужа, чтобы оставить хотя бы каплю розовой помады на губах, — на тот случай, если муж все же позволит вернуться в зал. — Император тоже заслужил свое счастье.

— Как и мы, моя дорогая. Кстати, о счастье... — Муж снова приподнял мой подбородок кончиками пальцев, заставив вспомнить тот день, когда этот жест был прощальным. Не сдержав эмоций, ощутила, как глаза увлажнились: в последнее время я стала на редкость сентиментальной. — Что с тобой? Опять воспоминания?

Пришлось кивнуть: речи о том, чтобы обмануть мужа, не было — он слишком хорошо меня знал. Огненный маг крепко сгреб меня в охапку, с горячностью прошептав у самого виска:

— Больше не позволю, слышишь? Дурные вещи должны случаться с людьми лишь единожды. Я обещаю...

Он шептал на ушко ласковые слова, опаливая кожу жаркими поцелуями, и спустя всего несколько минут я почувствовала, как голова закружилась. Темная сочная зелень, сладко пахнущая сиренью, сделала небольшой виток — и уже в следующее мгновение я оказалась на руках мужа.

— Вернемся домой? — участливо спросил он. — Тебе нужен отдых.

— Головокружения возобновились, — нехотя пояснила я. — Уже вторую неделю подряд. И, кажется, становится только хуже: ко всему добавились утренние недомогания, все чаще отзывающиеся приторной тошнотой. Боюсь, мой дар снова выходит из-под контроля.

Блестевшие в свете дворцовых фонарей глаза мужа затопила бескрайняя нежность, разбудившая успевшее стать родным тепло послушного мне огня. Внутри зажглись крошечные чертики искорок, заскакав под кожей легкими вспышками, а Николай с любовью прошептал:

— Знаю.

— Как? Ты говорил с Поляковыми? Они могут это остановить?

Муж загадочно улыбнулся, снова позволив себе подурачиться, и протянул на раскрытой ладони прозрачный кристалл.

— Друза памяти? — Ничего не понимая, коснулась острых граней кристалла, тот сразу же вспыхнул в ответ, озарив пространство вокруг нас тусклым светом.

— Это подарок. На день рождения. — Мой огненный маг снова опалил губы поцелуем — на сей раз не просто чувственно, но явно давая понять, что возвращаться во дворец совсем не планирует.

А я недоуменно поинтересовалась:

— Еще один? Утром ты подарил мне чудесный гарнитур из аквамариновых камней. Ближе к обеду — белоснежного скакуна. А под вечер — новую оранжерею, открытую в нашем поместье в Шуваловке. Не слишком ли много подарков для одного дня? — с шутливым упреком пожурила Николая. — К тому же на прошлой неделе мы отмечали мои именины, а за несколько дней до этого — начало весны. И каждый раз — подарки... Ты балуешь меня!..

— Этот — особенный, — пояснил муж, снова целуя в шею. — Смотри.

И он крутанул вокруг широкой оси несколько кристаллов, позволив замершей картинке ожить.

— Высокородное дерево? — выдохнула удивленно. — Мы...

Догадка вспыхнула яркой волной, заставив с жаром обнять маркиза, прошептав в самые губы:

— Неужели?..

— Да, — нежно отозвался он. — На огненной ветке совсем недавно зажегся новый бутон. Он еще, конечно, совсем маленький, но растет с каждым днем. Я самолично навещаю с императором в древнюю усыпальницу, совершенно не способный не взглянуть на него хотя бы раз в сутки.

— И Павел позволяет? — засмеялась я, представив недовольство молодого императора, которого ежедневно отвлекают от государственных дел, чтобы взглянуть на зарождение нового подданного.

— Да! — так же смеясь, отозвался муж. — Конечно, ворчит каждый раз, что если его навещать регулярно, то от этого он быстрее не распустится. Но мне кажется, ввиду последних счастливых событий, произошедших у него самого, старый друг начал относиться к моим причудам с пониманием. Не думаю, что императорская чета станет тянуть с наследником целый год...

— Мы тоже не тянули, — с шутливым укором улыбнулась я. — Просто все происходит ровно тогда, когда должно.

— Ты права, дорогая, — покорно согласился муж.

Его ладони прочно обхватили мою талию, чтобы минутой позже перенести в родовой особняк на Парковой. Я не была здесь последние три месяца: супруг настаивал, чтобы до открытия сезона мы оставались в Шуваловке. И вот — первый бал и первый визит домой, в Петергоф.

Гостиная осталась все той же — с чуть тяжеловесной мебелью и обилием позолоты, сверкающей в пламени десятков свечей. Лестница, длинный коридор, стены которого сплошь увешаны портретами почивших маркизов Левшиных. И наша спальня...

Но огненный маг, загадочно улыбаясь, провел меня чуть дальше, толкнув рукой следующую дверь. Створка отошла бесшумно, приоткрыв темноту ночной прохлады, — окно совсем недавно было настежь раскрытым.

Только, даже несмотря на упорные старания прислуги скрыть следы недавно оконченного ремонта, в воздухе витал едва различимый аромат свежей краски и нового дерева, но которому догадалась: муж хотел сделать сюрприз, приказав отремонтировать покои к нашему переезду.

— Прости, сейчас согрею. — Николай набросил мне на плечи парадный фрак, призвав верткий огонек на раскрытой ладони. Тот тут же прыгнул в уютный камин, изящно вырезанный из белоснежного мрамора, и разом превратился в бушующее пламя.

Комната озарилась теплым желтым светом, позволив разглядеть круглую люльку с обилием рюшек у самого окна, укрытую тончайшими волнами шелкового балдахина. На двухместном диванчике, поставленном у противоположной стены, кто-то заботливо усадил целое семейство забавных кроликов с неправдоподобно длинными ушами. А около пушистого ковра нашего наследника ждала совершенно сказочная лошадка на тонких полозьях.

Не сумев сдержать благодарных слез, ласково прильнула к мужу. Обняла его за талию, заглянув в омуты карих глаз:

— Она розовая, — заметила я. — Значит, малышка?

— Или малыш, — извиняющимся тоном произнес Николай, оглядываясь на смежную дверь. — Но на этот случай я оформил соседнюю детскую. Хотелось бы верить, что ветка твоего деда тоже в скором времени зацветет.

Легкая грусть кольнула лишь на мгновение. Только в день нашей свадьбы мы с маркизом дали друг другу клятву, что прошлое оставим в прошлом. И я согласно кивнула ему, с удовольствием подумав о том, что рожденный с редким даром малыш ничего не узнает ни о серых пилюлях, ни о почти исчезнувшем из Староросской империи ливиуме.

Март — апрель 2021

notes

Примечания

1

Жребий брошен (*лат.*).